

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония,
Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия,
Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия,
Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия,
Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия,
Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия,
Казань)

А. В. Поляков, доктор исторических наук (Россия,
Санкт-Петербург)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия,
Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия,
Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия,
Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия,
Новосибирск)

*Журнал утвержден научно-техническим советом
Алтайского государственного университета
и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–
78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо издание в целом
не могут быть перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя.*

Адрес редакции: 656049, Алтайский край,
Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет,
кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-
конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство Алтайского
госунiversитета, 2022

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)
M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph.D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)
O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)
M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)
E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)
A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)
L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)
A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)
A. V. Polaykov doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)
A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)
D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and
Technical Council of Altai State University. All rights
reserved. No publication in whole or in part may
be reproduced without the written permission
of the authors or the publisher. Registered with
the RF Committee on Printing. Registration
certificate PI № ФС 77–78911. Registration date
07.08.2020 z.*

Editorial office address: 656049, Altai region,
Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state
University, Department of regional studies of
Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022 Том 27, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сериков Ю. Б.</i> Махтыльский холм — древнее святилище на реке Сосьва	7
<i>Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С.</i> Захоронение лошади раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай)	22
<i>Котеньков С. А., Пилипенко С. А., Попов К. Ю.</i> Зубная щетка из грунтового могильника Маячный Бугор-I (историко-археологический аспект и реконструкция)	34
<i>Ярков А. П.</i> Археологические исследования «исламских» памятников Северной Азии	51

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Копылов И. В., Хоменко Д. Ю.</i> Репродуктивная стратегия коренных народов Енисейского Севера в конце XIX — начале XX в. (по материалам священников-миссионеров)	70
<i>Степанова О. Б.</i> «Все люди — дети великого Корга»: медведь как квинтэссенция архаических взглядов на животное в мировоззрении селькупов	85
<i>Рыблова М. А.</i> Культурные заимствования в традиции донских казаков	99

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ильин В. Н.</i> Российская антистарообрядческая государственно-конфессиональная парадигма 1666–1906 гг.	113
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Этнический и религиозный аспекты толерантности в Республике Тыва (по результатам социологического исследования)	122
<i>Дашковский П. К., Ожиганов А. Н.</i> Атеистическая пропаганда в Хакасии в середине 1960 — середине 1970-х гг.	144

ДЛЯ АВТОРОВ	162
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2022 Vol. 27, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Sericov Yu. B.</i> Makhtylsky hill — an ancient sanctuary on the Sosva river.....	2
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S.</i> Horse burial of the early scythian period from the Carban terrain (North Altai).....	22
<i>Kotenkov S. A., Pilipenko S. A., Popov K. Yu.</i> A toothbrush from the ground burial Mayachnyy Bugor-I (historical and archaeological aspect and reconstruction)	34
<i>Yarkov A. P.</i> Archaeological research of Islamic monuments in Siberia.....	51

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kopilov I. V., Khomenko D. Yu.</i> Reproductive strategy of the indigenous peoples of the Yenisei North at the end of the 19 th — beginning of the 20 th century (by the materials of missionary priests).....	70
<i>Stepanova O. B.</i> “All people are children of the great Korg”: the bear as the quintessence of archaic views on the animal in the worldview of the Selkups	85
<i>Ryblova M. A.</i> Cultural borrowings in the tradition don Cossacks.....	99

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Ilyin V. N.</i> Russian anti-old believer state-confessional paradigm of 1666–1906.....	113
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Bichelday U. P., Mongush A. V.</i> Ethnic and religious aspects tolerance in the Republic of Tuva (based on the results of a sociological study)	122
<i>Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N.</i> Atheistic propaganda in Khakassia in the mid-1960s — mid-1970s.....	144

FOR AUTHORS	162
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.7 (282.256.166.51)
DOI: 10.14258/nreur(2022)3–01

Ю. Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал), Нижний Тагил (Россия)

МАХТЫЛЬСКИЙ ХОЛМ — ДРЕВНЕЕ СВЯТИЛИЩЕ НА РЕКЕ СОСЬВА

Махтыльский холм на реке Сосьва относится к типу необычных культовых памятников — искусственно насыпанных холмов. Образование холма связано с жертвоприношением фрагментов сосудов, целых и сломанных каменных изделий. Возможно, таким способом осуществлялся принцип — «часть вместо целого». После завершения обряда жертвенный комплекс засыпался землей. Использование данного культового места на протяжении нескольких тысячелетий привело к возвышению жертвенной площадки до трех метров. Коллекция находок состоит из 1857 экз. Керамический комплекс представлен материалами всех эпох — от неолита до Средневековья, среди которых преобладает керамика неолита-энеолита. Из каменных изделий этих эпох в коллекции присутствуют наконечники стрел, скребки, нуклеусы, ножевидные пластины, шлифованные тесла и ножи, абразивы. Из предметов неутилитарного характера следует отметить расколотое навершие булавы, подвески и фрагмент венчика с зооморфным изображением. Местное население широко использовало местную сырьевую базу, о чем свидетельствует наличие на трети каменных изделий первичной корки. Для изготовления каменных орудий применялись 11 видов минерального сырья.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, культовый холм, неолит, энеолит, керамика, каменные изделия, сырьевая база.

Цитирование статьи:

Сериков Ю. Б. Махтыльский холм — древнее святилище на реке Сосьва // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 7–21. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–01.

Yu. B. Sericov

Russian State Professional and Pedagogical University (a branch), Nizhny Tagil (Russia)

MAKHTYLSKY HILL — AN ANCIENT SANCTUARY ON THE SOSVA RIVER

Makhtylsky hill on the Sosva River belongs to the type of unusual cultic site — artificially filled hills. The formation of the hill is associated with the sacrifice of fragments of vessels, whole and broken stone products. Perhaps, in this way, the principle was implemented — “a part instead of a whole”. After the completion of the ceremony, the sacrificial complex was covered with earth. The use of this place of cult for several millennia has led to the elevation of the sacrificial site to 3 m. The collection of finds consists of 1857 items. The ceramic complex is represented by materials of all eras from the Neolithic to the Middle Ages, among which Neolithic — Eneolithic ceramics predominate. Arrowheads, scrapers, nucleuses, knife-shaped plates, polished adzes and knives, abrasives are present in the collection of stone products of these eras. Among the objects of a non-utilitarian nature, it should be noted the split pommel of a mace, pendants and a fragment of a vessel corolla with a zoomorphic image. The local population made extensive use of the local raw material base, as evidenced by the presence of primary crust on a third of stone products. 11 types of mineral raw materials were used for the manufacture of stone tools.

Keywords: Middle Transurals, cultic hill, Neolithic, Eneolithic, ceramics, stone products, raw material base.

For citation:

Sericov Yu. B. Makhtylsky hill — an ancient sanctuary on the Sosva river. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 3. P. 7–21. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–01.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета), Нижний Тагил (Россия).

Адрес для контактов: u.b.sericov@mail.ru.

Sericov Yuriy Borisovich, doctor of historical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Archaeological Laboratory of the Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (a branch of the Russian State Professional and Pedagogical University), Nizhny Tagil (Russia). **Contact address:** u.b.sericov@mail.ru.

Введение

На территории Среднего Зауралья еще в середине XX в. были выявлены и частично раскопаны необычные культовые памятники — искусственные насыпные холмы. Наиболее известными из них являются Кокшаровский, Усть-Вагильский и Махтыльский [Старков, 1969: 72–77]. Все холмы исследовались раскопками, но коллекции находок полностью до сих пор не опубликованы. Публикации носят выборочный характер в зависимости от интересов исследователя. Например, по материалам Кокшаровского холма опубликовано свыше 60 статей, но все они связаны с описанием культовых находок и керамических комплексов [Шорин, Шорина, 2019: 138]. В археологических фондах Нижнетагильского музея-заповедника находятся неопубликованные коллекции из раскопок В. С. Стоколоса, А. И. Россадович и В. Ф. Старкова трех холмов: Кокшаровского (7 тыс. ед. хр.), Усть-Вагильского (18,5 тыс. ед. хр.) и Махтыльского (2 тыс. ед. хр.). Автором начата работа по введению в научный оборот данных коллекций.

Махтыльский холм находится на левом берегу р. Сосьва в 3 км от несуществующей сейчас деревни Махтыли (Гаринский р-н Свердловской обл.). Располагается он в 95 м от берега реки на краю невысокой террасы. Холм диаметром 50–52 м имеет высоту до 3 м. В отличие от других исследованных холмов (Кокшаровского и Усть-Вагильского) поселение вокруг холма отсутствует. На холме фиксируются многочисленные ямы кладоискателей. Уже 55 лет назад (в 1965 г.) холм сильно зарос кустарником и деревьями [Старков, 1969: 74]. Возможно, именно поэтому в настоящее время местоположение холма установить не удается.

Первые раскопки на холме в 1957 г. по заданию Серовского музея провел В. С. Стоколос [Стоколос, 1960]. Из этих раскопок в краеведческий музей Нижнего Тагила поступила небольшая коллекция находок (56 экз.), а 321 находка (306 фрагментов керамики и 15 каменных изделий) были переданы в Серовский музей. В настоящее время в экспозиции Серовского музея выставлены наконечники стрел (3), скребки, проколки, пластины, пест и фрагменты неолитической керамики. В 1965 г. часть холма была раскопана объединенной экспедицией Нижнетагильского и Серовского музеев под руководством В. Ф. Старкова [Старков, 1969: 73–74]. Коллекция находок после раскопок поступила в Нижнетагильский краеведческий музей. По данным базы данных по археологическим коллекциям музея в ней 2500 находок. На сайте музея конца прошлого века указывалась цифра 1937 ед. хр. В 1966 г. раскопки на холме были продолжены экспедицией Института археологии АН СССР под руководством О. Н. Бадера. Данными о полученной коллекции автор не располагает. Но, скорее всего, именно материалы этой коллекции использованы В. Ф. Старковым в своей монографии по неолиту лесного Зауралья (1980 г.). Следует также упомянуть, что небольшая коллекция с Махтыльского холма из разведки В. А. Швечиковой в начале 1990-х гг. хранилась в фондах археологической лаборатории Уральского университета. Одинадцать фрагментов керамики из этой коллекции опубликованы [Ковалева, Арефьев, 1993: 113; рис. 3, 1–6; 2, 1–5].

Описание материалов

Коллекция находок с Махтыльского холма (шифр — ТМ-3469) состоит из 1857 ед. хр. Из них 1184 фрагмента керамики, 10 изделий из глины, 662 каменных изделия и 1 обломок изделия из цветного металла.

Керамический комплекс представлен фрагментами сосудов разных археологических эпох и культур. К неолиту относится 406 фрагментов сосудов. Половина фрагментов украшена при помощи палочки. Сосуды украшались волнистыми линиями, выполненными гладким прочерчиванием или в технике «отступающей палочки». Широкие прочерченные линии располагаются как горизонтально (чаще), так и вертикально. Иногда узоры из «отступающей палочки» образуют взаимопроникающие треугольные зоны. На внутренней стороне венчиков всегда присутствует хорошо выраженный рельефный налет (рис. 1.-1-7; 3, 1).

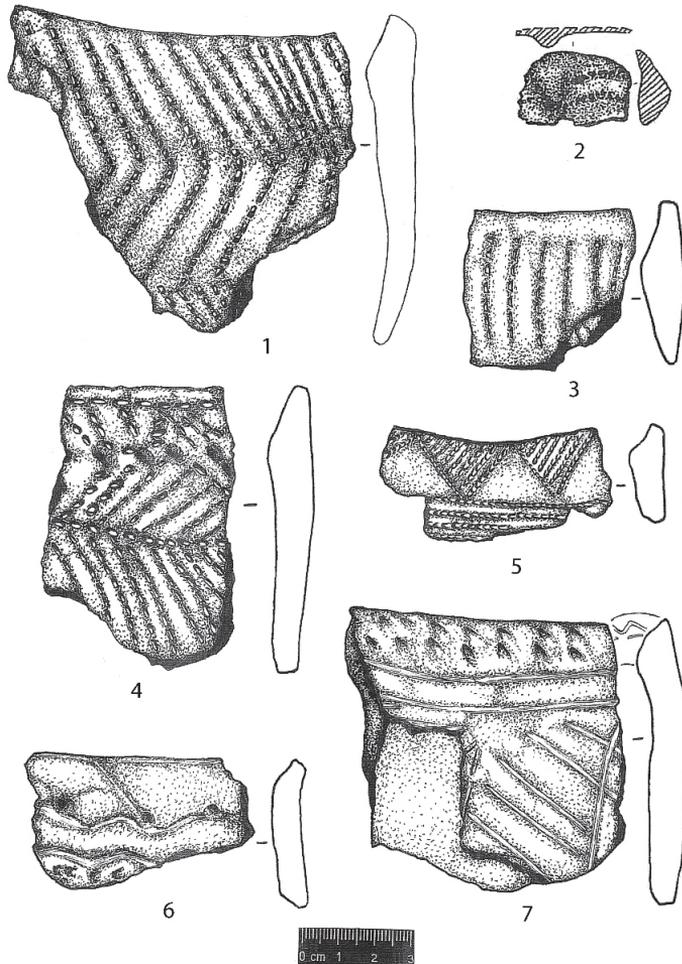

Рис. 1. Махтыльский холм. Фрагменты керамики эпохи неолита (1–7)

Fig. 1. Makhtylsky hill. Fragments of Neolithic pottery (1–7)

Также «отступающей палочкой» украшен отслоившийся фрагмент венчика сосуда с рельефным зооморфным налетом (рис. 1.-2). Следует отметить, что на лицевой стороне фрагмента сохранились следы окрашивания охрой [Бунькова, 2010: 201; рис. 4.-6]. К нему можно добавить четыре опубликованных фрагмента венчиков с зооморфными налетами из раскопок В. А. Швечиковой [Ковалева, Арефьев, 1993: рис. 3.-1, 2; 4.-1, 2]. Аналогичные зооморфные налеты хорошо известны и на других культовых холмах Среднего Зауралья: Усть-Вагильском (1 экз.) и Кокшаровском (88 экз.) [Шорина, Шорин, 2014: 386–390].

Вторая половина фрагментов орнаментирована различными сочетаниями крупнозубого гребенчатого штампа. У венчиков с гребенчатым орнаментом с внутренней стороны также имеется рельефный налет. Описанную керамику вполне можно отнести к раннему и развитому неолиту [Старков, 1980: 52–53; табл. III, 6, 8, 10, 11; VII, 14, 17; VIII, 2, 3, 6, 8–10].

К неолиту относятся и два изделия, для изготовления которых использованы фрагменты разбитых керамических сосудов. Фрагмент керамики длиной 5,2 см, орнаментированный прочерченными линиями, служил скребком для обработки кожи. Из фрагмента керамики, украшенного «отступающей палочкой», изготовлена подвеска (рис. 3.-2). Она оббита по периметру до получения округлой формы диаметром 4,3–4,8 см. У одного края фрагмента толщиной 0,85 см просверлено отверстие диаметром до 0,8 см. Оно выполнено каменным сверлом путем одностороннего сверления, на внутренней стороне фрагмента присутствует не подправленный вылом.

Энеолитический комплекс состоит из 756 фрагментов керамики. Венчики сосудов прямые или слабо профилированные. Края венчиков плоские, иногда утончаются кверху. Вдоль края венчика часто располагается горизонтальный ряд круглых и глубоких наколов с жемчужинами на обратной стороне. Внутренняя часть венчиков орнаментирована отпечатками диагонально поставленного гребенчатого штампа. Тулова сосудов украшены разнообразными геометрическими узорами из отпечатков узкого гребенчатого штампа. Часты разделительные горизонтальные пояса из зигзагов, выполненных гребенкой. Иногда для украшения сосудов применялась техника «шагающей гребенки».

С энеолитическим комплексом связан и керамический скребок. Он изготовлен на фрагменте керамики с гребенчатым орнаментом длиной 4,0 см. Дугообразное лезвие скребка стерто и заглажено.

В. Ф. Старков отмечает, что «в центральной части холма на глубине 1,81 м от вершины найдено костице с керамикой периода бронзы» [Старков, 1980: 53]. Но в коллекции Нижнетагильского музея керамика бронзового века полностью отсутствует. Также единично представлены материалы железного века и Средневековья. Керамика гамаюнского типа (X–IV вв. до н. э.) представлена единственным фрагментом венчика сосуда. В коллекции есть несколько фрагментов керамики вагильского типа (X–VIII вв. до н. э.). Также единично представлена и средневековая керамика зеленогорского типа (VI–VIII вв. н. э.). Данное количество поздней керамики не отражает истинного соотношения материалов ранних (неолит-энеолит) и поздних (бронза, железо, Средневековье) эпох. На Усть-Вагильском холме, расположенном на р. Тавда в 65 км от Махтыльского, мощность слоев с поздними материалами доходит до 1,5 метров.

Из других находок к поздним эпохам можно отнести обломок бронзового (?) изделия, фрагмент ошлакованного тигля, керамический скребок и пять кусков обожженной глины.

Обломок медного или бронзового изделия имеет длину 2,8 см, ширину 2,0 см и неравномерную толщину от 0,23 до 0,28 см. Один край его загнут вовнутрь. Выпуклая сторона украшена орнаментом. Возможно, обломок происходит от верхней части втулки кельта. Подобные изогнутые и орнаментированные обломки кельтов известны на культовой площадке бронзового века памятника Шайтанское озеро II [Сериков, 2013: рис. 134. 4–6].

Тигель был изготовлен из хорошо отмученной глины. Размеры обломка — 5,4 × 4,3 × 1,4 см. Керамический скребок выполнен на неорнаментированном фрагменте керамики размером 6,3 × 5,2 см и толщиной 0,4–0,5 см. Рабочими лезвиями служили три стороны фрагмента. Все лезвия сильно сработаны, на всех рабочих кромках присутствуют четкие линейные следы скребкового характера. Причем стертость кромок показывает, что скребком по коже работали в двух позициях — попеременно двигали его выпуклой и вогнутой стороной на себя. Кусочки обожженной глины имеют небольшие размеры длиной от 2,1 до 4,6 см. Размер самого крупного куска составил 4,6 × 3,2 × 2,7 см.

Комплекс каменных изделий с холма незначительный (662 экз.), но в нем представлены все основные типы орудий.

В коллекции всего два нуклеуса. Один нуклеус размером 5,9 × 4,3 × 2,6 см, изготовлен из плитки светло-серой слабокремневой породы. С двух сторон сохранились плиточная корка толщиной до 0,2 см. Ударная площадка гладкая, слегка скошена. На фронте скальвания присутствуют негативы от пластин, как с негативом ударного бугорка, так и без него. Это доказывает, что нуклеус был крупнее. После поперечного раскола его продолжали использовать для получения пластин. Ширина полных негативов пластин 1,1–1,1–1,9 см. Боковое ребро нуклеуса подработано сколами (рис. 2.-1).

Второй нуклеус практически полностью аналогичен первому. Изготовлен он из плитки алевротуфа размером 5,7 × 4,5 × 2,7 см. Ударная площадка также гладкая, слегка скошена. Ширина полных негативов пластин на основном фронте скальвания 0,8–1,6–2,4 см. Сколы с боковой плоскости заломились. На противоположной фронту скальвания плоскости (с плиточной коркой) присутствует короткий негатив скола шириной 1,8 см. Отсутствие негатива ударного бугорка свидетельствует, что данный скол был произведен с более крупного нуклеуса, после чего нуклеус был расколот поперек. Но и с расколотого нуклеуса продолжали скальвать пластины (рис. 2.-2).

В коллекции присутствуют три обломка крупных нуклеусов, выполненных из алевротуфа. От одного нуклеуса сохранилась верхняя часть с ударной площадкой размером 6,4 × 4,2 см. Она фасетирована и слегка скошена вдоль фронта скальвания. Негативы от сколотых пластин расположены по всему периметру ударной площадки. Следовательно, нуклеус относился к типу призматических. Негативы пластин в порядке очередности имеют следующую ширину: 1,7–2,5–1,2–1,0–1,5–1,7–2,8 см. Нуклеус расколот по скрытой трещине. Размер обломка — 6,4 × 4,5 × 4,5 см.

Второй обломок представляет собой расколотую вдоль отколотую нижнюю часть нуклеуса размером 4,5 × 3,3 × 2,2 см. Ширина полного негатива пластины — 2,2 см. От третьего нуклеуса, расколотого по диагонали, сохранился обломок размером 5,3 × 4,9 × 2,0 см. Ширина единственного полного негатива пластины составила 1,5 см.

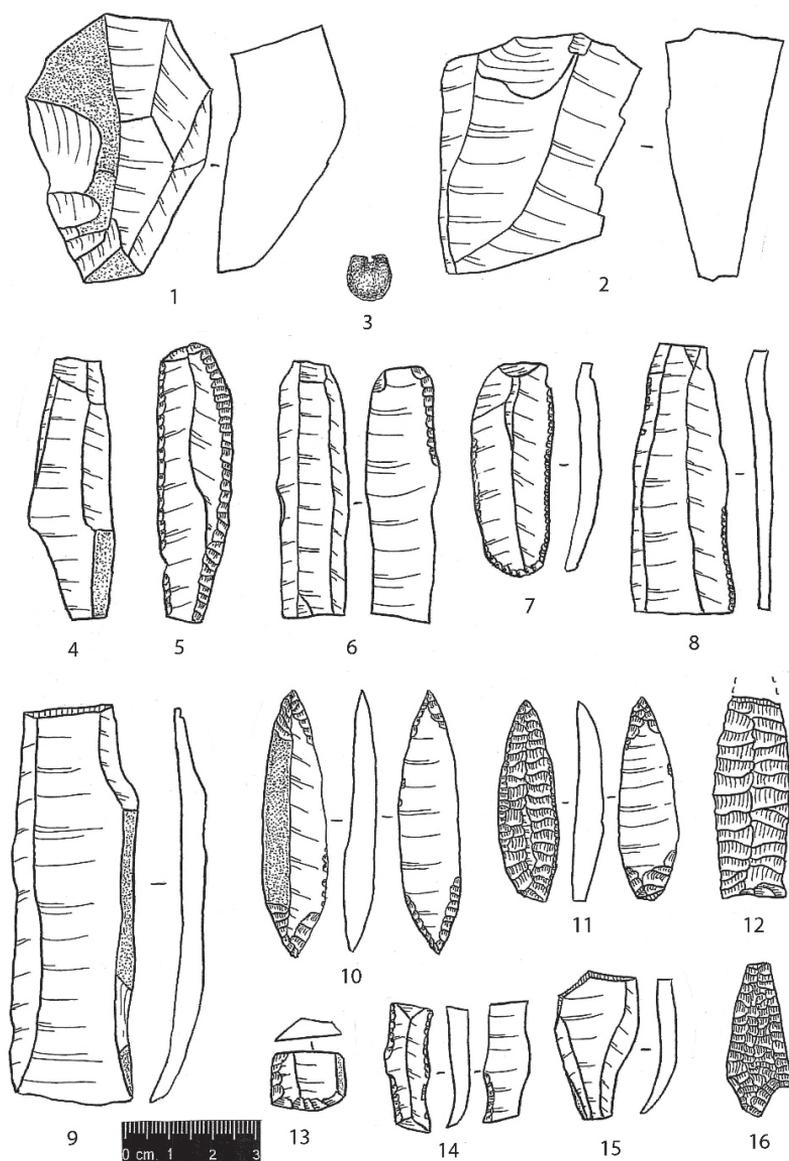

Рис. 2. Махтыльский холм. Каменные изделия неолита – энеолита (1–2 – нуклеусы; 3 – подвеска; 4, 9, 15 – пластины без ретуши; 5–8, 14 – пластины с ретушью; 10–12, 16 – наконечники стрел; 13 – скребок)

Fig. 2. Makhtylsky hill. Neolithic – Enolithic stone products (1–2 – cores; 3 – pendant; 4, 9, 15 – plates without retouching; 5–8, 14 – plates with retouching; 10–12, 16 – arrowheads; 13 – scraper)

Технические сколы при обработке нуклеусов представлены пятью поперечными сколами и ребристой пластиной. Судя по ширине негативов пластин на поперечных

сколах, они происходят от крупных нуклеусов. Самый крупный поперечный скол размером 5,1 × 3,5 см выполнен из светло-серой слабокремневой породы. Ширина единственного полного негатива пластины — 3,2 см. Крупные размеры имеют еще два поперечных скола из алевротуфа. В одном случае это часть сколотой ударной площадки размером 4,6 × 2,6 × 2,4 см. Ширина полных негативов — 1,8 и 2,1 см. Размеры поперечного скола — 4,4 × 2,6 см, ширина негатива — 1,5 см. Два поперечных скола имеют небольшой размер — 2,0 × 1,6 см (из кремня) и 3,3 × 1,8 см (из светло-серой кремнистой породы). Ширина негативов пластин соответственно 0,8–1,1–1,2 см и 1,3–1,6 см.

Представляет интерес поперечный скол из красно-зеленой яшмы, свидетельствующий о смене фронта скалывания. Он имеет вид изогнутой в профиле пластины длиной 3,2 см, шириной до 1,8 см. Проксимальный конец пластины имеет специфическую форму «летающей птички». На нем сохранилось три негатива от сколотых пластин шириной 1,0–1,1–1,1 см (рис. 2.-15). Ребристая пластина длиной 3,7 см и шириной 1,25 см изготовлена из светло-серой слабокремневой породы.

Ножевидных пластин в коллекции всего 14 экз. — по семь с вторичной обработкой и без нее. Длина пластин без ретуши колеблется от 3,6 до 8,6 см, ширина — от 1,2 до 2,7 см (1,2–1,2–1,8–2,0–2,2–2,4–2,7). Единственная целая пластина длиной 8,6 см и шириной 2,7 см изготовлена из алевротуфа. Дистальный конец пластины изогнут, на одной грани сохранилась плиточная корка (рис. 2.-9). Остальные пластины являются фрагментами: с отсеченным дистальным концом (3) (рис. 2.-4; 3.-7), сечениями (2) и отсеченным проксимальным концом (1). Из светло-серой слабокремневой породы изготовлено три пластины, из алевротуфа — две, из светло-серой кремнистой породы и кварцита — по одной. Первичная корка присутствует на двух пластинах.

Пластины с вторичной обработкой представлены одной целой, двумя — с отсеченным дистальным концом, тремя — отсеченными дистальными концами, одной — отсеченным проксимальным концом. Ретушью со спинки обработано пять пластин (рис. 2.-5, 8), ретушью с брюшка — одна (рис. 2.-6). Еще одна пластинка обработана ретушью с двух сторон. Длина пластин колеблется от 2,8 до 6,2 см, ширина — от 0,9 до 3,1 см (0,9–1,4–1,4–1,6–1,7–1,8–3,1). Целая пластина из кремня длиной 4,8 см и шириной 1,8 см по двум краям обработана мелкой ретушью, слегка изогнута в профиле, дистальный конец оформлен скребковой ретушью (рис. 2.-7).

Следует отметить отсеченный изогнутый дистальный конец пластины из светло-серой слабокремневой породы длиной 2,8 см, шириной 0,9 см. На одном краю ретушью со спинки оформлены две пологие выемки. На противоположном краю также находятся две выемки, но одна обработана ретушью со спинки, а вторая — ретушью с брюшка (рис. 2.-14). Изготовлены пластины с вторичной обработкой из светло-серой слабокремневой породы (3), кремня, алевротуфа, кремнистого сланца и светло-серой кремнистой породы (по одной).

Нуклеусы и весь комплекс пластин вполне достоверно укладываются в рамках неолита-энеолита. Хронологию можно уточнить с помощью минерального сырья. В отличие от северных культовых холмов на Кокшаровском холме (Верхнесалдинский район Свердловской области) неолитические материалы исключительно преобладают — не менее 90% от всех находок. Пластинчатый комплекс Кокшаровского холма на 81% состо-

ит из пластин, выполненных из светло-серой слабокремневой породы, и 4,5% пластин из алевротуфа. Поэтому и на Махтыльском холме все изделия (не только нуклеусы и пластины) из вышеуказанного сырья можно с большой долей вероятности отнести к неолиту.

Наконечники стрел представлены пятью целыми экземплярами и двумя обломками.

К неолиту относятся три наконечника стрелы (два целых и обломок), изготовленные на пластинах светло-серой слабокремневой породы. Длина первого наконечника 6,0 см, ширина 1,4 см. Изготовлен из двухгранной пластины, на одной грани которой сохранилась плиточная корка. Наконечник имеет вытянутую иволистную форму. Ретушью со спинки и с брюшка обработаны только кончик пера и подтреугольный насад (рис. 2.-10). Подобные наконечники стрел хорошо известны в пещерном святилище на камне Дыроватом и Юрьинском неолитическом поселении, на площади которого находится Кокшаровский холм. Второй наконечник стрелы листовидной формы изготовлен на слабоизогнутой в профиле двухгранной пластине из качественного черного кремня. У него отломан кончик насада. Длина наконечника 4,5 см, ширина 1,3 см, толщина 0,5 см. В отличие от первого наконечника спинка пластины обработана сплошной плоской отжимной ретушью. Со стороны брюшка ретушью подправлены только кончик пера и насад (рис. 2.-11). Ребро между гранями пластины заметно заглажено и залощено. Подобные наконечники присутствуют в комплексе с неолитической керамикой сатыгинского типа на стоянке Шабурово I на реке Лозьве [Сериков, 2016: 37; рис. 2.-7–11]. Обломок представлен кончиком пера длиной 2,2 см, шириной в месте слома 1,05 см и толщиной 0,7 см. Обработан ретушью со спинки и с брюшка.

Остальные наконечники имеют хорошие аналогии в энеолитических комплексах. Первый наконечник стрелы имеет треугольную форму и хорошо выраженный треугольный черешок (рис. 2.-16). С обеих сторон он обработан сплошной ретушью. У наконечника отломан кончик острия. Длина сохранившейся части 3,4 см, ширина до 1,4 см, толщина 0,4 см. Изготовлен наконечник из кремнистого сланца.

Второй наконечник стрелы из кремнистого сланца имеет вытянутую листовидную форму с вогнутым основанием. У него также отломан кончик пера. Наконечник обработан плоской ретушью с двух сторон. Длина наконечника 4,4 см, ширина — 1,75 см, толщина — 0,6 см (рис. 2.-12).

Третий наконечник стрелы не закончен в обработке. Для его изготовления использовалась плитка некачественного кремнистого сланца длиной 4,8 см, шириной 2,0 см, толщиной 0,75 см. Заготовка обработана двусторонней ретушью под листовидную форму, но в процессе обработки расслоилась.

В коллекции сохранился отломанный кончик пера шлифованного наконечника стрелы длиной 2,8 см, шириной в месте слома 1,15 см, толщиной 0,6 см. Обломок имеет ромбическое сечение, изготовлен из сланца.

Среди скребков один выполнен на пластине и четыре изготовлены из отщепов. Скребок, изготовленный на пластине светло-серой слабокремневой породы, имеет длину 1,3 см и ширину 1,7 см. Рабочее лезвие оформлено ретушью со спинки. Один боковой край обработан ретушью со спинки, а второй покрыт плиточной коркой (рис. 2.-13).

Скребки на отщепах имеют длину от 2,6 до 3,5 см. Рабочие лезвия всех скребков обработаны ретушью со спинки (рис. 3.-6). У трех скребков рабочее лезвие имеет дуго-

образную форму, у одного — выемчатое. Для изготовления скребков использовались алевротуф (2), кремнистый сланец и халцедон.

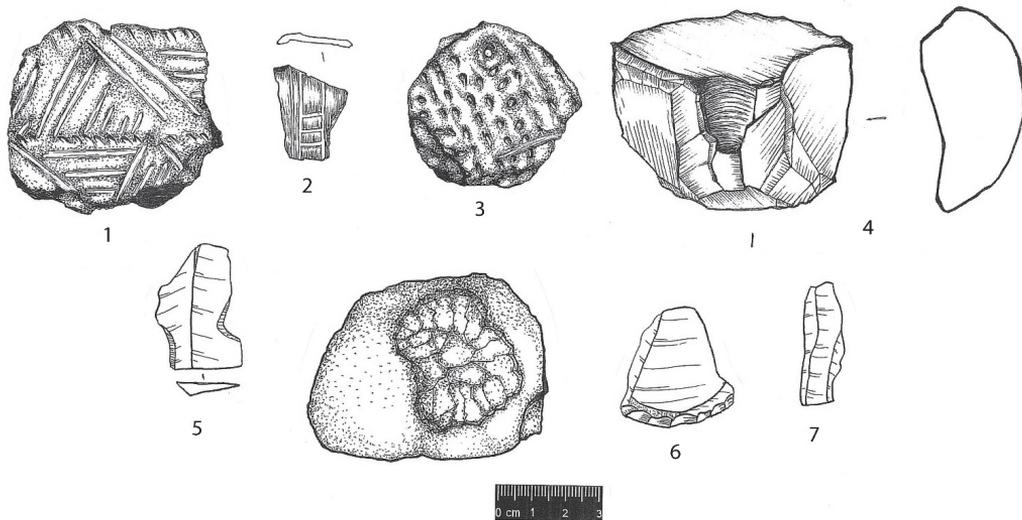

Рис. 3. Махтыльский холм. Изделия неолита-энеолита из глины (1, 3), цветного металла (2) и камня (4–7) (фрагмент неолитической керамики; 2 — фрагмент бронзового изделия; 3 — керамическая подвеска; 4 — фрагмент навершия булавы; 5, 7 — пластины без ретуши; 6 — скребок)

Fig. 3. Makhtylsky hill. Neolithic – Eneolithic items made of clay (1, 3), non-ferrous metal (2) and stone (4–7) (a fragment of Neolithic ceramics; 2 – a fragment of a bronze item; 3 – a ceramic pendant; 4 – a fragment of a mace's head; 5, 7 – plates without retouching; 6 – scraper)

К скребкам нужно добавить скребло, выявленное при помощи трасологического анализа. Для скобления использовали плитку туффита без следов обработки размером 7,1 × 4,1 × 1,1 см. Один край плитки (слабо вогнутый) заглажен и закруглен. На нем присутствуют четкие линейные следы скребкового характера. Плитка служила для обработки кожи.

Для памятника характерно широкое использование абразивной техники. На холме найдено две шлифовальные плиты и 32 абразива. Плиты использовались для придания формы орудиям. На них производили обдирку и шлифовку изделий. Одна плита размером 7,1 × 4,2 × 0,7 см изготовлена из мелкозернистой породы. Вторая — является обломком более крупной двусторонней плиты из пятнистой породы. От нее сохранился кусок размером 7,7 × 7,1 × 2,4 см.

Большая часть абразивов (28) использовались для заточки лезвий металлических орудий. В основном для этого служили бесформенные куски туффита длиной от 3,6 до 8,4 см. В семи случаях оформление лезвий производилась на двусторонних плитках нестандартного размера: 4,4 × 3,4 × 1,2 см — 5,5 × 4,1 × 1,3 см — 6,7 × 3,7 × 1,0 см — 10,7 × 9,7 × 5,4 см. На четырех кусках туффита зафиксированы узкие канавки, образовав-

шиеся от оформления или заточки костяных шильев. Такие проточенные же канавки выявлены и на одной из плоскостей самой крупной плитки.

Шлифованные изделия представлены рубящими орудиями, ножами и их отломками. С небольшим повреждением (откола от верхней часть) сохранилось шлифованное тесло размером $4,8 \times 3,5 \times 0,7$ см. Тесло полностью отшлифовано. На одном боковом крае присутствует след от распила абразивной пилой глубиной до 0,4 см. Следы использования на рабочем лезвии убраны последующей пришлифовкой. Изготовлено тесло из светло-серого сланца. Еще одно шлифованное тесло из такого же сланца размером $6,9 \times 4,6 \times 1,0$ см расколото вдоль.

Обломки рубящих шлифованных орудий (8) имеют размеры от 2,2 до 5,2 см. Изготовлены они из светло-серого сланца (4), алевротуфа (3) и вулканомиктового песчаника (один).

Ножи (3) также представлены сломанными изделиями. Самый крупный нож ($4,8 \times 2,6 \times 0,65$ см) из алевротуфа имеет треугольную форму и линзовидное сечение. Обе плоскости отшлифованы, но повреждены отслаиванием. Рабочее лезвие дополнительно обработано мелкой краевой ретушью. Второй нож из светло-серого сланца ($3,4 \times 1,9 \times 0,3$ см) имеет серповидную форму. У него отшлифованы не только обе плоскости, но и боковое ребро. Рабочее лезвие подправлено ретушью. Третий нож ($4,6 \times 3,7 \times 0,5$ см) также изготовлен из светло-серого сланца. Обе плоскости у него отшлифованы, боковые края обработаны ретушью.

Единственная абразивная пила из светло-серого сланца сломана. Размеры оставшегося фрагмента — $6,9 \times 3,3 \times 0,5$ см. Лезвие пилы имеет треугольный профиль. Судя по сработанности, глубина проникновения в обрабатываемый материал составляла 0,5 см.

Из других изделий в коллекции присутствуют заготовка орудия и отщепы с краевой ретушью. Заготовка выполнена из плоской плитки кремнистого сланца размером $6,2 \times 3,4 \times 1,85$ см. Она обработана по краям двусторонней оббивкой. Возможно, предназначалась для изготовления ножа или наконечника стрелы. Отщепы с краевой ретушью (3) могли использоваться для работ эпизодического или единичного характера. Их длина колеблется от 3,4 до 6,3 см. Крупный ($6,3 \times 4,0 \times 1,9$ см) отщеп из туффита обработан с одной стороны крупной краевой ретушью. Также крупной ретушью образована крутая выемка диаметром до 2,2 см на отщепе светло-серой кремнистой породы размером $5,5 \times 4,6 \times 1,6$ см. Третий отщеп из кремнистого сланца обработан мелкой краевой ретушью со стороны спинки.

Орудия обработки представлены двумя отбойниками. Одним отбойником служила овальная галька кварца размером $7,6 \times 5,3 \times 4,1$ см. На обоих зауженных концах гальки присутствуют следы забитости. От второго отбойника сохранилась средняя часть кварцевой гальки размером $4,3 \times 3,7 \times 2,2$ см. Оба зауженных конца сколоты. Но на одной боковой плоскости сохранились следы забитости.

Отщепов на холме на удивление мало (58 экз.). Возможно, это связано с дефицитом кремнистых пород. Длина отщепов колеблется от 1,1 до 5,7 см. Более половины отщепов имеют длину до 3,5 см. Для их изготовления применялись 11 видов минерального сырья. Достаточно широко использовались кремнистые сланцы (18) и туффиты (13).

К ним можно добавить кремень (7), алевротуф (5), халцедон (5), разноцветные (сургучная, красно-зеленая, светло-серая) яшмы (4), вулканомиктовый песчаник, светло-серую кремнистую и слабокремнелую породу (по 2). На 21 отщепе (36,2%) сохранилась первичная корка.

Наличие первичной корки свидетельствует об использовании местных источников сырья. Но берега Сосьвы исследованы автором на протяжении более 150 км, при этом обнаружен только галечник. Находится он в 95 км (по реке) вниз по течению в д. Рычкова. Однако верхнее течение Сосьвы расположено в горной части Урала, где галечников гораздо больше.

Из изделий неутилитарного характера нужно отметить обломок навершия булавы и подвеску.

От навершия булавы из бурого железняка сохранилось не более трети. Ее диаметр около 7,5 см, толщина — 5,5 см. Поверхность булавы была обработана пикетажем. У места слома сохранился небольшой пришлифованный участок размером 1,4 × 1,4 см. Видимо, поверхность, с которой производилось сверление, для предотвращения скольжения в начале работы сверлом была отшлифована. Шероховатая после отделки пикетажем поверхность булавы была тщательно заглажена кожей. Все выступающие участки сглажены и залощены. Цилиндрическое отверстие диаметром 2,4 см получено сверлением полый костью. Судя по толстым царапинам в сверлине, сверление производилось крупнозернистым абразивом (рис. 3.-4).

Необходимо отметить, что расколотое пополам навершие булавы также из бурого железняка залегало в энеолитическом погребении Гладунино-3 (Курганская область). На недалеко расположенном Усть-Вагильском холме также найдено два обломка навершия сверленных булав. Необходимо подчеркнуть, что навершия булав являются очень редкими находками. На территории Урала и прилегающего Зауралья известно не более 15 таких изделий [Сериков, 2018: 61–63; рис. 2.-1–6].

Подвеска изготовлена из темно-красного шифера (пиррофиллитового сланца). Она имеет округлую форму диаметром 1,0 см, толщиной 0,68 см. Ушко подвески отломано по сверлине. Диаметр сверлины 0,25 см (рис. 2.-3). Сверление производилось с двух сторон каменным сверлом в лучковом приборе.

Небольшие подвески из темно-красного шифера на территории Среднего Зауралья являются маркирующим признаком культовых энеолитических комплексов. Больше всего их найдено в энеолитических погребениях: Аятском (52), Шайтанском (13), Усть-Вагильском (33) и др. В могильнике на Большом Андреевском острове обнаружено 455 подвесок, а в пяти погребениях могильника Бузан-3 находилось 505 подвесок из шифера [Матвеев, Матвеева, Сериков, Скочина, 2015: 72].

К данным изделиям нужно добавить кусочек оранжевой охры размером 0,6 × 0,5 × 0,5 см, а также два куса обожженного бурого железняка (лимонита), который обычно использовался для получения охры. Размер одного куса 5,2 × 3,9 × 2,0 см, второго — 6,1 × 4,7 × 0,9 см.

Завершают коллекцию каменных изделий куски и осколки камня (489) и галька — целая (7) и расколотая (13).

Коллекция галек содержат только гальки молочного кварца и кварцита.

Среди кусков колотого камня только один изготовлен из кремнистой породы — халцедона. Остальные выполнены из сланцев (углистого и слюдистого — 14), туфа (23) и туффита (451). Куски и осколки туффита по длине варьируют от 1,9 до 9,6 см. Они имеют бесформенные очертания и получены в результате сильного нагрева — теплового расщепления.

Следует отметить, что куски колотого камня (кварца, халцедона, кремня), а также расколотой гальки присутствует практически на всех древних святилищах Среднего Зауралья. Иногда их количество исчисляется сотнями и тысячами. Колотая галька встречена во всех пещерных святилищах Чусовой. Особенно много их было в долго функционировавших святилищах в пещерах Туристов (303) и Кумышанской (282). Около 500 нуклеидных кусков и осколков найдено при раскопках святилища у подножья Писаного камня на реке Вишера. В энеолитическом культовом центре на Шайтанском озере найдено 5480 кусков жильного кварца, не пригодного для изготовления орудий [Сериков, 2013: 144, 187–188].

Заключение

Таким образом, Махтыльский холм образовался за счет приношения в виде жертвы разбитых сосудов и сломанных изделий из камня. Возможно, таким способом осуществлялся принцип «часть вместо целого». После завершения обряда культовый комплекс засыпали землей. Погребение принесенных жертв позволяло освободить культовую площадку для последующих обрядов. Землю для засыпки брали недалеко от холма. Использование культового места на протяжении тысячелетий (с неолита до Средневековья) привело к образованию уплощенного холма диаметром до 50 м и высотой до 3 м. На вершине холма сохранялась ровная площадка для совершения последующих ритуалов. Но возможны и другие варианты. Исследователь аналогичного культового холма Чёртова Гора (бассейн реки Конды) Л. Н. Сладкова сообщила автору, что во время раскопок к холму в определенные дни собирались, приплывая на лодках, местные жители и привозили в мешочках землю со своих паулей (поселений).

Как и почему место совершения обрядов выбрали именно в месте образования будущего холма, мы никогда не узнаем. Но произошло это в эпоху неолита. Спустя тысячелетия, в энеолите, культовое место уже имело вид возвышенности. Причем в энеолите холм превратился в постоянно и активно действующее святилище. Именно эпоха энеолита наиболее широко представлена остатками жертвоприношений, среди которых присутствуют и статусные изделия типа наверхия булавы. Безусловно, коллекция находок слишком мала для того, чтобы достоверно воспроизвести функционирование культового холма в древности. Но поскольку будущие раскопки холма пока не предвидятся, приходится довольствоваться тем, что уже есть.

Благодарности

Приношу глубокую благодарность главному хранителю фондов Серовского исторического музея О. А. Виноградовой за предоставленную информацию об археологических коллекциях музея.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бунькова А. А. Керамика с фигурными налестами из фондов Нижнетагильского музея-заповедника // Тагильский вестник: Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация: историко-краеведческий альманах. Вып. 6. Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. С. 193–208.

Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург : УрГУ, 1993. С. 107–119.

Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Сериков Ю. Б., Скочина С. Н. Культурные памятники эпохи энеолита. Тюмень : ТГУ, 2015. 156 с.

Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро — священное озеро древности. Нижний Тагил : НТГСПА, 2013. 408 с.

Сериков Ю. Б. Шабурово I — новый неолитический памятник на р. Лозьве // Седьмые Берсовские чтения : Сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург : КВАДРАТ, 2016. С. 34–41.

Сериков Ю. Б. К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра в каменных изделиях неолита-бронзы Урала // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 56–73.

Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралья // Вестник Московского ун-та. 1969. № 5. С. 72–77.

Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М. : Наука, 1980. 220 с.

Стоколос В. С. Археологическая разведка Серовского музея // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 50–55.

Шорин А. Ф., Шорина А. А. Комплекс памятников «Кокшаровский холм — Юрьинское поселение» как источник по неолиту Зауралья // V Северный археологический конгресс : тезисы докладов. Екатеринбург : Альфа-Принт, 2019. С. 138–141.

Шорина А. А., Шорин А. Ф. Неолитическая керамика с фигурными налестами с Кокшаровского холма и Юрьинского поселения // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань : Отечество, 2014. С. 386–390.

REFERENCES

Bun'kova A. A. Keramika s figurnymi nalepami iz fondov Nizhnetagil'skogo muzeia-zapovednika [Ceramics with figured carvings from the funds of the Nizhny Tagil Museum-Reserve] *Tagil'skii vestnik: Istoriko-kul'turnoe nasledie rodnogo kraia: izuchenie, sokhranenie i populiarizatsiia: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Tagilsky Vestnik: Historical and cultural heritage of the native land: study, preservation and popularization: Historical and local history almanac.] Vyp. 6. Nizhnii Tagil : NTGSPA, 2010. S. 193–208 (in Russian).

Kovaleva V. T., Aref'ev V. A. O semantike sosudov s rel'efnymi zoomorfnymi izobrazheniiami [On the semantics of vessels with relief zoomorphic images] *Voprosy arkheologii Urala* [The questions of the Ural archeology] Vyp. 21. Ekaterinburg : UrGU, 1993, S. 107–119 (in Russian).

Matveev A. V., Matveeva N. P., Serikov Iu. B., Skochina S. N. *Kul'tovye pa-miatniki epokhi eneolita* [Cult sites of the Eneolithic era]. Tiumen' : Tiumenskii gosudarstvennyi universitet, 2015, 156 s. (in Russian).

Serikov Iu. B. *Shaitanskoe ozero — sviashchennoe ozero drevnosti* [Shaitanskoje lake — the sacral lake of the Ancient time]. Nizhnii Tagil : NTGSPA, 2013, 408 s. (in Russian).

Serikov Iu. B. Shaburovo I — novyi neoliticheskii pamiatnik na r. Loz've [Shaburovo I — a new Neolithic site on the Lozva River] *Sed'mye Bersovskie chteniia: Sbornik statei Vserossiiskoi arkheologicheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The seventh Bers Readings: A collection of articles of the All-Russian Archaeological Scientific and Practical Conference with international participation]. Ekaterinburg : KVADRAT, 2016. S. 34–41 (in Russian).

Serikov Iu. B. K voprosu o tekhnike izgotovleniia otverstii bol'shogo diametra v kamennykh izdeliakh neolita-bronzy Urala [On the question of the technique of making large-diameter holes in Neolithic-bronze stone products of the Urals]. *Povolzhskaiia arkheologiiia* [Povolzhskaya arkheology]. 2018, no. 1. S. 56–73 (in Russian).

Starkov V. F. O tak nazyvaemykh “bogatykh bugrakh” v lesnom Zaural'e [About the so-called “rich mounds” in the forest Transurals]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. 1969, no. 5. S. 72–77 (in Russian).

Starkov V. F. *Mezolit i neolit lesnogo Zaural'ia* [Mesolithic and Neolithic of the forest Transural]. Moscow: Nauka, 1980, 220 s. (in Russian).

Stokolos V. S. Arkheologicheskaiia razvedka Serovskogo muzeia [Archaeological exploration of the Serov Museum]. *Iz istorii Urala* [From the history of Urals]. Sverdlovsk, 1960. S. 50–55 (in Russian).

Shorin A. F., Shorina A. A. *Kompleks pamiatnikov “Koksharovskii kholm — Iur'inskoe poselenie” kak istochnik po neolitu Zaural'ia* [The complex of sites “Kocharovsky hill — Jurginskoe settlement” as a source for the Neolithic of the Urals]. *Severnyi arkheologicheskii kongress. Tezisy dokladov*. [V Northern archaeological Congress. Thesis of reports]. Ekaterinburg : Al'fa-Print, 2019. S. 138–141 (in Russian).

Shorina A. A., Shorin A. F. Neoliticheskaiia keramika s figurnymi nalepami s Koksharovskogo kholma i Iur'inskogo poseleniia [Neolithic ceramics with figured carvings from Koksharovsky hill and Yuryinsky settlement]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of IV (XX) All-Russian archaeological Congress in Kazan]. T. I. Kazan' : Otechestvo, 2014. S. 386–390 (in Russian).

Список сокращений

НТГСПА — Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

ТГУ — Тюменский государственный университет.

УрГУ — Уральский государственный университет.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2021.

Принята к публикации 30.04.2022.

Дата публикации 30.09.2022

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–02

Н. Н. Серегин

---

*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)***М. А. Демин**

---

*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)***С. С. Радовский**

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ЗАХОРОНЕНИЕ ЛОШАДИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ УРОЧИЩА КАРБАН (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Статья посвящена введению в научный оборот и интерпретации материалов раскопок одного из объектов памятника Карбан-I. Данный комплекс, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, частично исследован в 1989–1990 гг. экспедицией Барнаульского государственного педагогического университета (ныне Алтайский государственный педагогический университет). В ходе раскопок кургана № 12, локализованного в западной части некрополя, выявлено захоронение лошади, совершенное под отдельной насыпью. Анализ зафиксированных признаков обрядовой практики позволяет отнести данный объект к бийкенской археологической культуре раннескифского времени. Облик сопроводительного инвентаря, включающего немногочисленные элементы снаряжения лошади, также характерен для предметного комплекса кочевников обозначенного периода. Принимая во внимание имеющиеся сведения о хронологии других погребений некрополя Карбан-I, в том числе результаты радиоуглеродного датирования серии объектов, время сооружения публикуемого захоронения лошади представляется возможным определить в рамках VIII–VII вв. до н. э.

Ключевые слова: Алтай, раннескифское время, захоронение лошади, конское снаряжение, хронология, обрядовая практика.

Цитирование статьи:

Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С. Захоронение лошади раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 22–33. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–02.

N. N. Seregin

---

*Altai State University, Barnaul (Russia)***M. A. Demin**

---

*Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)***S. S. Radovskiy**

Altai State University, Barnaul (Russia);

HORSE BURIAL OF THE EARLY SCYTHIAN PERIOD FROM THE CARBAN TERRAIN (NORTH ALTAI)

The article is devoted to the introduction into scientific circulation and interpretation of materials from one of the objects of the Karban-I site. This complex, located in the Chermal district of the Altai Republic, was partially explored in 1989–1990 by the expedition of Barnaul State Pedagogical University (now Altai State Pedagogical University). During the excavations of mound № 12, located in the western part of the necropolis, a horse burial made under a separate mound was found. An analysis of the recorded features of ritual practice allows us to attribute this object to the Biyke archaeological culture of the early Scythian period. The appearance of the items of the accompanying inventory, which includes a few elements of horse equipment, is also characteristic for the object complex of the nomads of the indicated period. Taking into account the available information about the chronology of other burials of the Karban-I necropolis, including the results of radiocarbon dating of a series of objects, it seems possible to determine the time of construction of the published horse burial within the framework of the 8th — 7th centuries BC.

Keywords: Altai, early Scythian period, horse burial, horse equipment, chronology, ritual practice

---

For citation:

Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S. Horse burial of the early scythian period from the Carban terrain (North Altai). *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 3. P. 22–33. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–02.

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** nikolay-seregin@mail.ru.

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** mademin52@mail.ru.

Радовский Святослав Сергеевич, аспирант кафедры археологии, этнографии и музееологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** radovskiy1996@mail.ru

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** nikolay-seregin@mail.ru.

Demin Mikhail Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History of Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). **Contact address:** mademin52@mail.ru.

Radovsky Svyatoslav Sergeevich, postgraduate student of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** radovskiy1996@mail.ru.

Введение

Важной составляющей погребального обряда населения Алтая в раннем железном веке и Средневековье являлось захоронение человека с лошадей или отдельными частями ее туши. Данный элемент похоронной практики, известный в регионе с начала I тыс. до н. э., имел специфические характеристики у носителей разных археологических культур, отражая особенности мировоззренческих представлений конкретных общностей кочевников. Несмотря на довольно представительный объем имеющихся материалов и сформированный опыт их изучения, многие аспекты интерпретации обозначенной традиции остаются дискуссионными. В частности, большое значение имеет исследование истоков практики использования лошадей в погребально-поминальной обрядности. Определенные возможности для решения ряда вопросов в указанном направлении связаны с анализом материалов раскопок объектов раннескифского времени, до настоящего времени не введенных в научный оборот и не используемых в полной мере специалистами. В настоящей статье представлены результаты изучения захоронения лошади, исследованного в составе памятника Карбан-I в Северном Алтае.

Характеристика источников

Разновременный археологический комплекс Карбан-I расположен на левом берегу Катуня, в 0,4 км на север от устья реки Карбан, в 1,7 км к северо-западу от с. Куяс Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Памятник выявлен в 1983 г. сотрудником Алтайского государственного университета М. Т. Абдулганеевым при осуществлении рекогносцировочных исследований в зоне предполагаемого водохранилища проектировавшейся Катунской гидроэлектростанции. В 1989–1990 гг. более 40 объектов данного комплекса раскопаны участниками археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического института (ныне — Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М. А. Демина. Часть изученных сооружений относится к раннескифскому времени и демонстрирует различные стороны обрядовой практики населения Алтая данного периода.

Рис. 1. Место расположения комплекса Карбан-I на карте-схеме Республики Алтай
 Fig. 1. Location of the Karban-I complex on the map-scheme of the Republic of Altai

Курган № 12 находился в группе других комплексов, локализованных в западной части памятника Карбан-I, у подножия горы. Данный объект, представлявший собой самое северное сооружение раскопа 2 (рис. 2), был расположен на небольшой площадке, имевшей выраженный уклон с запада на восток. Курган, за исключением грани массивной каменной плиты, практически не выделялся на поверхности.

Зачистка объекта позволила зафиксировать каменную насыпь неправильной (частично подквадратной) формы, сооруженную из речных валунов и плит, уложенных преимущественно в два слоя: более крупные камни часто перекрывались более мелкими (рис. 3). Размеры кургана — 2,2×2,2 м, высота — до 0,3 м. В юго-восточной части конструкции лежала массивная плита (длина — 1,45 м, ширина — до 0,58 м), вероятно, представляющая собой упавшую стелу. С северо-западной стороны к объекту № 12 примыкала полоса камней — край полы соседнего кургана более крупных размеров, который остался за пределами раскопа 2 и не был исследован (рис. 4).

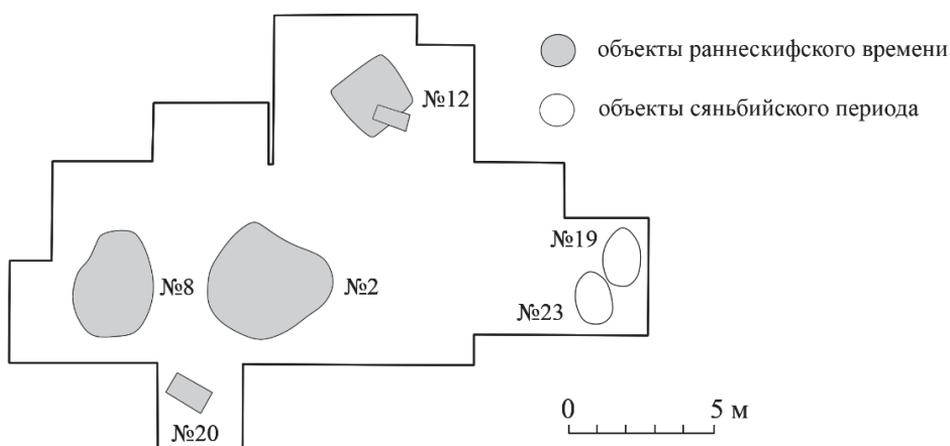

Рис. 2. Карбан-1. Схема раскопа 2

Fig. 2. Karban-I. Excavation plan 2

Рис. 3. Карбан-1. Вид с юго-запада на наземную конструкцию кургана № 12

Fig. 3. Karban-I. View from the southwest of the ground structure of mound № 12

После снятия насыпи было выявлено пятно могильной ямы, вытянутое по линии северо-запад — юго-восток и заполненное просевшими камнями. Размеры его составили 1,65×0,95 м. Вдоль длинной юго-западной стенки ямы были установлены на ребро две плиты. На глубине 0,5 м от уровня древней поверхности обнаружены зуб и обломок левой нижней челюсти лошади с обрубленной диастемой (рис. 5). Судя этим останкам, возраст коня составлял от 2,5 до 3 лет. На обеих костях имелись зеленые окислы меди.

При углублении до дна могильной ямы, зафиксированного на уровне 1,05 м от уровня древней поверхности, ее границы были скорректированы до размера 2,0×0,8 м.

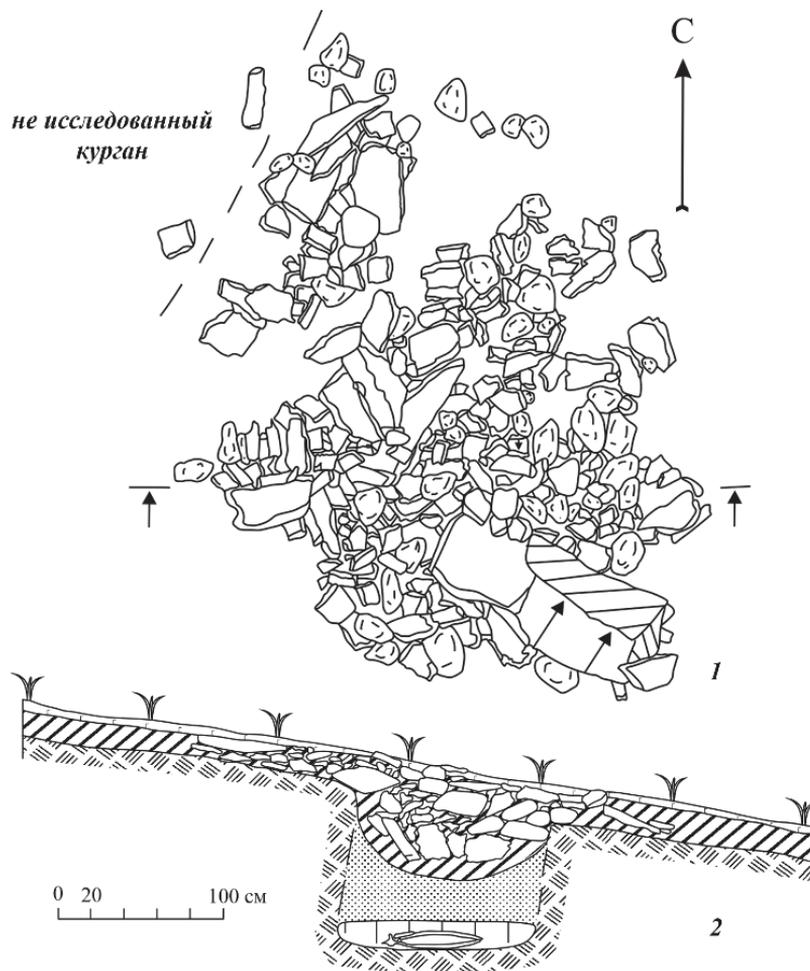

Рис. 4. Карбан-1. План и разрез кургана № 12
Fig. 4. Karban-I. Plan and section of mound № 12

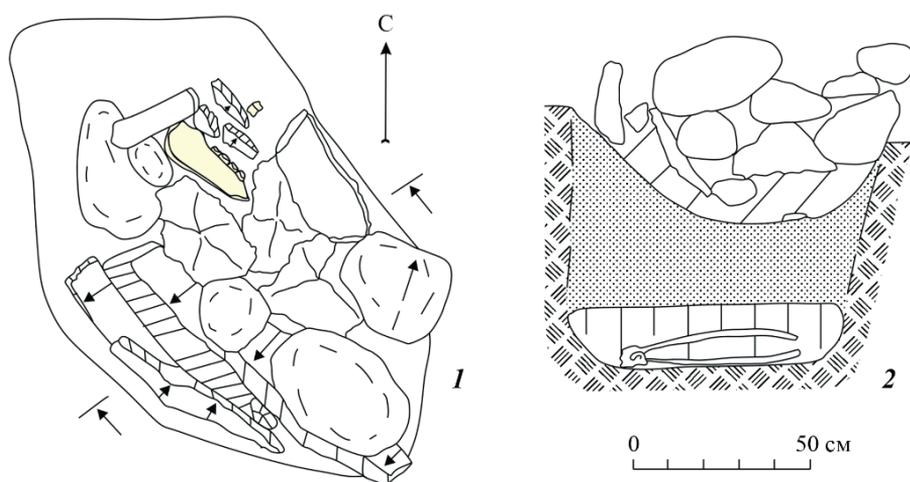

Рис. 5. Карбан-1, курган № 12. План и разрез заполнения могилы после снятия камней насыпи

Fig. 5. Karban-I, barrow № 12. Plan and section of the filling of the grave after the removal of the stones of the embankment

На дне могильной ямы обнаружено захоронение лошади, уложенной на левый бок с подогнутыми ногами и ориентированной на северо-запад (рис. 6).

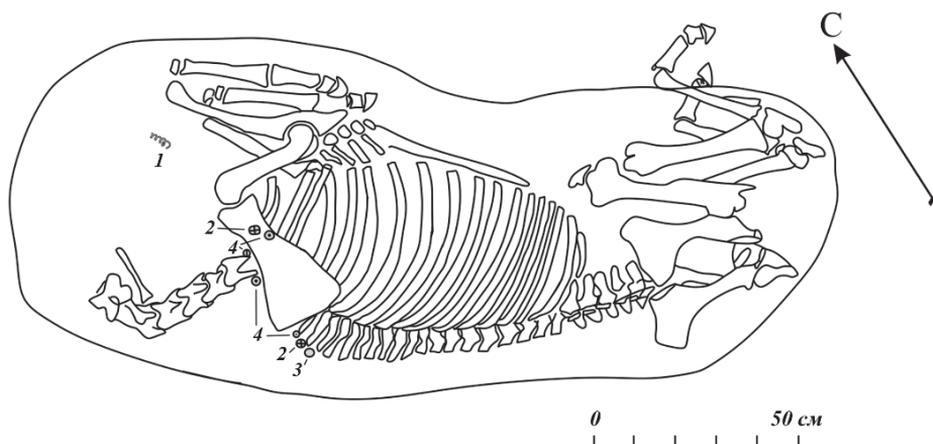

Рис. 6. Карбан-1. План захоронения лошади в кургане № 12. 1 – золотая спираль; 2 – роговой распределитель ремней; 3 – костяная ворворка; 4 – роговая пронизка

Fig. 6. Karban-I. Plan of the burial of a horse in mound № 12. 1 – golden spiral; 2 – horn belt distributor; 3 – bone furrow; 4 – horny penetration

Костяк животного находился в анатомическом порядке, однако череп отсутствовал (от него сохранилась только правая ветвь подъязычной кости). При этом шейные позвонки в сочленении были уложены заметно выше остального туловища, практически на 0,3 м над дном могилы. В области лопаток на скелете лошади обнаружены два роговых распределителя ремней плохой сохранности, а также четыре костяные округлые ворворки (рис. 7.-1-4) и роговая пронизка (рис. 7.-5). К северу от первого шейного позвонка зафиксирована спираль из полоски золотой фольги (рис. 7.-6).

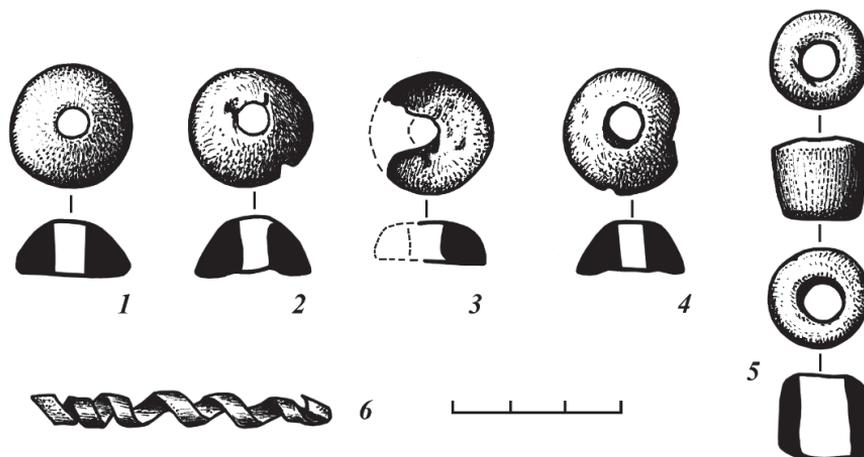

Рис. 7. Карбан-1. Предметы инвентаря из захоронения лошади в кургане № 12. 1-5 – рог, кость; 6 – золото

Fig. 7. Karban-1. Inventory items from the burial of a horse in mound № 12. 1-5 – horn, bone; 6 – gold

Анализ и культурно-хронологическая интерпретация материалов

Зафиксированные признаки конструкции, а также выявленные элементы обрядовой практики позволяют рассматривать объект № 12 как сопроводительное захоронение лошади, сооруженное под отдельной насыпью к юго-востоку от «основного» кургана, который не был раскопан. Подобная традиция характерна для населения бийкенской археологической культуры Алтая раннескифского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997: 59; Тишкин, Дашковский, 2003: 153–154]. Конские захоронения у кочевников данной общности, как правило, были связаны с погребением человека, хотя обнаружены и отдельные объекты [Сорокин, 1974: 75, 79; Молодин, Петрин, 1985: 69]¹. Выявленная ориентировка костяка лошади в северо-западном направлении также является распространенной для объектов бийкенской культуры [Кирюшин, Тишкин, 1997: 50–51, 59].

Широкий круг аналогий в материалах памятников Алтая раннескифского времени имеет такая черта обряда, как отсутствие черепа у лошади [Абдулганеев, 1994: 38; Ларин,

¹ Не исключено, что в таких случаях погребения людей не были выявлены, либо комплекс представлял собой кенотаф.

Суразаков, 1994: 86–88; Могильников, Суразаков, 1997: 127–128; Кирюшин, Тишкин, 1997: 37; Кочеев, 2000: 21–30; Суразаков, Тишкин, 2007: 32–33]. При этом, как и в случае с конским захоронением из Карбана-I, нередко в комплексах обозначенного периода в насыпи или верхних слоях могилы фиксировались отдельные кости черепа или зубы животного. Кроме того, в ходе раскопок нескольких объектов отмечен факт отсечения или повреждения головы лошади, но при этом череп оставлен в погребении [Сосновский, 1941, с. 306; Абдулганеев, 1994: 37; Могильников, Суразаков, 1997: 137; Кочеев, 2000: 21–30; Тишкин, Горбунов, 2005: 119]. Вероятно, с данной традицией связана известная практика захоронений конских черепов, неоднократно зафиксированная на территории Северного Алтая, также связываемая с обрядовой практикой населения раннескифского времени [Ефремов, 1995: 90–91; Шелепова, 2007: 185–188].

Характерной чертой обряда населения бийкенской культуры, выявленной в ходе раскопок кургана № 12, является установка стелы в насыпи. Подобные случаи зафиксированы в материалах нескольких памятников, расположенных в этой же части Алтая [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 25; Тишкин, Горбунов, 2005: 114; Суразаков, Тишкин, 2007, рис. 53–54]. По мнению некоторых исследователей, такие камни, вертикально вкопанные у курганов с сопроводительным захоронением лошадей, могли представлять своего рода имитацию коновязей [Тишкин, Горбунов, 2005: 114; Суразаков, Тишкин, 2007: 41].

Учитывая отсутствие головы у лошади из кургана № 12, обнаруженные в захоронении предметы, очевидно, связаны с оформлением седельной гарнитуры. Четыре округлые ворворки конической формы, а также пронизка усеченной конической, почти прямой формы использовались для застегивания или фиксации ремней, однако установить их более точное назначение не представляется возможным. Судя по имеющимся материалам, подобные изделия получили довольно широкое распространение у кочевников Алтая и сопредельных территорий раннескифского времени [Шульга, 2008: 84–85, 101–102]. Два цилиндрических распределителя с двумя сквозными отверстиями, к сожалению, не сохранившиеся, вероятно, использовались для нагрудных ремней [Шульга, 2008, рис. 34.-5; 36]. Ближайшими аналогиями таким изделиям являются находки из погребения кургана № 5 некрополя Карбан-I [Демин, Гельмель, 1992: 28–29], а также одного из объектов комплекса Бийке [Тишкин, 1996, рис. 11.-1; 12.-7]. В целом, предметы аналогичного назначения разных форм нередко фиксируются в раннескифских комплексах Алтая и сопредельных территорий [Шульга, 2008: 93–94].

Золотое спиралевидное изделие, по-видимому, представляло собой украшение одного из ремней узды или седла. Данная находка относится к числу экземпляров, весьма редких для памятников Алтая раннескифского времени. Схожий предмет, интерпретированный как нахвостник, обнаружен в ходе раскопок кургана 5 некрополя Карбан-I [Демин, Гельмель, 1992: 29, рис. 5.-15]. Фрагмент золотой фольги также зафиксирован рядом с захоронением лошади в одном из объектов памятника Сальдьяр-II, однако в данном случае он мог попасть сюда из ограбленного человеческого погребения [Могильников, Суразаков, 1997: 127–128].

В целом, предметы, обнаруженные в захоронении кургана № 12, за исключением золотого украшения, довольно типичны для конского снаряжения населения Алтая и сопредельных территорий раннескифского времени. Принимая во внимание имеющиеся

ся сведения о хронологии других погребений некрополя Карбан-I, в том числе результаты радиоуглеродного датирования серии объектов, время сооружения публикуемого комплекса представляется возможным определить в рамках VIII–VII вв. до н. э.

Заключение

Захоронение лошади, обнаруженное в ходе раскопок кургана № 12 в урочище Карбан, по совокупности выявленных признаков обрядовой практики относится к бийкенской археологической культуре раннескифского времени. Облик предметов сопроводительного инвентаря с учетом имеющихся сведений о хронологии других погребений обозначенного памятника позволяет установить датировку публикуемого объекта в границах VIII–VII вв. до н. э. Очевидна актуальность дальнейшего системного анализа не введенных в научный оборот материалов комплекса Карбан-I, демонстрирующих как общие, так и довольно специфичные характеристики погребально-поминальной обрядности населения Северного Алтая раннескифского времени и позволяющих на новом уровне вернуться к рассмотрению ряда аспектов истории кочевников данного периода.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, МД-792.2022.2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдуганеев М. Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 37–43.

Демин М. А., Гельмель Ю. И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : Барнаульский гос. пед. ин-т, 1992. С. 28–34.

Ефремов С. А. Погребения в урочище Тогусхан (к вопросу об отдельных захоронениях конских черепов) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. V, ч. I. С. 90–93.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кочеев В. А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш-IV в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2000. № 4. С. 21–30.

Ларин О. В., Суразаков А. С. Раскопки могильника Чоба-VII // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 86–90.

Могильников В. А., Суразаков А. С. Раскопки Второго Сальдырского могильника // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований, 1997. С. 126–144.

Молодин В. И., Петрин В. Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 50–73.

Сорокин С. С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1974. Вып. 16. С. 62–91.

Сосновский Г. П. Ойротская авт. область. Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчёты и сведения. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 304–306.

Суразаков А. С., Тишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул : Азбука, 2007. 232 с.

Тишкин А. А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–54.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Шелепова Е. В. Новые сведения о захоронениях конских черепов (по результатам исследования памятника Тыткескень-VI) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 185–188.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул : Азбука, 2008. Ч. I. 276 с.

REFERENCE

Abdulganeev M. T. Maiemirskie kurgany Boitygema [Mayemir burial mounds of Boitogem]. *Arkheologiya Gornogo Altaia* [Archeology of Gorny Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. S. 37–43 (in Russian).

Demin M. A., Gel'mel' Iu. I. Kurgannoe pogrebenie ranneskifskogo vremeni iz Gornogo Altaia [Kurgan burial of the early Scythian period from Gorny Altai]. *Voprosy arkheologii Altaia i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla* [Questions of Archeology of Altai and Western Siberia of the Metal Age]. Barnaul : Barnaul'skii gos. pedinstitut, 1992. S. 28–34 (in Russian).

Efremov S. A. Pogrebeniia v urochishche Toguskhan (k voprosu ob otidel'nykh zakhoroneniiax konskikh cherepov) [Burials in the Toguskhan tract (on the issue of individual burials of horse skulls)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1995. Iss. V. Ch. I. S. 90–93 (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Tishkin A. A. *Skifskaiia epokha Gornogo Altaia. Chast' I. Kul'tura naseleniia v ranneskifskoe vremia* [Scythian era of Gorny Altai. Part I. Culture of the population in the early Scythian time]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 s. (in Russian).

Kocheev V. A. Ranneskifskie kurgany mogil'nika Airydash-IV v Gornom Altae [Early Scythian mounds of the Airydash-IV burial ground in Gorny Altai]. *Drevnosti Altaia: Izvestiia laboratorii arkheologii* [Antiquities of Altai: Proceedings of the laboratory of archeology]. Gorno-Altai : GAGU, 2000. no 4. S. 21–30 (in Russian).

Larin O. V., Surazakov A. S. Raskopki mogil'nika Choba-VII [Excavations of Choba-Yu burial ground]. *Arkheologiya Gornogo Altaia* [Archeology of Gorny Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. S. 86–90 (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Surazakov A. S. Raskopki Vtorogo Sal'diarskogo mogil'nika [Excavations of the Second Saldiar burial ground]. *Istochniki po istorii Respubliki Altai* [Sources on the

history of the Altai Republic]. Gorno-Altaiisk : Gorno-Altaiiskii institut gumanitarnykh issledovaniĭ, 1997. S. 126–144 (in Russian).

Molodin V.I., Petrin V.T. *Razvedka v Gornom Altae* [Exploration in Gorny Altai]. *Altai v epokhu kamnia i rannego metalla* [Altai in the era of stone and early metal]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. S. 50–73 (in Russian).

Sorokin S.S. *Tsepochka kurganov vremen rannikh kochevnikov na pravom beregu r. Kok-Su (Iuzhnyi Altai)* [A chain of burial mounds from the time of the early nomads on the right bank of the river. Kok-So (Southern Altai)]. ASGE. L. : Izd-vo Gos. Ermitazha, 1974. Iss. 16. S. 62–91 (in Russian).

Sosnovskii G.P. *Oirotskaia avt. oblast'*. *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia* [Oirotskaya avt. region. Archaeological research in the RSFSR 1934–1936. Brief reports and details]. M. ; L. : Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. S. 304–306 (in Russian).

Surazakov A.S., Tishkin A.A. *Arkheologicheskii kompleks Kyzzyk-Telan' — I v Gornom Altae i rezul'taty ego izucheniia* [The archaeological complex of Kyzzyk-Telan-I in Gorny Altai and the results of its study]. Barnaul : Azbuka, 2007. 232 s. (in Russian).

Tishkin A.A. Pogrebal'nye sooruzheniia kurgannogo mogil'nika Biike i kul'tura naseleniia, ostavivshego ikh [Burial structures of the Biike burial mound and the culture of the population that left them]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. S. 20–54 (in Russian).

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. *Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov v doline r. Biike (Gornyi Altai)* [The complex of archaeological monuments in the valley of the river. Biike (Gorny Altai)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 s. (in Russian).

Tishkin A.A., Dashkovskii P.K. *Sotsial'naia struktura i sistema mirovozzrenii naseleniia Altaia skifskoi epokhi* [Social structure and system of worldviews of the population of Altai in the Scythian era]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 430 s. (in Russian).

Shelepova E.V. *Novye svedeniia o zakhroneniakh konskikh cherepov (po rezul'tatam issledovaniia pamiatnika Tytkesken'-VI)* [New information about burials of horse skulls (according to the results of the study of the Tytkesken-VY site)]. *Altae-Saianskaia gornaia strana i istoriia osvoeniia ee kochevnikami* [Altai-Sayan mountainous country and the history of its development by nomads]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. S. 185–188 (in Russian).

Shul'ga P.I. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch. I* [Riding horse equipment and military belts in Altai. Ch. I]. Barnaul : Azbuka, 2008. 276 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.04.2022.

Принята к публикации 15.06.2022.

Дата публикации 30.09.2022

УДК:902.36

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–03

С. А. Котеньков

Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Астрахань (Россия)

С. А. Пилипенко

---

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск (Россия)*

К. Ю. Попов

Саратовский клуб исторической реконструкции «Вечное небо», Саратов (Россия)

**ЗУБНАЯ ЩЕТКА ИЗ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА
МАЯЧНЫЙ БУГОР-I (ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ И РЕКОНСТРУКЦИЯ)**

Эпоха Средневековья степей Евразии — один из таинственных и перспективных для исследования периодов истории человечества как по охвату территории, так и по количеству разнообразных уникальных артефактов, которые перемещались кочевниками на огромные территории. Одному из таких небольших предметов личной гигиены — зубной щетке и посвящена данная статья. Целью нашего исследования является атрибуция костяного продолговатого предмета из погребения № 101 грунтового могильника Маячный Бугор — 1 с территории Астраханской области, с опорой на экспериментальное изготовление реплики из натурального природного сырья. В процессе изготовления нами частично восстанавливается технологический процесс работы мастера по кости. Также нами были выявлены различные формы костяных основ зубных щёток, которые составят базу для дальнейших исследований. Данная информация позволяет впервые получить качественно новые сведения не только о внешнем виде и месте расположения находок, но и способе изготовления зубных щеток.

Ключевые слова: Маячный Бугор, зубная щетка, Золотая Орда, средневековые кочевники, экспериментальная археология, Старый Сарай, Монгольская империя.

Цитирование статьи:

Котеньков С. А., Пилипенко С. А., Попов К. Ю. Зубная щетка из грунтового могильника Маячный Бугор-I (историко-археологический аспект и реконструкция) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 34–50. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–03.

S. A. Kotenkov

P. P. Shirshov Institute of Oceanology RAS, Astrakhan (Russia)

S. A. Pilipenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk (Russia)

K. Yu. Popov

Saratov Club of Historical Reconstruction «Eternal Sky», Saratov (Russia)

A TOOTHBRUSH FROM THE GROUND BURIAL MAYACHNYY BUGOR-I (HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL ASPECT AND RECONSTRUCTION)

The era of the Middle Ages of the steppes of Eurasia is one of the mysterious and promising periods for research in the history of mankind, both in terms of the coverage of the territory and the number of various unique artifacts that nomads move to vast territories. Our work is devoted to one of such small items of personal hygiene, a toothbrush. The purpose of our study is the attribution of an elongated bone object from burial No. 101 of the Mayachny Bugor-1 ground burial ground from the territory of the Astrakhan region, based on the experimental production of a replica from natural raw materials. In the process of manufacturing, we partially restore the technological process of the work of a bone master. We have also identified various forms of the bone bases of toothbrushes, which will form the basis for further research.

The information obtained allows, for the first time, to obtain qualitatively new information not only about the appearance and location of the finds, but also about the method of making toothbrushes.

Keywords: Mayachnyy Bugor, toothbrush, Golden Horde, medieval nomads, experimental archeology, Old Saray, Mongol Empire.

For citation:

Kotenkov S. A., Pilipenko S. A., Popov K. Yu. A toothbrush from the ground burial Mayachnyy Bugor-I (historical and archaeological aspect and reconstruction). *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 3. P. 34–50. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–03.

Котеньков Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Астрахань (Россия).

Адрес для контактов: s_kotenkov@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-0462-5553>.

Пилипенко Сергей Алексеевич, преподаватель кафедры гуманитарных наук факультета базовой подготовки Новосибирского государственного университета экономики и управления, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** Pilipenkosergej@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>.

Попов Константин Юрьевич, дизайнер-фрилансер, реконструктор-ремесленник, член клуба исторической реконструкции «Вечное Небо», Энгельс (Россия).

Адрес для контактов: nidhogrr@yandex.ru.

Kotenkov Sergey Anatolyevich, candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, P. P. Shirshov Institute of Oceanology Russian Academy of Sciences, Astrakhan (Russia).

Contact address: s_kotenkov@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-0462-5553>.

Pilipenko Sergey Alekseevich, Lecturer, Department of Humanities, Faculty of Basic Training, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** Pilipenkosergej@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>.

Popov Konstantin Yuryevich, freelance designer, reenactor-craftsman, member of the club of historical reconstruction «Eternal Sky», Engels (Russia). **Contact address:** nidhogrr@yandex.ru.

Введение

Нижеволжские города Золотой Орды, существовавшие на месте городищ Укек (Саратовская область), Водянское, Царевское (Волгоградская область), Селитренное, Шареный Бугор, Красноярское, Самосдельское (Астраханская область) являлись в XIII–XIV вв. крупными торговыми центрами, местом переплетения культур, языков, нравов, обычаев, сосредоточием ремесла, храмов различных конфессий, памятников архитектуры.

Среди них особый интерес представляет Красноярское городище в Красноярском районе Астраханской области (в 32 км к северо-востоку от Астрахани). Данный объект занимает стратегическое положение в месте слияния крупных волжских протоков Бузана и Ахтубы, имеющих выход в Каспийское море. Представляет собой крупный массив из поселений и грунтовых могильников, расположенных исключительно на природных возвышенностях — бэровских буграх, территория которых обжита ещё с эпохи бронзы [Котеньков С. А., Котеньков И. С., 2012: 73–75].

Ряд учёных высказывают гипотезу, что Красноярское городище является местоположением Старого Сарая — столицы Золотой Орды, основанной на месте кочевья Бату, именованной в русской традиции — Беркезань, через который проходили центральные торговые магистрали Евразии — Волго-Каспийский торговый путь и Великий шёлковый путь [Котеньков, 2004:157, Пачкалов, 2011: 41–43]. Г. А. Фёдоров-Давыдов указывал на то, что в XIII в. подъём уровня Каспийского моря мог привести к смещению морского края дельты вплотную к Красноярскому городищу, ставновившемуся при разливах Волги островом [Федоров-Давыдов, 1994: 26–27]. Существуют мнения, что в 30-е гг. XIV в., чтобы избежать затоплений вследствие колебаний уровня Каспийского моря, столица Золотой Орды — Сарай была перенесена севернее в район с. Селитренное, [Федоров-Давыдов. 1994: 26–27, Котеньков С. А., 2004: 159; Пачкалов, 2010: 335–336].

Характеристика источников

Грунтовый могильник Маячный бугор-I является одним из городских некрополей указанного городища. Его огромная территория значительно превосходит размеры некрополей прочих городищ. Обнаруженные здесь джучидские монеты 70-х гг. XIII в. свидетельствуют в пользу того, что Сарай мог возникнуть не позднее середины XIII в. именно на месте Красноярского, а не Селитренного городища, на котором культурных слоёв XIII в. пока не обнаружено [Котеньков С. А., Котеньков И. С., 2012: 65; Котеньков, 2004: 27]. Материалы данного некрополя позволяют нам узнать новые сведения об истории, культуре и быте жителей столичного центра Золотой Орды.

Большой интерес представляют материалы женского погребения № 101, совершенного в гробу в могильной яме, имевшей ступеньку с восточной стороны. Плахи крышки гробовины были окрашены в красный и зелёный цвета (рис. 1.-1). Погребённая была ориентирована головой на юг, череп на затылочных костях, с лёгким доворотом на восток и наклоном вперёд. Положение костяка — вытянуто на спине, правая рука вытянута вдоль туловища, левая немного согнута в локте. Ноги вытянуты, правая немного согнута в колене.

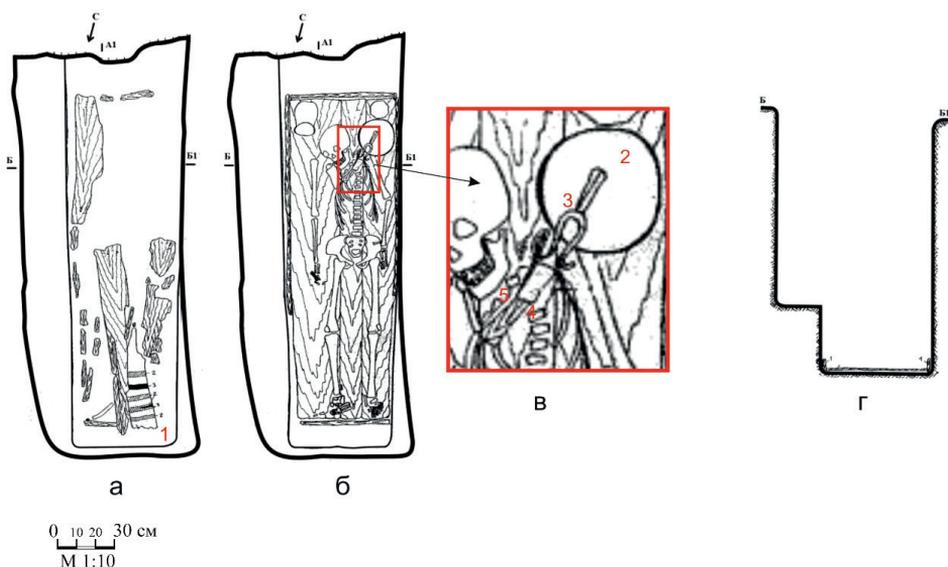

Рис. 1. План погребения № 101 могильника Маячный Бугор-1:

1а – разноцветная окраска досок гробовища; 1б – локализация скопления погребального инвентаря; в 2 – деревянная чаша; в 3 – железные ножницы; в 4 – железный нож; в 5 – зубная щетка (рисунки О. Ю. Котеньковой, Д. А. Яновской)

Fig. 1. Plan of burial No. 101 of the burial ground Mayachny Bugar-1: a 1 – multi-colored coloring of the planks of the tomb; b- localization of the accumulation of grave goods; c – 2 – a wooden bowl, 3 – iron scissors, 4 – an iron knife, 5 – a toothbrush (The drawings were made by O. Yu. Kotenkova, D. A. Yanovskaya)

Инвентарь погребения представлен бронзовым зеркалом, красноглиняным гончарным сосудом, деревянной миской (рис. 1.-в2), железными ножницами, железным ножом с деревянной рукоятью (рис. 1.-в3–4). В районе левой части грудной клетки была обнаружена костяная палочка длиной 210 мм, имеющая на конце 20 сквозных отверстий. Первоначально указанное костяное изделие было идентифицировано автором исследований как кочедык (плоское изогнутое шило) (рис. 1.-в4) [Котеньков, 1991: 82–83, рис. 450, 451].

Позднее Д. У. Панахалиева в первой публикации данного предмета определила его как «костяной крючок для вязания», указав при этом неточные размеры [Панахалиева, 2009: 502].

При более внимательно изучении изделия в фондах Астраханского музея-заповедника было установлено, что ничего общего ни с кочедыком, ни с «костяным крючком для вязания» данный предмет не имеет.

Целью данной публикации является атрибуция фактического назначения костяного изделия из погребения № 101 (Маячный бугор — 1), и реконструкция процесса изготовления предмета на основе аналитико-экспериментальных данных.

Анализ материалов

Костяное изделие из погребения № 101 представляет собой вытянутый предмет длиной 210 мм. Имеет плоско-выпуклую часть головки размером 48 мм x 8 мм, уплощённую (полуовальную с оборотной стороны) шейку (7 x 6 мм в середине и 5 x 4 мм в конце), переходящую в ручку. Ручка на конце имеет крючкообразный загиб с лицевой стороны.

На лицевой уплощённой стороне головки расположены в два ряда парные отверстия цилиндрической формы (9 пар), диаметром 2,5 мм, глубиной 3,5–4 мм. Отверстия на головке не сквозные, т. е. не до конца просверлены. Нижняя часть отверстий в совокупности формирует продолговатую канавку на оборотной стороне головки. Двухрядные отверстия замыкаются на лицевой части головки в нижнем и верхнем концах еще двумя идентичными по диаметру и глубине отверстиями. Обратная сторона головки несколько выпуклая и гладкая, имеет по центральной линии надрез длиной 55 мм. Таким образом, задняя стенка головки имеет углубление по центральной части в виде канавки с несколько скошенным дном. Дно канавки-пропила со стороны торца головки расширилось за счет сверления длинным продолговатым сверлом, в результате чего пропиал соединился со всеми 20-ю глухо засверленными кармашками, тем самым делая их сквозными (рис. 2.-1–3).

Что касается вопроса о функциональном назначении изучаемого предмета, то мы считаем, что он служил зубной щеткой. В отверстия вставлялись пучки волос, скорее всего, животного происхождения. То факт, что ручка предмета на конце была загнута, свидетельствует в пользу версии, что данный предмет туалета сочетал в себе функции зубной щётки, копоушки и ногтечистки одновременно.

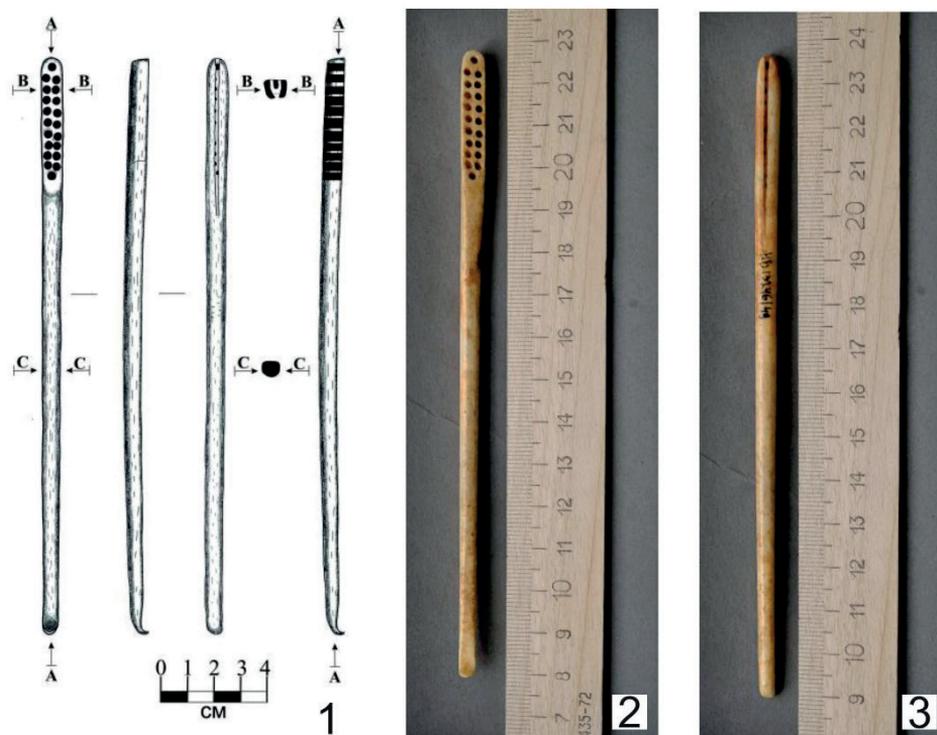

Рис. 2. Костяная зубная щетка из погребения № 101 могильника Маячный Бугор-1: 1 – прорисовка; 2 – фото зубной щетки с «лицевой» рабочей части; 3 – фото зубной щетки с тыльной части (рисунки О. Ю. Котеньковой, Д. А. Яновской)
 Fig. 2. Bone toothbrush from burial No. 101 of the Mayachny Bugar-1 burial ground: 1 – drawing; 2 – photo of a toothbrush from the “front” working part; 3 – photo of a toothbrush from the back (The drawings were made by O. Yu. Kotenkova, D. A. Yanovskaya)

Наиболее близкой аналогией нашей находке является костяная щётка с городища Кастек (Казахстан), обнаруженная в помещении № 6, во втором строительном слое, относящемся к X в. [Нуржанов, 2017: 268, рис. 2]. Она имеет несколько вытянутую плоско-выпуклую часть головки размером 36,5 мм x 10,5 мм, шейку, переходящую на четырехгранную (6 x 5 мм в середине и 6 x 5,5 мм в конце) ручку. Головка имеет лицевую плоскую сторону с двумя двухсторонними парными нитевидными, неглубокими, аккуратно выполненными надрезами по длине головки. Вдоль этих двух парных линий в цепочку расположены по пять цилиндрической формы отверстия-ячейки диаметром 2,5 мм, глубиной 3,5–4 мм. Отверстия на головке не сквозные, т. е. не до конца просверлены. Нижняя часть отверстий в совокупности формирует лицевую часть продолговатой кармашки. Двухрядные 10 отверстий замыкаются в нижнем и верхнем концах головки еще двумя идентичными по диаметру и глубине, но сквозными отверстиями.

Противоположная сторона головки несколько выпуклая и гладкая, имеет по сагитальной линии третью линию надреза длиной 25 мм, но более широкую и глубокую,

переходящую и формирующую заднюю стенку с гребенчатым выступом по центральной части кармашки по длине головки, которая также является несколько скошенным дном пяти цилиндрических парных ячеек. На противоположном конце руки отсутствуют какие-либо следы дополнительной обработки.

Также морфологически схожие щётки выявлены в Каракоруме — центре Монгольской империи XIII–XIV вв. [Левашова, 1965: 310–312, рис. 164: 1, 7, 8], и в киданьском городе X–XI вв. Чинтолгой-Балгас [Крадин, Ивлев, Очир, Васютин, Данилин, Никитин, Эрдэнэболд, 2011: 151–152, илл. 45.-1; 46.-4, 5; 47.-1, 3]. Можно предположить, что указанный тип щёток укладываются в хронологические рамки X–XIV вв.

Учитывая, что изготовление данного предмета требовало наличия определенных навыков и сноровки мастера-костореза, в ходе исследования возникла идея изготовления реплики щетки для уточнения технологического процесса при изготовлении щеток.

Описание эксперимента

С целью проверки правильности нашей интерпретации первоначального назначения костяного изделия из погребения № 101 из могильника Маячный бугор — 1 в процессе работы над репликой была воссоздана щетка в возможном первоначальном варианте. Для изготовления реплики щетки могла использоваться берцовая кость крупного рогатого скота. В нашем случае была выбрана часть ноги лося (рис. 3.-1). Также могла использоваться кость коня или быка.

В процессе начальной обработки с костей удалялись все мягкие ткани при помощи ножа. После чего кость подвергалась термической обработке до полного отставания мышц и сухожилий. Производилась обрезка суставных головок, так как они имеют пористую структуру и не подходят для работы (рис. 3.-3, 4). После очищения от ткани отделялась малая берцовая кость (рис. 3.-5). Далее, в целях обезжиривания, она подвергалась повторному вывариванию в чистой или слабощелочной воде (рис. 3.-6). Для дальнейшей обработки использовался набор инструментов, которые по своей форме и назначению, за исключением их современного изготовления, мало чем отличались от средневековых аналогов (рис. 4.-1).

Были использованы инструменты из железа: топор, ножи, напильники разного размера, пила и лучковое сверло. Для фиксации заготовки при обработке, в зависимости от конкретной операции, применяли различные деревянные горизонтальные или наклонные поверхности. Для обработки на горизонтальной плоскости костяная заготовка фиксировалась при помощи волокнистого шнура, а для обработки в вертикальной плоскости использовался пенёк (рис. 4.-2, 6, 9).

После сушки приступали к черновой обрезке кости. Если кость крупная, то применялась пила. В нашем случае небольшим топориком аккуратно обрубалось лишнее (рис. 4.-2–4). В конечном итоге получилась заготовка нужной формы (рис. 4.-5).

Далее, переходя от напильника с крупной насечкой к напильнику с мелкой насечкой, производилось обтачивание кости (рис. 4.-8–10). Для её фиксации на рабочей лапке применялась ременная или веревочная петля, удерживаемая в натянутом состоянии (рис. 4.-10).

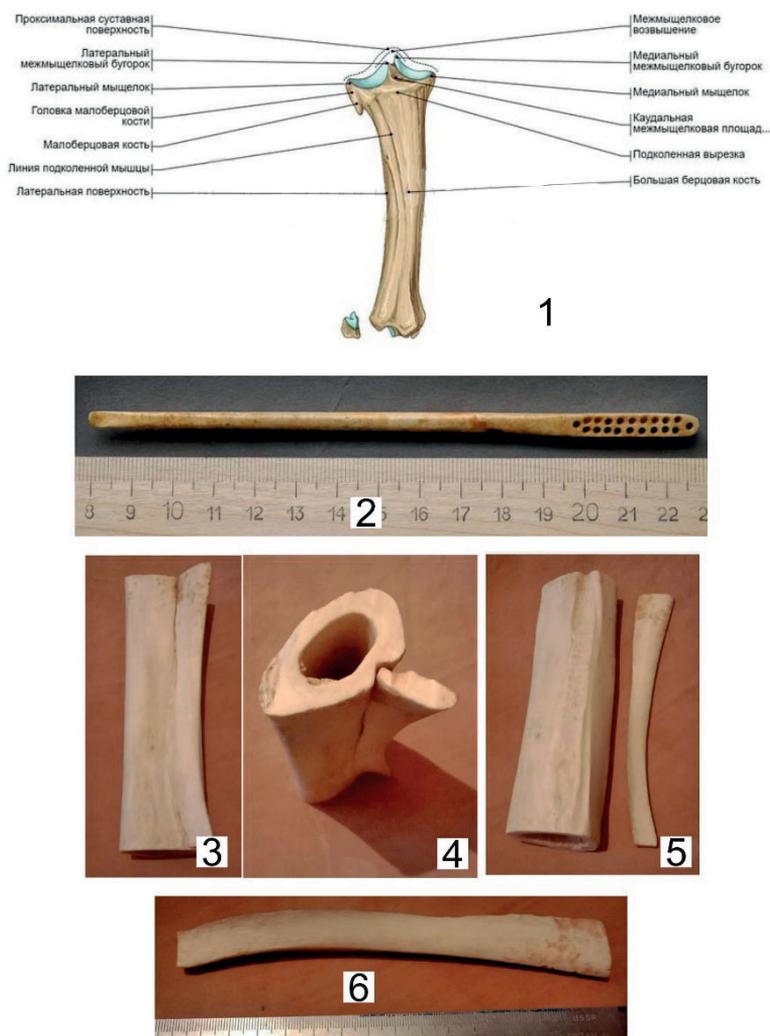

Рис. 3. Костяная зубная щетка из погребения № 101 могильника Маячный Бугор-1: 1 – строение берцовой кости КРС; 2 – фото щетки из погребения № 101 могильника Маячный Бугор – 1 в сравнении с заготовкой; 3–4 – процесс обработки лосинной конечности в процессе вываривания и очищения от тканей и сухожилий; 5 – отделение малой берцовой кости лося для заготовки костяного изделия; 6 – малая берцовая кость лося, подготовленная для изготовления зубной щетки (фото К. Ю. Попова, дизайн Д. А. Яновской)

Fig. 3. Bone toothbrush from burial No. 101 of the Mayachny Bugor-1 burial ground: 1 – the structure of the tibia of cattle (Bone system ...); 2 – photo of a brush from burial No. 101 of the Mayachny Bugor burial ground – 1 in comparison with the blank; 3–4 – the process of processing the elk limb in the process of digestion and purification from tissues and tendons; 5 – separation of the fibula of an elk for the preparation of a bone product; 6 – elk tibia prepared for the start of making a toothbrush (Photo by K. Yu. Popov, design by D. A. Yanovskaya)

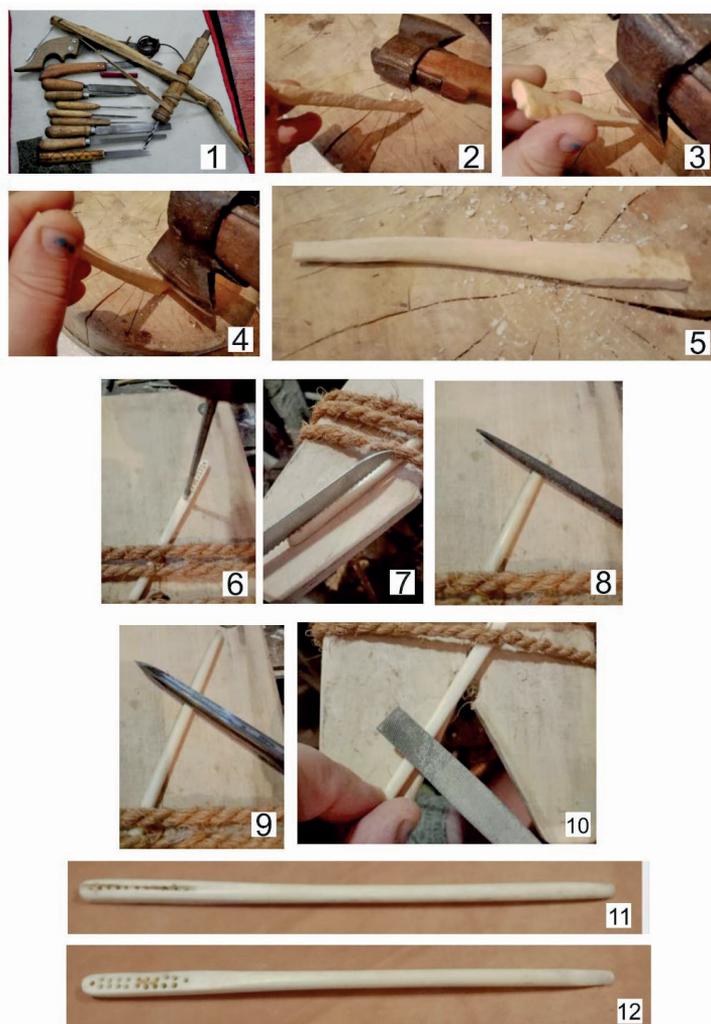

Рис. 4. Костяная зубная щетка из погребения № 101 могильника Маячный Бугор-1: 1 – набор современных инструментов, аналогичных по функции средневековым, для обработки кости; 2–4 – процесс первичной обработки заготовки щетки при помощи топора; 5 – костяная заготовка после первичной обработки; 6 – операция сверления отверстий; 7 – изготовление пропила с тыльной стороны щетки; 8–10 – операция обтачивания заготовки до нужного размера и формы; 11, 12 – готовая костяная основа зубной щетки (фото К. Ю. Попова, дизайн Д. А. Яновской)

Fig. 4. Bone toothbrush from burial No. 101 of the Mayachny Bugar-1 burial ground: 1 – a set of modern tools similar in function to medieval ones for bone processing; 2–4 – the process of primary processing of the brush blank with the help of an axe; 5 – bone blank after primary processing; 6 – operation of drilling holes; 7 – making a cut from the back of the brush; 8–10 – the operation of turning the workpiece to the desired size and shape; 11, 12 – the finished bone base of the toothbrush. (Photo by K. Yu. Popov, design by D. A. Yanovskaya)

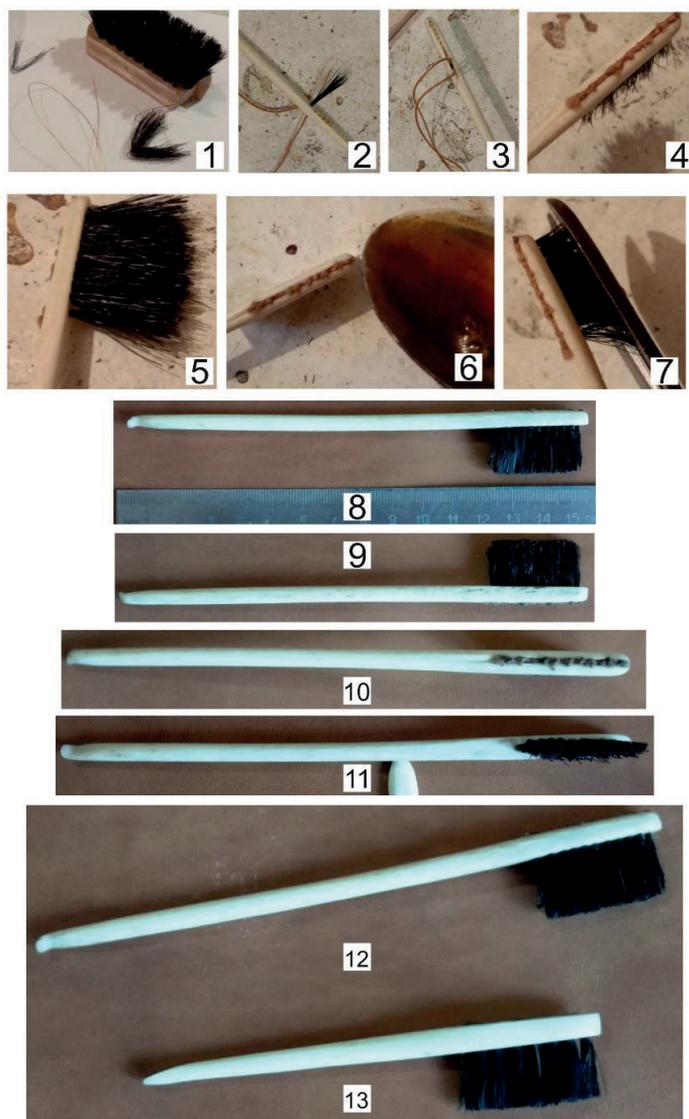

Рис. 5. Костяная зубная щетка из погребения № 101 могильника Маячный Бугор-1: 1 – процесс подготовки щетины для ворса щетки; 2–4 – процесс закрепки щетины; 5 – вид изделия до обрезки щетины; 6 – процесс пропитки нитки смолами для устойчивости к повреждению и влаге; 7 – обрезка щетины щетки; 8–13 – вид конечного изделия (фото К. Ю. Попова, дизайн Д. А. Яновской)

Fig. 5. Bone toothbrush from burial No. 101 of the Mayachny Bugor-1 burial ground: 1 – the process of preparing the bristles for the bristles of the brush; 2–4 – the process of fastening the bristles; 5 – view of the product before trimming the bristles; 6 – the process of impregnating the thread with resins for resistance to damage and moisture; 7 – trimming the bristles of the brush; 8–13 – view of the final product (Photo by K. Yu. Popov, design by D. A. Yanovskaya)

После придания изделию окончательной формы проводилось сверление на головке глухих отверстий под щетину. Для этого использовалось лучковое сверло с копьевидным наконечником (рис. 4.-6). Ручной пилой небольшого размера пропиливался паз с обратной стороны головки. А также производилось горизонтальное сверление для расширения дна пропила, чтобы получить возможность закрепить на головке щетину при ее монтаже (рис. 4.-7).

Также обтачивался кончик крючка-копоушки. У данного изделия копоушка выполнена не в форме лопатки, как это чаще всего бывает, а именно в форме крючка. Подобная форма сохранилась на современных японских копоушках — мимикаки.

Конечная отделка производилась инструментом типа шабера или небольшого ножа. Аккуратно соскабливая и выравнивая всю поверхность, производили циклевку. После обработки изделия куском кости или рога для лущения поверхности производили полировку заготовки стеблями растений с выраженной ребристой структурой.

Для закрепления щетины использовали современную деревянную хозяйственную щетку с оригинальным конским ворсом (рис. 5.-1). Небольшой пучок волос, около 15–20 штук (рис. 5.-2), перетягивали прочной ниткой и закрепляли узлом с обратной стороны. Операция неоднократно повторялась. В итоге вся щетина была нанизана на одну нить. Возможно, применялась нить из натуральных волокон животного или растительного происхождения (рис. 5.-3–4).

Для надежности нить пропитывали расплавленной канифолью. В Средние века мог применяться клей древесного или животного происхождения (рис. 5.-6). Затем проводилась конечная обрезка и подравнивание щетины (рис. 5.-5, 7). После чего изделие было готово к употреблению (рис. 5.-8–12).

Конструкция с тонким пазом на обратной стороне создает ряд проблем и требует большого профессионального опыта.

Временные затраты на изготовление реплики зубной щетки из погребения № 101 (Маячный Бугор — 1) — не менее 20 часов рабочего времени. На одну только операцию по установке щетины ушло около пяти часов.

Обсуждение результатов

Следует отметить, что погребение № 101 относится к группе языческих захоронений с южной ориентировкой могильника Маячный бугор-1, относящихся к захоронениям переходного от язычества к исламу типа. Данные захоронения, часть из которых с роскошным вещевым материалом, совершены в сырцовых склепах, справедливо названы Л. Ф. Недашковским «аристократическими» [Недашковский, 2018: 104]. Среди погребального инвентаря, свидетельствующего не только о высоком социальном статусе погребённых, но об их дальневосточных корнях, следует выделить: остатки одежды (парчовые халаты, женские головные уборы — «бохтаг» или «бокка», выполненные из бересты, крытые парчовой тканью, украшенные серебряной проволокой и речным жемчугом), деревянную посуду, поясной ковш из дерева, зеркала из бронзы и белого металла, украшения (бронзовые, серебряные и золотые многочастные и одночастные серьги, одинарные и двойные заколки — шпильки), предметы языческого культа (амулеты в виде стержня из белемонита в оправе из белого металла, кожаный амулет-

ник с цветком растения). Интересны местоположения джучидских монет в захоронениях: в руках и даже во рту погребенных. В погребении № 101 среди прочего инвентаря обнаружено восьмилепестковое бронзовое зеркало дальневосточного происхождения с изображением благовещих облаков и водяного дракона [Котеньков, 2015: 39]. Благовещие облака олицетворяли собой подаяние многих жизненных благ со всех сторон, изображение дракона было не только символом воды, дождя, но и царствования, величия и процветания. Его изображения являлось одним из способов снискать покровительство и расположение Будды [Оборин, Савосин, 2017: 13, 27].

Изображение дракона на досках гробовища как имперская символика также зафиксирована в одном из указанных погребений. Следует особо отметить костяные изделия, выполненные на высоком художественном уровне: палочки для еды с зооморфными украшениями в виде соколов, фигурки в виде летящего оленя, рыбы, орнаментированные пластины обкладки колчана, игральные кубики, гребни [Котеньков С. А., Котенькова О. Ю., 2010: 295–299].

Учёными отмечено, что в золотоордынских городах Нижнего Поволжья на высоком уровне находилось и косторезное дело, применялся ряд технологий (распилка, резание, нанесение циркульной орнаментации, гравировка, полировка и окрашивание изделий). Обнаружены косторезные мастерские, многочисленные фрагменты как заготовок из кости и рога, так и отходов производства, а также орудия труда (резцы, сверла, специализированные ножи и др.) [Недашковский, 2010: 186; Пальцева, Буржаков, Сьянова, 2012: 20–27]. Однако на Красноярском городище косторезной мастерской не выявлено. Доказано, что ремесло в Сараях, как, впрочем, и в других нижневолжских городах Золотой Орды, стало складываться не ранее начала XIV в. [Зеленеев, 2007: 165]. Нельзя исключать того факта, что зубная щётка, как и прочие указанные вещи, имеющие характерные черты китайского влияния, могли быть привезены из дальневосточных провинций Монгольской империи.

Исследователи в своих работах уже отмечали не только наличие прямых контактов жителей Красноярского городища — Старого Сарая (?) с центральными районами Монгольской империи второй половины XIII в., но и полное соответствие набора одежды женского костюма, включая женские украшения, халаты и бокки, сшитые с применением китайского шёлка, ордынской государственной идеологии [Котеньков, Пилипенко, Тимофеев, Жадаева, 2019: 115; Орфинская, Лантратова, 2011: 20–40; Орфинская, Голиков, Лантратова, Рудаков, 2013: 151–162].

Заключение

На основании изложенного можно предположить, что зубная щётка, как и прочие предметы дальневосточного происхождения, принадлежали первым жителям Сарая из числа монголов, пришедших с Батыем и оставшихся в нижневолжских степях либо имевших тесные связи с центральными районами Монгольской империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зеленеев Ю. А. Формирование основ материальной культуры Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей: материалы Учредительного съезда Между-

народного конгресса. Т. I. Казань : Институт истории АН Республики Татарстан, 2007. С. 164–171.

Костная система крупного рогатого скота // Иллюстрированный атлас анатомии животных. URL: <http://https://www.imaios.com/ru/vet-Anatomy/Bych-i/Korova-Osteologiya-illyustracii/> (дата обращения: 05.03.2022).

Котеньков С. А. Как возили шелк в Европу: по следам северных караванов. Гробницы заговорили // Диалог морей. 2015. № 9. С. 37–39.

Котеньков С. А. Отчет об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Маячный бугор — I» в Красноярском районе Астраханской области в 1991 г. // Архив Астраханского музея-заповедника. НВ 13247/5, НВ 13247/6. 1991.

Котеньков С. А. Средневековые погребения с джучидскими монетами из Астраханской области // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Казань : Фан, 2004. С. 153–161.

Котеньков С. А., Котеньков И. С. К вопросу о возникновении золотоордынских городов в Астраханском крае на территории домонгольских поселений (продолжение темы) // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы VIII Международной научной конференции. Астрахань, 2012. С. 62–80.

Котеньков С. А., Котенькова О. Ю. Элементы язычества в погребальных обрядах грунтовых могильников «Маячный-I-II» — золотоордынских некрополей Красноярского городища в Астраханской области // Археология Нижнего Поволжья: Проблемы, поиски, открытия : материалы III Международной археологической конференции. Астрахань, 2010. С. 292–299.

Котеньков С. А., Пилипенко С. А., Тимофеев А. А., Жадаева А. В. К вопросу о китайском влиянии на женские украшения золотоордынского населения Поволжья (по материалам грунтовых могильников Маячный Бугор 1–2) // Азак и мир вокруг него : материалы Международной научной конференции. Азов, 2019. С. 110–115.

Крадин Н. Н., Ивлев А. Л., Очир А., Васютин С. А., Данилин С. В., Никитин Ю. Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгой-балгас. М. : Восточная литература, 2011. 173 с.

Левашова В. П. Костяные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М. : Наука, 1965. С. 308–315.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М. : Восточная литература, 2010. 349 с.

Недашковский Л. Ф. Исторические особенности золотоордынского города // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. № 38 (3–4). С. 97–116.

Нуржанов А. А. Зубная щетка из городища Кастек // VII Халиковские чтения: средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: Проблемы исследований, сохранения и музеефикации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Билярской археологической экспедиции. Казань, 2017. С. 267–270.

Оборин Ю. В., Савосин С. Л. Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. Красноярск; Москва, Электронное издание, 2017. 527 с.

Орфинская О. В., Лантратова О. Б. Женский костюм золотоордынского времени из погребения могильника Маячный Бугор-I (Астраханская область) // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства : материалы I научно-практической конференции. Ч. I. Труды ГИМ. Вып. 188. М., 2011. С. 20–41.

Орфинская О. В., Голиков В. П., Лантратова О. Б., Рудаков В. Г. Текстиль из захоронения золотоордынского периода на Могильнике Маячный бугор-1 // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне : материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г. А. Фёдорова-Давыдова. Труды ГИМ. Вып. 184. М., 2013. С. 151–162.

Пальцева Д. У., Шакиров З. Г., Худяков А. В. Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 208–215.

Пальцева Д. У., Буржаков Р. А., Сьянова О. А. Косторезное производство Нижнего и Среднего Поволжья на основе анализа костяных заготовок и бракованных изделий Биляра и Самосдельского городища // Каспийский регион: Политика, Экономика, Культура. 2012. № 4. С. 20–27.

Панахалиева Д. У. Костяные изделия из погребений могильника «Маячный бугор» // Золотоордынское наследие: сборник статей. Вып. 1. Казань : Фэн, 2009. С. 501–504.

Пачкалов А. В. К вопросу о местоположении Старого Сарая // Золотоордынская цивилизация. 2011. № 4. С. 41–43.

Пачкалов А. В. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья: Проблемы, поиски, открытия : материалы III Международной археологической конференции. Астрахань, 2010. С. 335–336.

Попов П. В. К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде (по данным археологических источников) // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды : сборник научных статей памяти В. П. Костюкова. Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2011. С. 130–145.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М. : Изд-во МГУ, 1994. 229 с.

REFERENCE

Zeleneev Iu. A. Formirovanie osnov material'noi kul'tury Zolotoi Ordy. [Formation of the foundations of the material culture of the Golden Horde]. *Srednevekovaia arkheologiiia evraziiskikh stepei. Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa* [Medieval archeology of the Eurasian steppes. Materials of the Founding Congress of the International Congress]. Kazan' : Institut istorii AN RT, 2007. Vol. I. S. 164–171 (in Russian).

Kostnaia sistema krupnogo rogatogo skota — Illiustrirovannyi atlas anatomii zivotnykh [The skeletal system of cattle — An Illustrated Atlas of Animal Anatomy] URL: <http://www.imaios.com/ru/vet-Anatomy/Bych-i/Korova-Osteologiya-illyustracii/> (accessed March 5, 2022) (in Russian).

Koten'kov S. A. Kak vozili shelk v Evropu: po sledam severnykh karavanov. Grobnitsy zagovorili [How silk was transported to Europe: in the footsteps of northern caravans. The tombs spoke]. *Dialog morei* [Dialogue of the Seas]. 2015. no 9. S. 37–39 (in Russian).

Koten'kov S. A. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gruntovom mogil'nike "Maiachnyi bugor — I" v Krasnoiarском raione Astrakhanskoi oblasti v 1991 g. [Report on archaeological excavations at the soil burial ground "Mayachny hillock — I" in the Krasnoyarsk district of the Astrakhan region in 1991]. *Archive of the Astrakhan Museum-Reserve*. HB 13247/5, HB 13247/6 1991 (in Russian).

Koten'kov S. A. Srednevekoveye pogrebeniia s dzhuchidskimi monetami iz Astrakhanskoi oblasti. [Medieval burials with Juchid coins from the Astrakhan region]. *Kul'turnye traditsii Evrazii: voprosy srednevekovoii istorii i arkheologii* [Cultural traditions of Eurasia: issues of medieval history and archeology]. Kazan' : Fan, 2004, S. 153–161 (in Russian).

Koten'kov S. A., Koten'kov I. S. K voprosu o vznikenii zolotoordynskikh gorodov v Astrakhanskom kraie na territorii domongol'skikh poseleniy (prodolzheniye temy) [On the issue of the emergence of the Golden Horde cities in the Astrakhan region on the territory of pre-Mongolian settlements (continuation of the topic)]. *Perekrostki istorii. Aktual'nyye problemy istoricheskoy nauki. Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Crossroads of history. Actual problems of historical science. Proceedings of the VIII International Scientific Conference]. Astrakhan', 2012. S. 62–80 (in Russian).

Koten'kov S. A., Koten'kova O. Yu. Elementy yazychestva v pogrebal'nykh obryadakh gruntovykh mogil'nikov "Mayachny-I-II" — zolotoordynskikh nekropoley Krasnoyarskogo gorodishcha v Astrakhanskoii oblasti [Elements of paganism in the funeral rites of the soil burial grounds "Mayachny-I-II" — the Golden Horde necropolises of the Krasnoyarsk settlement in the Astrakhan region]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya: Problemy, poiski, otkrytiya. Materialy III Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii* [Archeology of the Lower Volga region: Problems, searches, discoveries. Materials of the III International Archaeological Conference]. Astrakhan', 2010. S. 292–299 (in Russian).

Koten'kov S. A., Pilipenko S. A., Timofeyev A. A., Zhadayeva A. V. K voprosu o kitayskom vliyaniy na zhenskiye ukrasheniya zolotoordynskogo naseleniya Povolzh'ya (Po materialam gruntovykh mogil'nikov Mayachnyy Bugor 1–2) [On the issue of Chinese influence on the female jewelry of the Golden Horde population of the Volga region (According to the materials of the soil burial grounds Mayachny Bugor 1–2)]. *Azak i mir vokrug nego. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Azak and the world around him. Materials of the International scientific conference]. Azov, 2019. S. 110–115 (in Russian).

Kradin N. N., Ivlev A. L., Ochir A., Vasiutin S. A., Danilin S. V., Nikitin Iu. G., Erdenebold L. *Kidan'skii gorod Chintolgoi-balgas* [Kidan city Chintolgoi-Balgas]. Moscow : Vostochnaia literatura, 2011. 173 s. (in Russian).

Levashova V. P. Kostiane izdeliia iz Kara-Koruma. [Bone products from Kara-Korum]. *Drevnemongol'skie goroda* [Ancient Mongolian cities]. Moscow : Nauka, 1965. S. 308–315 (in Russian).

Nedashkovskii L. F. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga* [Golden Horde cities of the Lower Volga region and their districts]. Moscow, Vostochnaia literatura, 2010. 349 s. (in Russian).

Nedashkovskii L. F. Istoricheskie osobennosti zolotoordynskogo goroda. [Historical features of the Golden Horde city]. *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri*

Kazanskom universitete [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University]. 2018. no 38 (3–4). S. 97–116 (in Russian).

Nurzhanov A. A. Zubnaya shchetka iz gorodishcha Kastek [Toothbrush from the settlement of Kastek]. *VII Khalikovskiy chteniya: srednevekovyye arkheologicheskiye pamyatniki Povolzh'ya i Urala: Problemy issledovaniy, sokhraneniya i muzeyifikatsii. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Bilyarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [VII Khalikov Readings: Medieval Archaeological Sites of the Volga Region and the Urals: Problems of Research, Preservation and Museumification. Materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Bilyar archaeological expedition]. Kazan', 2017. S. 267–270 (in Russian).

Oborin Iu. V., Savosin S. L. *Kitaiskie bronzovye zerkala. Korpus sluchainykh nakhodok* [Chinese bronze mirrors. Corpus of chance finds]. Krasnoyarsk — Moscow, Elektronnoe izdanie, 2017. 527 s. (in Russian).

Orfinskaya O. V., Lantratova O. B. Zhenskiy kostyum zolotoordynskogo vremeni iz pogrebeniya mogil'nika Mayachnyy Bugor I (Astrakhanskaya oblast'.) [Women's costume of the Golden Horde period from the burial ground Mayachny Bugor I (Astrakhan region)]. *Problemy atributsii pamyatnikov dekorativno-prikladnogo iskusstva. Materialy I nauchno-prakticheskoy konferentsii (Chast' I)* [Problems of attribution of monuments of arts and crafts. Materials of the I scientific-practical conference. (Part I)]. Trudy GIM. Vol. 188. Moscow, 2011. S. 20–41 (in Russian).

Orfinskaya O. V., Golikov V. P., Lantratova O. B., Rudakov V. G. Tekstil' iz zakhroneniya zolotoordynskogo perioda na Mogil'nike Mayachnyy bugor-1' [Textiles from the burial of the Golden Horde period at the Mayachny Hillock burial-1]. *Gorod i step' v kontaktnoy yevro-aziatskoy zone. Materialy III mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora G. A. Fodorova-Davydova* [City and steppe in the contact Euro-Asian zone. Proceedings of the III International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of Professor G. A. Fedorov-Davydov]. Trudy GIM. Vol. 184. Moscow, 2013. S. 151–162.

Pal'tseva D. U., Shakirov Z. G., Khudiakov A. V. Kostyanye predmety byta srednevekovogo naseleniya Biliara [Bone household items of the medieval population of Bilyar]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture]. 2012. no 1 (27). S. 208–215 (in Russian).

Pal'tseva D. U., Burzhakov R. A., S'ianova O. A. Kostoreznoe proizvodstvo Nizhnego i Srednego Povolzh'ya na osnove analiza kostyanykh zagotovok i brakovannykh izdelii Biliara i Samosdel'skogo gorodishcha [Bone-cutting production of the Lower and Middle Volga region based on the analysis of bone blanks and defective products of Bilyar and Samosdelsky settlement]. *Kaspiiskii region: Politika, Ekonomika, Kul'tura* [Caspian region: Politics, Economy, Culture]. 2012. no 4. S. 20–27 (in Russian).

Panakhaliyeva D. U. Kostyanye izdeliya iz pogrebenii mogil'nika "Maiachnyy bugor" [Bone products from the burials of the Mayachny Hillock burial ground]. *Zolotoordynskoe nasledie. Sbornik statei* [Golden Horde heritage. Digest of articles]. Kazan : Fen, 2009. Vol 1. S. 501–504 (in Russian).

Pachkalov A. V. K voprosu o mestopolozhenii Starogo Saraia [On the question of the location of the Old Barn]. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* [Golden Horde civilization]. 2011. no 4. S. 41–43 (in Russian).

Pachkalov A. V. K voprosu ob imeni zolotoordynskogo goroda, nakhodivshegosya na meste Krasnoyarskogo gorodishcha v del'te Volgi [On the question of the name of the Golden Horde city, located on the site of the Krasnoyarsk settlement in the Volga delta]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya: Problemy, poiski, otkrytiya. Materialy III Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii* [Archeology of the Lower Volga region: Problems, searches, discoveries. Materials of the III International Archaeological Conference]. Astrakhan', 2010. S. 335–336 (in Russian).

Popov P. V. K voprosu o rasprostranении buddizma v Zolotoi Orde (po dannym arkheologicheskikh istochnikov). [On the issue of the spread of Buddhism in the Golden Horde (according to archaeological sources)]. *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoi Ordy. Sbornik nauchnykh statei pamiati V. P. Kostyukova* [Questions of the history and archeology of medieval nomads and the Golden Horde. Collection of scientific articles in memory of V. P. Kostyukov]. Astrakhan': Izdatel'skiy Dom "Astrakhanskii universitet", 2011. S. 130–145 (in Russian).

Fedorov-Davydov G. A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia* [Golden Horde cities of the Volga region]. Moscow : Izd-vo MGU, 1994. 229 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.04.2022.

Принята к публикации 28.07.2022.

Дата публикации 30.09.2022

УДК 94 (47) +297:908

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–04

А. П. Ярков

Тюменский государственный университет, Тюмень (Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «ИСЛАМСКИХ» ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Описываемый в статье регион — Сибирь и Северный Казахстан в контексте их культурно-религиозной целостности в период позднего Средневековья. Легенды и путевые заметки на фарси, немецком и арабском языках интересны по фактам, но не обладают обширной информацией о контактах местных жителей с традиционными зонами распространения мировой религии. Между тем уже с X в. появляются предметы экспорта с исламским «содержанием» на трассах северных ответвлений Великого шёлкового и Мехового путей как первый признак начавшегося диалога культур. В статье упомянуты наиболее «знаковые» предметы, а также оценены попытки их идентификации.

На основе привлечённых источников, которые подвергнуты критическому анализу, указывается некоторое количество памятников (относимых к исламским), а также особенности их изучения. Долгое время они не выделялись по типологии, а попадавшие в поле зрения археологов материалы исламского характера оставались сопутствующими и не отражали мировоззренческие взгляды их обладателей.

Среди объектов — поселения с доминирующим мусульманским (по прямым и косвенным данным) составом населения или значимыми приметами мусульманской культуры, включая захоронения по шариату как идентифицирующий признак. Разбираются и примеры ошибочных суждений.

Основная цель статьи — показать изменение научного подхода от случайных археологических находок к системным исследованиям, например, феномена астана. Это самобытное явление «сибирского ислама», который по сути своей синкретичен по характеру и не противоречит догматике мировой религии.

Ключевые слова: археологические исследования, Сибирь и Северный Казахстан, ислам.

Цитирование статьи:

Ярков А. П. Археологические исследования «исламских» памятников Северной Азии // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 51–69. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–04.

A. P. Yarkov

Tyumen State University, Tyumen (Russia)

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF ISLAMIC MONUMENTS IN SIBERIA

The region described in the article is Siberia and Northern Kazakhstan in the context of its cultural and religious integrity in the late Middle Ages.

Legends and travel notes in Farsi, German and Arabic are interesting in terms of facts, but do not have more extensive information about the contacts of local residents with the traditional zones of the spread of world religion. Meanwhile, since the tenth century, export items with Islamic “content” appear on the routes of the northern branches of the Great Silk Road and the Fur Road as the first sign of the dialogue of cultures that has begun. The most “significant” objects are mentioned in the article, as well as attempts to identify them.

Based on the sources involved, which are subjected to critical analysis, a number of monuments (attributed to Islamic), as well as the features of their study, are indicated. For a long time they were not distinguished by typology, and materials of an Islamic nature that fell into the field of view of archaeologists remained concomitant and did not reflect the worldview of their owners.

Among the described objects are settlements with a dominant Muslim (according to direct and indirect data) composition of the population or significant signs of Muslim culture, including Sharia burials as an identifying feature. Examples of erroneous judgments are also analyzed.

The main purpose of the article is to show the change in the scientific approach — from random archaeological finds to systematic studies, for example, of the astana phenomenon. This is an original phenomenon of “Siberian Islam”, which is essentially syncretic in nature and does not contradict the dogma of the world religion.

Key words: archaeological research, Siberia, Islam.

For citation:

Yarkov A. P. Archaeological research of Islamic monuments in Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 2. P. 51–69. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–04.

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета, Тюмень (Россия). **Адрес для контактов:** ayarkov@rambler.ru.

Yarkov Aleksandr, professor at Tyumen State University, Tyumen (Russia).

Contact address: ayarkov@rambler.ru.

Введение

Внимание к памятникам прошлого региона Сибири и Северного Казахстана отмечается лишь в XVII в., когда, увы, немало курганов уже было разграблено «бугровщиками». Тогда на местных рынках «курганное золото» продавалось ниже его номинальной стоимости.

Впервые научный подход к археологии утвердился при Петре I, отправившим в 1721 г. экспедицию Д. Г. Мессершмидта, имевшего обширные наставления по изучению региона. В то время тоболяк и «универсальный деятель» С. У. Ремезов (картограф, летописец, архитектор) поставил перед собой задачу — отметить на карте «древних чудских и кучювских жилья, мольбища и городища, крепости и курганы». Полностью задачу С. У. Ремезов не успел осуществить, но после его смерти «тропу» продолжили И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас. В поле их внимания попала и «татарская старина» в виде отдельных предметов, в совокупности с записанным фольклором и письменными источниками в арабской графике раскрывающими отдельные моменты «исламского бытия» и осуществившие их «привязку» к местности.

В поле зрения участников академических экспедиций попал весь огромный регион, который в тот момент именовали «вся Сибирь», подразумевая и приграничье со Степью. В составе экспедиции был художник И. Х. Бергхан (Беркхан), который раскопал захоронения между Ямышевской и Семипалатинской крепостями по заданию Г. Ф. Миллера (который сам изучал могильники в районе Усть-Каменогорской крепости). Он же зарисовал обнаруженные «бугровщиками» монеты, отнесённые современными учёными А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худяковым «ко времени распространения ислама у кочевых народов степного пояса Евразии, т. е. к периоду раннего средневековья» [Борисенко, Худяков, 2002: 29, 31].

Во второй половине XIX в. пробел в исследовании заполнил В. В. Радлов, который опубликовал ряд материалов, в том числе по своим раскопкам 1863 г., но в выводах был крайне категоричен [Radloff, 1893]. Г. И. Спасский, вероятно, был первым, кто на страницах периодической печати обобщил сведения о собранных «древностях», а с 1870-х гг. — публиковал сообщения о находках [Спасский, 1817: 9–22]. Они стали сенсациями.

Позже К. М. Голодников проводил раскопки вокруг Тобольска, а затем обнаружил результаты [Голодников, 1879]. Многие его современники ещё оставались в плену евроцентристского подхода, относя предметы прошлого к изделиям «варваров».

Появлялись и иные стимулы для интереса. Например, поэма «Сузге» П. П. Ершова натолкнула М. С. Знаменского (по мнению П. И. Рощевского) заняться раскопками, что художник и осуществил в 1878–1880-х гг. [Рощевский, 1954: 74]. В. М. Пигнатти опубликовал результаты работ на Искере и исследовал памятники Средневековья Барабинской степи [Пигнатти, 1915], хотя у современных учёных есть претензии к его методам.

В 1920–1950-х гг. В. П. Левашова своими работами «пролила свет» на историю поселений, в том числе Тон-Туры [Левашова, 1928].

Археологические исследования с середины XX в. памятников, связанных с бытованием ислама на территории Северной Азии, проходили в русле общих тенденций.

А 1970–1990-е гг. стали временем, когда усилилось внимание к этим объектам, например, А. Ф. Палашенкова [Палашенков, 1979: 95].

Как заметила О. Б. Беликова, плачевное состояние, в котором оказалось археологическое направление в 1990-е гг., стало благоприятным для введения в научный оборот материалов, накопленных ранее [Беликова, 2002: 22].

Опираясь на полевые материалы, В. И. Соболев сделал вывод, что «бывший золотоордынский правитель [Тохтамыш] и его окружение явились на первом этапе носителями идей ислама» [Соболев, 1994: 140–142].

В том же ключе размышляли в 1994 г. участники омской конференции, посвященной 600-летию принятия ислама в Сибири. Ныне это мнение скорректировано. Исходит оно из понимания, что исламизация — растянутый по времени процесс с учётом политического, этнического и географического факторов. Так, А. Г. Нестеров убеждён, что и позднее XIII в. «активных распространителей ислама среди тайбугидских правителей не нашлось» [Нестеров, 2002: 18], т. е. ислам ещё не стал ключевым фактором трансформации местного социума.

В. И. Соболев заметил: «Вопросу исламизации населения Западной Сибири в научной работе практически не уделялось внимания. В основном изучению подвергались проблемы традиционных религиозных обрядов и верований. Существующей ситуации есть вполне объективное объяснение — отсутствие в настоящее время широкой источниковой базы» [Соболев, 1994: 140]. Со времени издания монографии В. И. Соболева написано много работ, освещающих роль этой религии с XVI в. Но о многих этапах известно ещё мало. В этой связи С. Ф. Татауров и М. А. Корусенко указали: «... в настоящий момент круг источников по этой проблеме, прежде всего археологических, по-прежнему сильно ограничен и пока перспективы по его расширению достаточно проблематичны...» [Татауров, Корусенко, 2015: 799].

Западная Сибирь и Северный Казахстан находятся вдали от родины мировой религии. Это территория, простирающаяся на 2500 км — от Северного Ледовитого океана до сухих степей Казахстана, и на 1500 км — от гор Урала до Енисея. В контексте заявленного интереса выявим «эпицентр» — Обь-Иртышское междуречье, где имеются не только случайные или поднятые в раскопах предметы. Есть ещё городища, поселения, грунтовые могильники и мусульманские священные захоронения — астана¹.

Предметный ряд

Ислам был религией меньшинства населения на обширной территории, а его распространение происходило неравномерно. Свидетельства купцов фиксировались в хрониках и дорожниках. На их основе Абу-л-Хасан Али бен ал-Хусейн ал-Масуди, Абу Абдаллах бен Ахмад бен Абу Бакр ал-Банна ал-Мукадаси, Ахмед ибн Фадлан (X в.), Абу Хамид ал-Гарнати (XII в.) и другие, сами не бывавшие в Северной Азии, описывали её как чужую — в контексте общей истории и географии тюркского и исламского мира [Ярков, 2006: 148–152]. Но это лишь упоминания...

¹ В Северной Азии известно 80 астана, в Среднем Поволжье — более 200, а в Нижнем Поволжье — 40.

Первым же из выявленных исламских памятников является печатка — сердоликовый кабошон с гравировкой в виде зеркально прочитываемой надписи: «Ал-Хасан ибн Мухаммад». По стилю артефакт относят к IX–X вв. [Савинов, Новиков, Росляков, 2008: 277], однако это не даёт оснований говорить о повсеместном распространении в крае ислама и арабской письменности.

Надпись на фарси на кайраке на кладбище на реке Хемчик в Республике Тыва относится к 1194 г. Очевидно, там проходили торговые караваны. Но постоянно мусульмане на той территории не жили.

Признаем, что функции многих предметов, присущие им в мусульманском регионе, не совпадали с той, которую они затем выполняли в Северной Азии. В иных случаях они становились ценностью — в силу особых свойств или специфического пути получения в качестве дара. Так, в Прииртышье найдены серебряная чаша и зеркала с арабскими надписями, в том числе эпохи Аббасидов X–XI вв. [Бауло, 2002: 12–27; Савельев, 1852: 122, 164; Троицкая, Черноскотов, 1984: 128], подтверждающие, что торговые контакты — первый уровень межкультурной коммуникации. Они могли выполнять обрядово-ритуальную функцию в святилищах угорского и самодийского населения и даже быть органично «вплетёнными» в местные мифы и предания. Есть и предположение, что иные предметы создавались в Поволжье по заказу жителей севера Сибири [История Ямала, 2010: 190]. Уникален найденный на Ямале металлический складень, створки которого заполнены арабизированным орнаментом — попытка воспроизвести арабскую письменность мастерами, её не знающими.

Карта расположения кладов арабского серебра, составленная В. П. Даркевичем, показывает, что многие из них относятся к X–XIII вв. [Даркевич, 1976: 154]. Клад иранских вещей обнаружен на городище Лорвож, где среди болгарских вещей есть накладка на крышку шкатулки с характерной куфической надписью, содержащей классическую формулу: «Счастье и благословение, и удовольствие, и благополучие, и здравие, и щедрость, и благоденствие ... владельцу всего» [Сыркина, 1983: 184–185].

Артефактов с исламским контекстом известно по региону более ста. Фактором роста влияния могло быть и увеличение импорта, в частности зеркал XIV в. Среди них есть изделия с благожелательными арабскими надписями, изображениями говорящего «дерева Вак-вак», сфинксов или аль-бораков, растительным орнаментом [Маслюженко, Ханов: 2016: 69–75]. В окрестности Сургута обнаружен поднос (возможно, принадлежал хорезмшаху Исмаилу бен Алтунташу, правившему в 1035–1041 гг.) с надписью на арабском: «Благословение и власть эмиру, господину, царю справедливейшему, венцу религиозной общины и светочу народа хорезмшаху Абу Ибрахиму, другу повелителя правоверных, да простит его Аллах...»². Известны бутылка с указанием «Принадлежит старцу Абул Фадлу Сахату бен Али, да продлит Аллах существование его» и чаша с крышкой X–XI вв. [Сокровища, 1996: 20, 126, 132]. Найдено блюдо с надписями на арабском и в священном месте томских селькупов [Раскрыт..., 2014]. Поднос аналогичной формы приобретён до 1896 г. у хантов Берёзовского округа Тобольской губернии.

² Из описания: «...посредине рельефа вычеканена бляха, позолоченная. На буквах и на всех гравированных украшениях приметны следы выкрошившейся черни. На одном конце блюда пробиты два отверстия для привешивания» [ГАТО].

Вследствие малой пропускной способности транспортных путей, связывавших край с другими регионами распространения религии, количество предметов мало, а местные ассоциации с «исламскими образами» — единичны [Фёдорова, 2002: 331–333].

Раскопки свидетельствуют, что Искер — немногочисленный городок, но с развитой торговлей и ремеслами¹. Среди поставляемых сюда товаров можно отметить тафту. Из нее изготавливали чалмы и тюрбаны [Зияев, 1983: 12]. В женских украшениях — серьгах (сырга), браслетах (белязек), застёжках (каптырма), наконечниках (чулпы, тэнкэ), кольцах (балдак) и амулетах для вложенных выписок из Корана часто встречается узор в форме полумесяца. Все эти предметы могут быть отнесены как к импорту, так и к экспорту [Смирнова, 2004: 52–54; Суслова, 2002: 481; Холостых, 1995: 152–165].

В исследованной археологами Тонтуре — ставке мурзы Тарлава, наместника Кучума в Барабинской степи, среди прочего обнаружена и керамическая фигурка идола, свидетельствующая о сохранявшихся архаичных верованиях населения, только формально ставших мусульманами [Соболев, 1990; Молодин, Новиков, 1998].

Денежное обращение

Появление многих предметов говорит о росте внешнеэкономических связей региона и укреплении торговли. Большое значение при этом имел образ правителя, который «по справедливости» регулировал отношения между подданными, гарантировал мир с соседями и т. д. Этим объясняется наличие имени правителя (чья деятельность осенена именем Аллаха) в даньга и пулах, при крайне «зыбких» указаниях на адрес ставки. Известна находка Ю. А. Аргентовским монеты на Могилевских дюнах на берегу Исети (Курганская область). Легенда монеты восстановлена А. Г. Нестеровым, прочитавшим на её аверсе: «Султан верховный Ибрахим хан» или «Султан Ибрахим хан». Позже Р. Ю. Рева обнаружил не только новые монеты этого тюменского правителя, но и его отца Махмуда и деда Хаджи-Мухаммада [Аргентовский, 1912: 39–40; Бустанов, 2009: 56–66; Нестеров, 1990: 29–30; Пономарев, 2014: 128–162; Рева, 2013: 56–58].

Находки серебряных слитков и золотоордынских монет немногочисленны. Сомнительно и указанное С. А. Чернышовым: «...денежное обращение ханства сильно зависело от бухарских торговых домов» [Чернышов, 2017, 101]. Достоверность сибирского чекана сомнительна [Бустанов, 2009, 56–66; Ислам 2007: 264–266; Пачкалов, 2011: 39–41]. А. А. Адамов даже предположил, что в Искере могли использоваться (накануне присоединения Сибири) и русские деньги [Адамов, 2010: 45]. Эквивалентом денег выступали и ткани, необходимые для ритуальных целей. Принцип «обмен вещей — обмен идей» вполне удовлетворял жителей. Это стало основой для контактов с соседями и в дальнейшем [Шерстова, 2005: 30].

Погребения

Соотношение принявших / не принявших ислам (аналог «безмолвствующего большинства» Западной Европы) может быть уточнено по следующей обязательной обрядовости, прежде всего похоронной (это одна из трёх реперных точек идентификации,

¹ Во время раскопок обнаружено более 50 видов изделий ремесленников.

совершаемых по рождению; брачные; по смерти). При этом даже их анализ ещё не является свидетельством завершённости процесса, который был невозможен без формирования уммы и соблюдения традиций её членами².

Наиболее ранний объект обнаружен в урочище Саадак-Терек (на территории Республика Тыва). Впервые о «мусульманской могиле» сообщил С. Р. Минцлов³. Затем памятник обследовали С. А. Теплоухов и Л. Р. Кызласов. Сопоставив со средневековыми письменными источниками, Л. Р. Кызласов пришёл к выводу, что здесь в XIII–XIV вв. могла существовать фактория. Заметим, что лишь в 1991 г. там обнаружен кайрак (намогильный памятник с надписью в арабской грамоте) «Умара бен Мухаммада бен Али ал-Балхи — местного имама и смотрителя за могилой „святого“ сайида Рашид ад-Дина». Надпись выполнена на фарси и датирована джумада ал-ахира 590 года хиджры (май-июнь 1194 г.) [Кызласов, 1963: 203–210; Тува, 2006]. Памятник оказался на северном ответвлении Шёлкового пути, связавшего Восточную Сибирь со Средней Азией.

Примечательно также исследование комплекса «Подгорное». Оно даёт основание для утверждения, что захоронения совершены по мусульманскому обряду [Илюшин, 2002: 52]. Однако ориентация на юго-запад всех трупоположений на спине с втянутыми вдоль тела руками в грунтовых (не курганных могильниках) не всегда связана с исламом⁴.

Г. Н. Гарустович насчитал четыре грунтовых могильника XII–XIV вв.: Замараевский, Верхне-Спасский, Перегон, Большеказакбаевский 2. Отсутствие там курганных насыпей, индивидуальные погребения в позе вытянуто, неглубокие простые ямы, преимущественная ориентация умерших лицом к кыбле, практически полное отсутствие инвентаря [Гарустович, 2016, 62–65; Костюков, 2006: 445]. Для Барабинской степи характерны подкурганные захоронения с ориентацией погребённого на юго-запад или северо-запад, но с инвентарём. А вот на втором этапе уже можно увидеть сооружение подбоя [Троицкая, Соболев, 1978: 42].

Зафиксированы мусульманские погребения в Тарском Прииртышье, где прошли последние сражения Кучума [Матвеев, Татауров, 2012: 172–173; Татауров, 2005: 212]. По результатам раскопок Красноярского могильника Е. М. Данченко и М. А. Грачёв выделили несколько групп захоронений.

Мало информативна «глубина могил» в заболоченной части Сибири. Более-менее точные материалы о комплексе мировоззренческих представлений местных мусульман зафиксированы учёными лишь в XVIII в.

Черты ислама проявлялись в таких памятниках, как «ханское кладбище» возле Искера, могильник у с. Гжатск в Новосибирской области и курганы на первом Киргизском кладбище (в Омской области), которые могут относиться к XV–XVI вв. [Соболев, 2008: 290]. «Исследователь в археологической практике имеет в качестве изучаемого объекта не то погребение, которое было совершено когда-то, а лишь некоторое количество

² Некоторые итоги дискуссии по этому вопросу подведены, см.: [Татауров, Корусенко, 2015, 798–807].

³ Посланный туда именно под видом археолога летом 1914 г.

⁴ Присутствуют на Пахомовском могильнике в Приишимье, Пылаевском могильнике, погребениях Барабинской лесостепи (Преображенка 3, Венгерова VII, Чулым 2), на памятниках Среднего Енисея, в окрестностях Омска [Бараба, 1988; Генинг, Овчинникова, 1969: 131, 138; Могильников, 1987: 170; Савинов, Новиков, Росляков, 2008: 35] и др.

материальных остатков, организованных определённым образом и являющихся изменённой частью этой системы» [Леонова, Смирнов, 1977: 23].

Архитектура

Ибн Баттута в 1330-е гг. говорил о мечетях, суфийских завийя (скитах) [Исхаков, 2011: 59], но это не касалось Северной Азии. Ко времени Узбека относятся территориально близкие Варненский и Троицкий мавзолеи (на территории Челябинской области)¹. Те сооружения из обожжённого кирпича в традициях Средней Азии были семейными или индивидуальными усыпальницами элиты, принявшей ислам. Это свидетели переходного времени. Так, в погребениях Варненского мавзолея есть несколько вещей, что противоречит шариату [Гарустович, 2014: 96–109].

Местные жители стали устраивать городки, используя заимствованные технологии. Об этом свидетельствуют не только археологические находки, но и прозвище «туралинды», т. е. «городские», которое дали сибирякам их соседи — башкиры и ханты. По мнению ряда учёных, самый известный город — Искер возник поздно (А. П. Зыков писал, что находки датируются XIV–XVI вв. [Зыков, 2015: 18–33]). Рукопись «Асли нэсли Сала аулынынг» утверждает, что основание Искера имеет миграционно-политическую причину — 500 пришельцев из Бухары.

А. А. Адамов, изучив материал Искера, пришёл к мнению об его многослойности, в том числе и слоях с предметами потчевашской и нижнеобской культур VIII–XII вв. [Адамов, 2016: 7].

Г. Ф. Миллер полагал, что ставка в Искере, в которой «кроме хана и его фамилии и служителей немногим другим знатым татарам жить можно было» [Миллер, 1750: 134], составляла 100 м (50 сажений) в диаметре, а И. В. Белич рассчитал площадь цитадели в 1,9 га [Белич, 2010: 80]. Миллер предположил, что строились там объекты из дерева или, «по бухарскому обыкновению ... из необожжённых кирпичей», «поэтому от них не осталось никаких следов». Возможно, что строительным материалом являлся дёрн, а в «столбовой технике возводили почти все постройки, варьировался лишь материал стен и кровли» [Красота, 2009: 165; Томилов, 2004: 25].

В Искере (как столице) должна была стоять мечеть. В. И. Соболев, опираясь на материалы 1915 г. и «нахождения осевшего глинобитного свода, поставленного на сгнившие ныне балки высотой приблизительно аршина два ... и двух ям, диаметром выше сажени каждая, с лазом между собой», выход из которых вёл к осыпавшемуся берегу Иртыша, усматривал в том подтверждение существования культового сооружения [Пигнатти, 2015: 13; Соболев, 1994]. Реально подтвердить это сложно. Хотя, руководствуясь теми же данными, В. Н. Пигнатти и А. Г. Нестеров связали остатки осевшего глинобитного свода с развалинами мавзолея шейха Айкани, хотя точных свидетельств об этом нет.

Описанные артефакты не могут однозначно утверждать, однако существование мечети в Искере не вызывает сомнений. Косвенным подтверждением служит рисунок

¹ Датировка этих мавзолеев (кесене) построена на археологических методах. При исследовании Варненского мавзолея определяется период XIV–XVI вв.

с изображением мечети в Кызыл-Туре (помещённый в Ремезовской летописи [Миллер, 1937: 176]), а также остатки здания, обнаруженные Г. Ф. Миллером в Каурдацком остроге [Элерт, 1990: 118]. Следы построек С. У. Ремезов перечислил: «на реке Сары-су — мечать без собственного имени», там же «мечать Булганана» и «мечать Талмасата», а на Иртыше — «мечать урочища Кабал-гасун». Однако мечетями могли считать здания нерелигиозного характера, о чём говорил и Г. Ф. Миллер [Кызласов, 2006: 71, 87].

Кроме столичных Искера и Цынги (Чимги) — Туры, в русских (сибирских) летописях указано более 15 городков. Они располагались при устьях рек, впадающих в Иртыш и Тобол: Кызыл-Тура — при впадении Ишима в Иртыш, Княжев городок на Иртыше, Тон-Тура на р. Оми, «заставный Кучумов городок» выше устья Тавды, городок Бегиша на Иртыше, Агитский городок — на Вагае. Кроме того, летописи называют Явлу-Тура, Тархан-кала, Бицик-Тура, Карачин городок, происхождение которых «теряется в веках».

Внешние признаки городков включали выделенные пространственно двор правителя и места расселения жителей, торговые и культовые центры, административно-управленческие сооружения. Все городки обычно располагались на нагорных, возвышенных берегах рек, доминируя в пространстве. Чаще всего это высокий мыс, образованный оврагами или ущельями. В долинах же городки укреплялись рядами ровов с валами, а по скату внутри рва и вокруг устраивался частокол из брёвен с воротами, где через ров перекидывался мост. Площади невелики — от 500 до 7000 м². Эти показатели не могут быть определяющими для функции поселения. Чаще там находились лишь ставки. Но все городки отражают первые шаги по формированию урбанистической культуры, «взращённой» исламской цивилизацией.

Астана

Поскольку ислам не требует «храмовых комплексов», а местом отправления культа мог быть и коврик одинокого путешественника, то облик намогильных сооружений или их полное отсутствие — это лишь специфика региона. Астана — самые многочисленные из «исламских» археологических объектов в Сибири. Одновременно они относятся по классификации к памятникам этнической истории. Это реальные или мифические захоронения авлия (эулия / аулиялар / авлиялар / анбийалар / йахшилар / хайбиреннер / анбийалар, астаналар / астаналар йаткан / изгелер)² — подвижников ислама.

Астана различимы у верующих по степени их значимости, но, по преданиям, все они связаны с «религиозной войной» 1394/1395 гг. Дата ныне признана условной. А астана и авлия связаны с легендой о 366 шейхах и 1700 воинов, прибывших на берега Иртыша.

Сам сюжет о «религиозной войне» и погребённых миссионерах / воинах, даже судя по интерпретации в преданиях, — единственный в истории края, когда ислам пытались навязать силой оружия, а не убеждения. Война, якобы, закончилась гибелью большинства шейхов. Только мирным путём и много позже ислам удалось внедрить, обогатив его местными традициями. Это признано устами автора «Грамоты хранителя Юрумской астана» (сопутствующая рукопись): «В Тобольском юрте мазхаб особый...».

² Трактуются как приближенный, «друг Аллаха», «святой», погибший за веру. Сами образы авлия восходят к обрядовой практике суфизма (включая также культ астана, чудодейственных реликвий и символов) и оказались близки к традициям шаманизма, являясь особенностью адатного ислама.

Огромные пространства и дисперсность населения, давление прежних верований усложнили процесс вхождения региона в «объятия» мировой религии, однако в то же время определили «лицо сибирского ислама», являющегося лишь вариантом исповедания.

Сами астана «...со временем стали ключевыми точками сакрального мусульманского ландшафта» [Татауров, Корусенко, 2015: 802]. Важно определить «стыковые» образы и памятники. Таким, полагаем, является Цынгалинская астана, расположенная на юге Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Это одновременно святилище хантов и объект почитания татар — мусульман.

Астана по этническим соображениям не подлежат раскопкам. Любая графическая реконструкция этих сооружений условна. Однако иные исследователи сходятся во мнении, что они являются рудиментами среднеазиатского зодчества.

Примеры об уважительном отношении к астана разноплеменного населения позволяет утверждать — ислам, адаптируясь к региональным особенностям, не содержит «конфликтного» элемента, а служит фактором диалога культур.

Заключение

Выделение «исламских» памятников в археологии не принято. Между тем объём накопленных знаний позволяет ответить на вопросы о региональных особенностях этой религии. Расширения представления об «исламских страницах» в истории Северной Азии — это не стремление усилить роль религии в современной жизни. Важнее показать весь диапазон культурных трансформаций в прошлом — для учёта этого фактора в просвещении общества.

Сценарии дальнейшего развития уммы могут быть разными. В случае, если не будут найдены пути разрешения проблем, то по мнению П. Хэммонда, это грозит превращением того или иного региона в «Дар-аль-ислам» («дом», «земля ислама»), где, якобы, «наступит полный мир», поскольку все станут мусульманами, а Коран — единственным писанием и руководством к действию. История ислама свидетельствует о невозможности «простого» решения сложных вопросов бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамов А. А. Проблемы в изучении тюркских памятников Тобольского Прииртышья // Историко-культурное наследие татар и сибирских татар Тюменской области : материалы научно-практической конференции. Тюмень, 2017. С. 5–9.

Адамов А. А. Традиционная культура сибирских татар в Сибирском ханстве // Искер — столица Сибирского ханства. Казань, 2010. С. 38–44.

Адамов А. А. Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 15–20.

Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.

Аргентовский Ю. А. Археологические находки в днах близ деревни Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1912. Т. XXXI, вып. 1. С. 39–40.

Бараба в тюркское время [коллективная монография] / отв. ред. Е. И. Дервянко. Новосибирск, 1988. 176 с.

Басилов В. Н., Кармышева Дж. Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М., 1997. 161 с.

Бауло А. В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2002. С. 12–27.

Беликова О. Б. Проблема источников для реконструкции истории Таёжного Причумылья X–XVII вв. // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 20–23.

Белич И. В. Чертеж «Кучумово городище» на «Старой Сибири» из «Хорографической книги» С. У. Ремезова // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сборник научных трудов: [в 3 ч.]. Омск, 2010. Ч. 1. С. 78–84.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири И. В. Люрсеином // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 28–31.

Бронникова О. М. Этнические процессы у казахов Западной Сибири в 1970–1980-е гг. // Народы Сибири и сопредельных территорий : сборник научных статей. Томск, 1995. С. 159–168.

Бустанов А. К. Денежное обращение в Сибирском улусе // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 56–66.

Гарустович Г. Н. К вопросу об этнической ситуации в лесостепном Зауралье в начале II тысячелетия н. э. // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: материалы межрегионального круглого стола / под ред. Д. Н. Маслюженко, И. К. Новикова. Курган, 2016. С. 62–65.

Гарустович Г. Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 96–109.

Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б. Пахомовский могильник // Вопросы археологии Урала (ВАУ). Вып. 8. 1969. С. 128–137.

Голодников К. Заслуживают ли, и в какой степени заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и Тобольске в особенности. Тобольск, 1879. 26 с.

Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1731. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. // Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976. 199 с.

Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент, 1983. 171 с.

Зыков А. П. Итоги раскопок 1988 и 1993 гг. городища Искер // Сибирский сборник. Вып. 3. Курган, 2015. С. 18–33.

Илюшин А. М. Кузнецкие татары по историко-этнографическим и археологическим источникам // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 50–53.

Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. Т. 1: Источники и историография / под общ. ред. А. П. Яркова. Тюмень, 2007. 324 с.

История Ямала [в 2 т.]. Т. 1. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы / под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург, 2010. 324 с.

Исхаков Д. М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011. 28 с.

Костюков В. П. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н. э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 442–446.

Красота П. А. К вопросу о сохранности традиционных черт в усадебном комплексе тарских татар // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы) : материалы XLIX региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Кемерово, 2009. С. 163–165.

Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М., 2006. 293 с.

Кызласов Л. Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве // Советская археология. 1963. № 2. С. 203–210.

Левашова В. П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея в 1926–1927 гг. // Известия государственного Западно-Сибирского музея. 1928. № 1.

Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А. Погребение как объект формального анализа // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 148. М., 1977. С. 20–25.

Маслюженко Д. Н., Ханов С. А. Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: материалы межрегионального круглого стола / под ред. Д. Н. Маслюженко, И. К. Новикова. Курган, 2016. С. 69–75.

Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории: монография. Казань, 2012. 260 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири: [в 2 т.]. Т. 1. М.; Л., 1937. 608 с.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел: от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1 / сочинено Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором Университета Академии наук и Социетета аглинского членом. СПб., 1750. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000635062> (время обращения: 04.04.2022).

Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 168–173.

Молодин В. И., Новиков А. В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области // Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 1998. Вып. 3. 139 с.

Нестеров А. Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 16–21.

Нестеров А. Г. Монеты Ибрагим хана // Уральский следопыт. 1990. № 12. С. 29–30.

Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

Пачкалов А. В. Новые находки средневековых мусульманских монет в Сибири и на Урале // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы Международной конференции. Курган, 2011. С. 39–41.

Пигнагги В. М. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского государственного музея (ЕТГМ). Вып. 25. Тобольск, 1915.

Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки // Золотоордынское обозрение. 2014. No. 1. С. 128–162.

Рева Р. Ю. Монеты Шибанидов XV века // Тезисы XVII Всероссийской нумизматической конференции. М., 2013. С. 56–58.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура) / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск, 2008. 424 с.

Соболев В. И. Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н. э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1990.

Соболев В. И. Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура: материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI в. (к 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994. С. 140–142.

Смирнова Е. Ю. Отражение исламской культурной модели в одежде татар Западной Сибири 18–20 вв. // Народное искусство Сибири: прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2004. С. 52–54.

Сокровища Приобья / отв. ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. СПб., 1996. 228 с.

Спаский Г. О сибирских курганах // Сын Отечества. 1817. Ч. 41. № 39. С. 9–22.

Суслова С. В. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений в фондах ТГИ-АМЗ: опыт ист.-генетического анализа // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 479–482.

Сыркина И. А. Клад с городища Лорвож (XII в.) // Советская археология. 1983. № 4. С. 184–188.

Раскроют ли мусульмане древнюю тайну селькупов? // Истина. 2014. июнь.

Рощевский П. И. Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский. Тюмень, 1954. 145 с.

Татауров С. Ф. Тунус — последний город Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий // Материалы XIII Западносибирской археолого-этнографической конференции к 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова. Томск, 2005. С. 210–213.

Татауров С. Ф., Корусенко М. А. История ислама в Западной Сибири: междисциплинарный подход к хронологии и периодизации // Былые годы. 2015. Т. 38. Ч. 4. С. 789–804.

Тихонов С. С. Археологические памятники XVII–XVIII вв. в устье р. Бергамака // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 106–110.

Томилов Н. А. Поселения сибирских татар в трудах ученых и путешественников конца XVI–XIX вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 8. Омск, 2004. С. 23–28.

Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. Новосибирск, 1992. 271 с.

Троицкая Т. Н., Соболев В. И. Памятники железного века и позднего средневековья // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978.

Троицкая Т. Н., Черноскутов Е. М. К вопросу о связях Новосибирского Приобья со Средней Азией в конце I тыс. н. э. // Западная Сибирь в эпоху средневековья : сборник статей / отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск, 1984. С. 124–129.

Тува: словарь культуры / автор-сост. С. В. Маркус. М., 2006. 832 с.

Фёдорова Н. В. Серебро Волжской Болгарии (по материалам Зауральских коллекций) // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2002. С. 331–333.

Холостых Г. В. Украшения XVI–XVII вв. в археологии Западной Европы как источник по истории русской торговли // Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири. Омск, 1995. С. 152–165.

Чернышов С. А. Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017.

Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. 312 с.

Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. 246 с.

Ярков А. П. Об арабо-, тюрко-, фарсоязычных источниках по распространению ислама и о династиях правителей Западной Сибири // Сулеймановские чтения — 2006 : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2006. С. 148–152.

Radloff V. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig, 1893.

REFERENCES

Adamov A. A. Problemy v izuchenii tyurkskikh pamyatnikov Tobol'skogo Priirtysh'ya [Problems in the study of Turkic monuments of the Tobolsk Region]. *Istoriko-kul'turnoye naslediyе tatar i sibirskikh tatar Tyumenskoy oblasti: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tyumen'. 2017. S. 5–9 (in Russian).

Adamov A. A. Traditsionnaya kul'tura sibirskikh tatar v Sibirskom khanstve [Traditional culture of siberian tatars in the Siberian Khanate]. *Isker — stolitsa Sibirskogo khanstva*. Kazan', 2010. S. 38–44 (in Russian).

Adamov A. A. Tyurkskiye drevnosti Novosibirskogo Priob'ya [Turkic antiquities of the Novosibirsk Priobye]. *Tyurkskiye narody: materialy V Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri"*. Tobol'sk ; Omsk, 2002. S. 15–20 (in Russian).

Adamov A. A., Balyunov I. V., Danilov P. G. Gorod Tobol'sk. *Arkheologicheskiy ocherk* [Gorod Tobolsk. Archaeological essay]. Tobol'sk, 2008. 114 s. (in Russian).

Argentovskiy YU. A. Arkheologicheskiye nakhodki v dyunakh bliz derevni Mogilevoy Kondinskoy volosti Shadrinskogo uyezda [Archaeological finds in the dunes near the village of Mogileva, Kondinsky volost, Shadrinsk district]. *Zapiski Ural'skogo ob-va lyubiteley yestestvoznaniya*. Yekaterinburg, 1912. T. XXXI. Vyp. 1. S. 39–40 (in Russian).

Baraba v tyurkskoye vremya [Baraba in Turkic Times]. Otvetstvennyy redaktor Ye. I. Derevyanko. Novosibirsk, 1988. 176 s. (in Russian).

Basilov V. N. *Karmysheva Dzh. Kh. Islam u kazakhov (do 1917 g.)* [Islam among the Kazakhs (until 1917)]. M., 1997. 161 s. (in Russian).

Baulo A. V. Iranskiye i sredneaziatskiye sosudy v obryadakh obskikh ugrov [Iranian and Central Asian vessels in the rites of the Ob Ugrians]. *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeystviya narodov Sibiri*. Novosibirsk, 2002. S. 12–27 (in Russian).

Belikova O. B. Problema istochnikov dlya rekonstruktsii istorii Tayozhnogo Prichulym'ya X–XVII vv. [The problem of sources for the reconstruction of the history of The Taiga Prichulymye X–XVII centuries]. *Tyurkskiye narody: materialy V sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri"*. Tobol'sk ; Omsk, 2002. S. 20–23 (in Russian).

Belich I. V. Chertezh "Kuchumovo gorodishche" na "Staroy Sibiri" iz "Khorograficheskoy knigi" S. U. Remezova [Drawing "Kuchumovo gorodishche" on "Old Siberia" from the "Chorographic Book" by S. U. Remezov]. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya: sbornik nauchnykh trudov: [v 3 ch.]*. CH. 1. Omsk, 2010. S. 78–84 (in Russian).

Borisenko A. YU., Khudyakov YU. S. Izucheniye drevnostey Yuzhnoy Sibiri I. V. Lyurseniusom [Study of antiquities of Southern Siberia by I. V. Lyursenius]. *Tyurkskiye narody: materialy V sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri"*. Tobol'sk ; Omsk, 2002. S. 28–31 (in Russian).

Bronnikova O. M. Etnicheskiye protsessy u kazakhov Zapadnoy Sibiri v 1970–1980-ye gg. [Ethnic processes in the Kazakhs of Western Siberia in 1970–1980-e gg.]. *Narody Sibiri i sopedel'nykh territoriy: mezhvedomstvennogo sbornika nauchnykh statey*. Tomsk, 1995. S. 159–168 (in Russian).

Bustanov A. K. Denezhnoye obrashcheniye v Sibirskom uluse [Money circulation in Sibirskoe ulus]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 2007–2008: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopedel'nykh stran*. M., 2009. S. 56–66 (in Russian).

Garustovich G. N. K voprosu ob etnicheskoy situatsii v lesostepnom Zaural'ye v nachale II tysyacheletiya n. e. [To the Question of the Ethnic Situation in the Forest-Steppe Trans-Urals at the Beginning of the II Millennium AD]. *Arkheologiya Srednego Pritobol'ya i sopedel'nykh territoriy: materialy mezhtregional'nogo kruglogo stola / pod redaktsiyey D. N. Maslyuzhenko, I. K. Novikova*. Kurgan, 2016. S. 62–65 (in Russian).

Garustovich G. N. "The theory of mausoleums" or regional features of the cult memorial architecture of the Ural-Volga region of the Golden Horde era (historical and ethnographic aspects of the problem) ["Theory of mausoleums" or regional features of the cult memorial architecture of the Ural-Volga region of the Golden Horde epoch (historical and ethnographic aspects of the problem)]. *Golden Horde Review*. 2014. No. 2 (4). S. 96–109 (in Russian).

Gening V. F., Ovchinnikova B. B. Pakhomovsky burial ground [Pakhomovskiy mogilnik]. *Questions of archeology of the Urals (VAU)*. Issue. 8. 1969. S. 128–137 (in Russian).

Golodnikov K. *Zasluzhivayut li, i v kakoy stepeni zaslushivayut nauchnogo issledovaniya sibirskiyе kurgany voobshche i Tobol'ske v osobennosti* [Whether and to what extent Siberian kurgans in general and Tobolsk in particular deserve scientific research]. Tobolsk, 1879. 26 s. (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Tyumenskoy oblasti [State archive of the Tyumen region (GATO)]. F. 1731. Op. 1. D. 17. L. 4 (in Russian).

Darkevich V. P. *Khudozhestvennyi metal Vostoka VIII–XIII vv.* [Artistic metal of the East VIII–XIII centuries. Works of Eastern toreutics on the territory of the European part of the USSR and the Trans-Urals]. M., 1976. 199 s. (in Russian).

Ziyayev KH. Z. *Ekonomicheskiye svyazi Sredney Azii s Sibir'yu v XVI–XIX vv.* [Economic relations of Central Asia with Siberia in the XVI–XIXth centuries]. Tashkent, 1983. 171 s. (in Russian).

Zykov A. P. Itogi raskopok 1988 i 1993 gg. gorodishcha Isker [Results of excavations in 1988 and 1993 settlements of Isker]. *Sibirskiy sbornik*. Vyp. 3. Kurgan, 2015. S. 18–33 (in Russian).

Ilyushin A. M. Kuznetskiye tatory po istoriko-etnograficheskim i arkheologicheskim istochnikam [Kuznetsk Tatars according to historical, ethnographic and archaeological sources]. *Tyurkskiye narody: materialy V Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri"*. Tobol'sk ; Omsk, 2002. S. 50–53 (in Russian).

Islam na krayu sveta [Islam at the end of the world]: [v 3 t.]. T. 1: *istochniki i istoriografiya / pod obshchey redaktsiyey A. P. Yarkova*. Tyumen', 2007. 324 s. (in Russian).

Istoriya Yamala [v 2 t.]. T. 1. Kn. 1. [History Yamala]. Drevniye kul'tury i korennyye narody. Yekaterinburg / pod obshchey redaktsiyey V. V. Alekseyeva. Yekaterinburg, 2010. 324 s. (in Russian).

Iskhakov D. M. *Institut seygidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [Institute of seyuids in the Ulus of Jochi and the late Golden Horde Turko-Tatar states]. Kazan', 2011. 28 s. (in Russian).

Kostyukov V. P. Kul'turnyye transformatsii v uralo-kazakhstanskoy stepi v pervoy polovine II tys. n. e. [Cultural transformations in the Ural-Kazakh steppe in the first half of the II thousand n. e.]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)*. Chelyabinsk, 2006. S. 442–446 (in Russian).

Krasota P. A. K voprosu o sokhrannosti traditsionnykh chert v usadbnom komplekse tarskikh tatar [To the question of the preservation of traditional features in the estate complex of the Tar Tatar Tatars]. *Arkheologiya i etnografiya Aziatskoy chasti Rossii (novyye materialy, gipotezy, problemy i metody): mat. XLIX region. arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Kemerovo, 2009. S. 163–165 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoy i Severnoy Azii: istoricheskiye i arkheologicheskiye issledovaniya* [Urban civilization of Central and North Asia: historical and archaeological research]. M., 2006. 293 s. (in Russian).

Kyzlasov L. R. Pamyatnik musul'manskogo srednevekov'ya v Tuve [Monument of the Muslim Middle Ages in Tuva]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1963. № 2. S. 203–210 (in Russian).

Levashova V. P. Predvaritel'noye soobshcheniye ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Zapadno-Sibirskogo muzeya v 1926–1927 gg. [Preliminary report on archaeological research of the West-Siberian Museum in 1926–1927]. *Izvestiya Gosudarstvennogo Zapadno-Sibirskogo muzeya*. 1928. No. 1 (in Russian).

Leonova N. B., Smirnov YU. A. Pogrebeniye kak ob'yekt formal'nogo analiza [Burial as an object of formal analysis]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. Vyp. 148. M., 1977. S. 20–25 (in Russian).

Maslyuzhenko D. N., Khanov S. A. Zerkala mongol'skogo i zolotoordynskogo vremeni s territorii lesostepnogo Pritobol'ya [Mirrors of the Mongolian and Golden Horde times from the territory of the forest-steppe of the Tobol region]. *Arkheologiya Srednego Pritobol'ya i sopredel'nykh territoriy: mat. mezhregional'nogo kruglogo stola / pod redaktsiyey D. N. Maslyuzhenko, I. K. Novikova*. Kurgan, 2016. S. 69–75 (in Russian).

Matveyev A. V., Tataurov S. F. *Sibirskoye khanstvo: voyenno-politicheskiye aspekty istorii: monografiya* [Sibirskoe khanstvo: military-political aspects of history: monograph.]. Kazan', 2012. 260 s. (in Russian).

Miller G. F. *Istoriya Sibiri*: [v 2 t.]. T. 1. [History Sibiri]. M. ; L., 1937. 608 s. (in Russian).

Miller G. F. *Opisaniye Sibirskogo tsarstva i vsekh proizshedshikh v nem del: ot nachala a osoblivo ot pokoreniya yego Rossiyskoy derzhave po sii vremena*. Kn. 1 / sochineno Gerardom Friderikom Millerom, istoriografom i professorom Universiteta Akademii nauk i Sotsiyeteta aglinskago chlenom [Description of the Siberian kingdom and all the affairs that took place in it: from the beginning and especially from the conquest of it by the Russian state to this day]. SPb., 1750. — URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000635062> (vremya obrashcheniya 04.04.2022) (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri [Ugrians and Samoyeds of the Urals and Western Siberia]. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya*. M., 1987. S. 168–173 (in Russian).

Molodin V. I., Novikov A. V. Arkheologicheskiye pamyatniki Vengerovskogo rayona Novosibirskoy oblasti [Archaeological monuments of the Vengerovsky district of the Novosibirsk region]. *Materialy "Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii"*. Novosibirsk, 1998. Vyp. 3. 139 s. (in Russian).

Nesterov A. G. Iskerskoye knyazhestvo Taybugidov (XV–XVI vv.) [The Isker Principality of the Taibugids (XV–XVI centuries)]. *Sibirskiy tatarskiy*. Kazan', 2002. S. 6–21 (in Russian).

Nesterov A. G. Monety Ibragim khana [Coins of Ibrahim Khan]. *Ural'skiy sledopyt*. 1990. No. 12. S. 29–30 (in Russian).

Palashenkov A. F. Materialy k arkheologicheskoy karte Omskoy oblasti [Materials for the archaeological map of the Omsk region]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sibiri*. Tomsk, 1979 (in Russian).

Pachkalov A. V. Novyye nakhodki srednevekovykh musul'manskikh monet v Sibiri i na Urale [New Finds of Medieval Muslim Coins in Siberia and the Urals]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii*. Kurgan, 2011. S. 39–41 (in Russian).

Pignatti V. M. Isker (Kuchumovo gorodishche) [Isker (Kuchumovo settlement)]. *Yezhegodnik Tobol'skogo gosudarstvennogo muzeya (YETGM)*. Tobol'sk, 1915. Vyp. 25 (in Russian).

Ponomarev A. L. Ibragim, syn Makhmudeka: vkhozheniye vo vlast' i koshel'ki [Ibrahim, son of Mahmudek: entry into power and wallets]. *Zolotoordynskoye obozreniye*. 2014. No. 1. S. 128–162 (in Russian).

Reva R. YU. Monety Shibanidov XV veka [Coins of the Shibanids of the XVth century]. *Tezisy XVII Vserossiyskoy numizmaticheskoy konferentsii*. M., 2013. S. 56–58 (in Russian).

Savinov D. G., Novikov A. V., Roslyakov S. G. *Verkhneye Priob'ye na rubezhe epokh (Basandayskaya kul'tura) / otv. red. V. I. Molodin* [Upper Ob at the turn of the epochs (Basandai culture)]. Novosibirsk, 2008. 424 s. (in Russian).

Sobolev V.I. Voznesenskoye gorodishche — pamyatnik serediny II tys. n. e. [Voznesenskoye hill fort — a monument of the middle of the II millennium n. e.]. *Drevniye kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri*. Novosibirsk, 1990 (in Russian).

Sobolev V.I. Rasprostraneniye islama v Sibiri [The Spread of Islam in Siberia]. *Islam, obshchestvo i kul'tura: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Islamskaya tsivilizatsiya v preddverii XXI v. (K 600-letiyu islama v Sibiri)"*. Omsk, 1994. S. 140–142 (in Russian).

Smirnova Ye. YU. Otrazheniye islamskoy kul'turnoy modeli v odezhde tatar Zapadnoy Sibiri 18–20 vv. [Reflection of the Islamic cultural model in the clothes of the Tatars of Western Siberia in the 18th — 20th centuries]. *Narodnoye iskusstvo Sibiri: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: sb. mat. Vseros. nauch.-prakt. konf.* Omsk, 2004. S. 52–54 (in Russian).

Sokrovishcha Priob'ya [Treasures of the Ob] / red. B. Marshak, M. Kramarovskiy. SPb., 1996. 228 s. (in Russian).

Spasskiy G. O sibirskikh kurganakh [About Siberian mounds]. *Syn Otechestva*. 1817. Ch. 41. No. 39. S. 9–22 (in Russian).

Suslova S. V. Sibirsko-tatarskaya kolleksiya yuvelirnykh ukrasheniy v fondakh TGIAMZ: opyt ist.-geneticheskogo analiza [Siberian-Tatar collection of jewelry in the funds of TGIAMZ: experience of historical genetic analysis]. *Tyurkskiye narody: materialy V Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri"*. Tobol'sk ; Omsk, 2002. S. 479–482 (in Russian).

Syrkina I. A. Klad s gorodishcha Lorvozh (XII v.) [Treasure from the settlement of Lorvozh (XII century)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1983. No. 4. S. 184–188 (in Russian).

Raskroyut li musul'mane drevnyuyu taynu sel'kupov? [Will Muslims reveal the ancient secret of the Selkups?]. *Istina*. 2014. Iyun' (in Russian).

Roshchevskiy P.I. Vospitannik dekabristov khudozhnik M. S. Znamenskiy [Pupil of the Decembrists, artist M. S. Znamensky]. Tyumen', 1954. 145 s. (in Russian).

Tataurov S. F. Tunus — posledniy gorod Sibirskogo khanstva. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Tunus — the last city of the Siberian Khanate] *Materialy XIII Zapadnosibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.N. Chernetsova*. Tomsk, 2005. S. 210–213 (in Russian).

Tataurov S. F., Korusenko M. A. Istoriya islama v Zapadnoy Sibiri: mezhdistsiplinarnyy podkhod k khronologii i periodizatsii [History of Islam in Western Siberia: an interdisciplinary approach to chronology and periodization]. *Bylyye gody*. 2015. T. 38. CH. 4. S. 789–804 (in Russian).

Tikhonov S. S. Arkheologicheskiye pamyatniki XVII–XVIII vv. v ust'ye r. Bergamaka [Archaeological monuments of the XVII–XVIIIth centuries. at the mouth of the river Bergamak]. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (po dannym arkheologii)*. Omsk, 1992. S. 106–110 (in Russian).

Tomilov N. A. Poseleniya sibirskikh tatar v trudakh uchenykh i puteshestvennikov kontsa XVI–XIX vv. [Settlements of the Siberian Tatars in the works of scientists and travelers of the late XVII–XVIII]. *Etnografo-arkheologicheskiye komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma*. T. 8. Omsk, 2004. S. 23–28 (in Russian).

Tomilov N. A. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI — nachale XX v.* [Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late XVI — early XXth centuries]. Novosibirsk, 1992. 271 s. (in Russian).

Troitskaya T. N., Sobolev V. I. *Pamyatniki zheleznogo veka i pozdnego srednevekov'ya* [Monuments of the Iron Age and the late Middle Ages]. *Pamyatniki istorii i kul'tury Sibiri*. Novosibirsk, 1978 (in Russian).

Troitskaya T. N., Chernoskutov Ye. M. *K voprosu o svyazyakh Novosibirskogo Priob'ya so Sredney Aziyey v kontse I tys. n. e.* [On the question of the connections of the Novosibirsk Ob region with Central Asia at the end of the 1st millennium n. e. Western Siberia in the Middle Ages: a collection of articles]. *Zapadnaya Sibir' v epokhu srednevekov'ya: sb. st. / red. L. A. Chindina*. Tomsk, 1984. S. 124–129 (in Russian).

Tuva: slovar' kul'tury [Tuva: dictionary of culture] / avt.-sost. S. V. Markus. M., 2006. 832 s. (in Russian).

Fodorova N. V. *Serebro Volzhskoy Bolgarii (po materialam Zaural'skikh kollektsey)* [Silver of the Volga Bulgaria (based on the materials of the Trans-Ural collections)]. *Tyurkskiye narody: materialy V Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri"*. Tobol'sk ; Omsk, 2002. S. 331–333 (in Russian).

Kholostykh G. V. *Ukrasheniya XVI–XVII vv. v arkhologii Zapadnoy Yevropy kak istochnik po istorii russkoy torgovli* [Decorations of the XVI–XVIIth centuries in the archeology of Western Europe as a source on the history of Russian trade]. *Ocherki istorii obmena i torgovli v drevnosti na territorii Zapadnoy Sibiri*. Omsk, 1995. S. 152–165 (in Russian).

Chernyshov S. A. *Formirovaniye i razvitiye gosudarstvennosti narodov Zapadnoy Sibiri nakanune i v nachal'nyy period russkoy kolonizatsii* [Formation and development of the statehood of the peoples of Western Siberia on the eve and in the initial period of Russian colonization] / diss. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2017 (in Russian).

Sherstova L. I. *Tyurki i russkiye v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskiye protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII — nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: Ethnopolitical Processes and Ethnocultural Dynamics of the XVIIth — Early XXth Centuries]. Novosibirsk, 2005. 312 s. (in Russian).

Elert A. X. *Ekspeditsionnyye materialy G. F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri* [Expeditionary materials of G. F. Miller as a source on the history of Siberia]. Novosibirsk, 1990. 246 s. (in Russian).

Yarkov A. P. *Ob arabo-, tyurko-, farsoyazychnykh istochnikakh po rasprostraneniyu islama i o dinastiyakh praviteley Zapadnoy Sibiri* [On Arabic, Turkic, Farso-lingual sources on the spread of Islam and on the dynasties of the rulers of Western Siberia]. *Suleymanovskiye chteniya — 2006: materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tyumen', 2006. S. 148–152 (in Russian).

Radloff V. *Aus Sibirien. Lose Blatter aus meinem Tagebouche* [Aus Sibirien. Lose Blatter aus meinem Tagebouche]. Leipzig, 1893.

Статья поступила в редакцию: 30.01.2022.

Принята к публикации 10.04.2022.

Дата публикации 30.09.2022.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 93/94

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–05

И. В. Копылов

---

*Сибирский государственный университет науки и технологии им. М. Ф. Решетнёва,
Красноярск (Россия)*

Д. Ю. Хоменко

Красноярский медицинский техникум (Красноярск, Россия)

РЕПРОДУКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СВЯЩЕННИКОВ-МИССИОНЕРОВ)

Статья посвящена репродуктивной стратегии коренных народов Енисейского Севера в конце XIX — начале XX в. Под репродуктивной стратегией авторы понимают модель деятельности, направленной на удовлетворение потребности в детях.

В качестве доказательной базы используются материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., в качестве иллюстративных источников — делопроизводственная документация священников-миссионеров, работавших на Таймыре в указанный период, содержащая свидетельства, касающиеся особенностей заключения брака, отношения к детям, распределения мужских и женских обязанностей.

Опубликованные материалы переписи позволили оценить демографический состав населения Туруханского края. Выявлена демографическая молодость населения и преобладание мужчин в репродуктивных возрастах, а также экономическая несамостоятельность женщин.

Преобладающая репродуктивная стратегия народов Енисейского севера охарактеризована как пассивная, осуществляемая родительской семьёй и основанная на материальном критерии. Для неё было характерно рассмотрение брака как сделки жениха и родителей невесты, при которой последняя выступала в качестве «товара», покупаемого за калым. Женщина при этом играла пассивную роль. Основным институтом, посредством которого велся поиск брачного партнера, являлась родительская семья. Глав-

---

ным критерием выбора супруга являлось его материальное положение. Представители коренных народов стремились заключать браки в своей этнической среде.

Ключевые слова: репродуктивная стратегия, священники-миссионеры, Енисейский Север, коренные народы.

Цитирование статьи:

Копылов И. В., Хоменко Д. Ю. Репродуктивная стратегия коренных народов Енисейского Севера в конце XIX — начале XX в. (по материалам священников-миссионеров) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 70–84. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–05.

I. V. Kopilov

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk (Russia)

D. Yu. Khomenko

Krasnoyarsk Medical Vocational School, Krasnoyarsk (Russia)

REPRODUCTIVE STRATEGY OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE YENISEI NORTH AT THE END OF THE 19TH — BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (BY THE MATERIALS OF MISSIONARY PRIESTS)

The article is devoted to the reproductive strategy of the indigenous peoples of the Yenisei North in the late 19th — early 20th centuries. Under the reproductive strategy, the authors understand a model of activity aimed at meeting the need for children.

The materials of the First General Population Census of 1897 are used as an evidence base, as illustrative sources — office documentation of missionary priests who worked in Taimyr during the indicated period, containing evidence regarding the peculiarities of marriage, attitude towards children, distribution of male and female responsibilities.

The published census materials made it possible to assess the demographic composition of the population of the Turukhansk Territory. The demographic youth of the population and the predominance of men in reproductive ages, as well as the economic lack of independence of women, were revealed.

The predominant reproductive strategy of the peoples of the Yenisei North is characterized as passive, carried out by the parental family and based on material criteria. It was typical for it to consider marriage as a deal between the groom and the parents of the bride, in which the latter acted as a “commodity” bought for bride price. The woman played a passive role. The main institution through which the search for a marriage partner was conducted was

---

the parental family. The main criterion for choosing a spouse was his financial situation. Indigenous peoples sought to conclude marriages in their ethnic environment.

Keywords: reproductive strategy, missionary priests, Yenisei North, indigenous peoples.

For citation:

Kopilov I. V., Khomenko D. Yu. Reproductive strategy of the indigenous peoples of the Yenisei North at the end of the 19th — beginning of the 20th century (by the materials of missionary priests). *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 3. P. 70–84. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–05.

Копылов Иван Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук Сибирского государственного университета науки и технологии им. М. Ф. Решетнёва, Красноярск (Россия). **Адрес для контактов:** kopilov_ivan@mail.ru.

Хоменко Денис Юрьевич, преподаватель Красноярского медицинского техникума, Красноярск (Россия). **Адрес для контактов:** khomenko_denis@mail.ru.

Kopilov Ivan Vladimirovich, candidate of historical sciences, Senior Lecturer of the Department of History and Humanities of Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk (Russia). **Contact address:** kopilov_ivan@mail.ru.

Khomenko Denis Yur'evich, teacher of Krasnoyarsk Medical Vocational School, Krasnoyarsk (Russia). **Contact address:** khomenko_denis@mail.ru.

Введение

Согласно Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г. целью государства является создание условий для роста населения, а задачами — повышения рождаемости и укрепление института семьи [Указ, 2014]. Это особенно актуально для малочисленных коренных народов, для которых устойчивые семьи — это фундамент не только для биологического, но и для социокультурного воспроизводства.

Для современной молодежи поиск и удержание жизненного партнера нередко становится проблемой (о чём свидетельствуют показатели разводимости, внебрачной рождаемости и численность одиночек), что актуализирует изучение наиболее эффективных моделей обзаведения семьей и поиска отца или матери для своих детей в историческом контексте. Изучение репродуктивного поведения в предшествующие эпохи позволит понять генезис его современных моделей, проанализировать их содержание, разделить в них современное и архаичное, способствующее реализации репродуктивных планов и препятствующее им.

Понятие «репродуктивное поведение» весьма неоднозначно, существует множество подходов к его дефиниции [Копылов, 2016]. В демографической истории, как правило, под ним понимают «систему действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака» [Народонаселение, 1994: 384–386]. Историк с таким понятием

работать трудно, так как имеющиеся в распоряжении исследователя исторические источники очень редко позволяют адекватно оценить психическое состояние индивидов. В связи с этим в нашей статье мы рассматриваем не репродуктивное поведение в целом, а репродуктивные стратегии как модель деятельности (или поведение, в зависимости от степени осознанности), направленной на удовлетворение потребности в детях, которую можно изучить как при помощи статистики, так и за счёт анализа социально-экономических реалий рассматриваемого периода.

Анализ репродуктивных стратегий не включает в себя вопросы мотивации, психических состояний и отношений. В их основе лежит потребность в детях, которая, на наш взгляд, обусловлена как биологическими, так и социально-экономическими факторами¹, для изучения которых у исторической науки есть проверенный временем инструментарий. В сочетании с эволюционной психологией, которая позволяет выявить особенности поведения человека как биологического вида, в рамках междисциплинарного исследования есть возможность определить и объяснить господствующие в определенный исторический период модели обзаведения семьей, рождения и социализации детей, непосредственно связанные с удовлетворением потребности в детях.

Изучением коренных народов Приенисейского севера во второй половине XIX — начале XX в. начали заниматься ещё современники [Анучин, 1905; Кривошапкин, 1865; Третьяков, 1871; Рычков, 1914]. Их работы в основном носили эмпирический, описательный характер. Уделялось внимание быту, хозяйственным занятиям, духовной культуре коренных народов. Эти исследовательские традиции были продолжены в 1920-е гг. [Тугаринов, 1927; Островских, 1931; Доброва-Ядринцева, 1925]. Во второй половине XX в. советские этнографы (Б. О. Долгих [1963; 1976], В. И. Васильев [1963], Е. А. Алексеенко [1967], Л. В. Хомич [1966], Ю. Б. Симченко, И. С. Гурвич, В. А. Туголуков [Этническая, 1982] и др.) ставили и решали следующие научные проблемы: этногенез народностей Енисейского Севера, трансформации их общественного устройства, выявление дуальных экзогамных родов и пережитков матриархата, переход от родовой общины к соседской и т. д. При этом выявление и анализ репродуктивных стратегий коренных народов Енисейского Севера не становились предметом специального изучения.

Основным источником статистической информации стала Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., материалы которой активно используются исследователями демографической истории Сибири. Как отмечает В. А. Зверев, перепись 1897 г. дала наиболее достоверные сведения о населении всей страны, несмотря на некоторые недостатки учета [Зверев, 2014: 40]. Г. М. Афанасьева высоко оценила потенциал материалов переписи для изучения демографии нганасан, отметив, что «они дают возможность составить самые общие демографические характеристики нганасан на конец XIX в.: общая численность, количество мужчин и женщин, размер семьи» [Афанасьева, 1990: 102]. Представляется, что эта оценка может быть распространена на сведения переписи обо всех коренных народах Енисейского Севера.

---

¹ Потребность в детях так же, как и репродуктивное поведение, является дискуссионным понятием. См. например [Ильясов, 2013].

Для изучения заявленной проблематики необходимы источники, которые раскрывали бы распространённые модели межличностных отношений между полами. Исследователи испытывают дефицит источников, содержащих «прямую речь» представителей коренных народов, которая позволила бы выявить особенности репродуктивного поведения. Отчасти решить указанную проблему могут материалы священников-миссионеров, работавших на Таймыре в указанный период.

В 1871 г. в Красноярске был основан Енисейский епархиальный комитет Православного миссионерского общества (само общество основано в 1865 г.) [Вдовин, Выдрин, 2011: 97]. Целью комитета была христианизация коренных народов Приенисейского края. Для реализации поставленной цели ряд приходов в Енисейской епархии были объявлены миссионерскими, в том числе расположенные на Енисейском Севере. Приходские священники-миссионеры вели делопроизводственную документацию, которая отложилась в фонде комитета в Государственном архиве Красноярского края. Комитет существовал до революции 1917 г., поэтому хронологические рамки статьи ограничены 1871–1917 гг.

Документация миссионеров не имела строго формуляра: отчёты и рапорты составлялись в свободной форме. В богослужебных и путевых журналах указывались даты и события, произошедшие в этот день: перемещения из одного населённого пункта в другой, количество совершённых таинств. Одни миссионеры ограничивались служебной информацией, другие — включали дополнительные сведения: описания шаманских обрядов, одежды, орудий труда, семейно-брачных отношений, особенностей духовной культуры коренных народов и т. д. Представляется, что потенциал этих материалов еще недостаточно полно используется исследователями этнической истории Енисейского Севера, несмотря на появление специфических работ в данном направлении [Полханова, 2014].

Следует учитывать, что священники, конечно, были предвзятыми наблюдателями. В первую очередь их интересовало отношение «инородцев» к православию. Их оценки состояния брачно-семейных отношений у различных народов напрямую связаны со степенью воцерковлённости коренных жителей. Поэтому в настоящей статье мы стремимся использовать не оценочную, а фактическую информацию из материалов священников-миссионеров.

Численность и половозрастная структура

Общепризнанно, что основным занятием коренных народов Енисейского Севера было присваивающее хозяйство: охота и рыболовство. Оленеводство носило транспортный характер. Модернизационные процессы затрагивали «инородческую среду», прежде всего в форме экономических контактов с русским населением. Так, в долине Енисея коренное население вовлекалось в кабальную зависимость от рыбопромышленников-пароходовладельцев, и рыболовство там носило, несомненно, товарный характер. Однако эти процессы затронули только некоторые народы [Хоменко, 2017]. Таким образом, мы можем охарактеризовать этап общественно-экономического развития Енисейского Севера как доаграрный.

В изучаемый период на территории Туруханского края проживали представители следующих народов: эвенков (тунгусов), якутов, долган, селькупов (остяко-самоедов), кетов (енисейских остяков), энцев и нганасан (самоедов), ненцев (юраков). В переписи 1897 г. их учёт был произведён по родному языку. Ею были зафиксированы 9394 человека, которые обозначили родной язык как тунгусский, самоедский, енисейско-остяцкий или якутский (табл. 1). Из них на долю мужчин приходилось 52,4%.

Таблица 1

**Распределение народов Енисейского Севера по языку, полу
и состоянию в браке, чел.***

Язык	Всего	Мужчины				Женщины			
		всего	состоящие в браке	холостые	вдовы	всего	состоящие в браке	незамужние	вдовы
Тунгусский	2948	1545	448	1034	61	1403	435	826	142
Самоедский	3272	1740	607	1070	63	1532	603	753	172
Енисейско-остяцкий	993	538	193	314	31	455	195	223	37
Якутский	2181	1097	371	686	40	1084	599	389	96

*Составлено по: [Первая..., 1904: 54, 55, 98].

Более высокую численность мужчин можно объяснить их ролью в производстве. Так как мужчины играли ключевую роль в получении экономических благ у этих народов, живших за счёт охоты и рыболовства, рождение мальчика было более желанным, чем рождение девочки, возможно, как это нередко бывает у народов, находящихся на доаграрной стадии развития, уход он получал более качественный. Вдобавок раннее вступление в брак девушек и отсутствие контрацепции увеличивало риск их смерти из-за родов в возрасте до 18 лет или подрывало их здоровье, что приводило к смерти в дальнейшем (особенно в условиях отсутствия системы родовспоможения). Также стоит отметить, что есть вероятность того, что у изучаемых народов мужчин недоучитывали в силу кочевого образа жизни [Патканов, 1906].

Важнейшей характеристикой естественного движения и, следовательно, репродуктивных стратегий является доля лиц в репродуктивном возрасте. «Дефицит» потенциальных супругов в конкретной возрастной группе существенно затрудняет его поиск, «избыток» — усиливает конкуренцию и половой отбор. Наиболее активно в репродуктивном плане было население в возрасте с 20 до 49 лет. Их доля у тунгусов составила 39,8%, у самоедов — 43,4%, у остяков — 40,8%, у якутов — 40,8% (рассчитано по таблице 2).

Таблица 2

Распределение народов Енисейского Севера по полу и возрасту, чел.

Возраст, лет	Тунгусы		Самоеды		Енисейские остяки		Якуты	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Всего, из них	1545	1403	1740	1532	538	455	1097	1084
младше одного года	45	33	46	40	11	13	25	25
1–9	423	363	388	338	106	103	284	274
10–19	316	291	346	252	122	84	242	229
20–29	296	252	327	289	89	92	187	188
30–39	195	187	243	216	62	55	149	153
40–49	124	121	179	166	60	48	107	107
50–59	79	57	101	96	49	31	61	51
60 и более	67	99	110	135	39	29	42	57

* Составлено по: [Первая..., 1904: 74–77].

Исходя из имеющихся данных, в обозначенных возрастах среди всех рассматриваемых народов наблюдался дисбаланс полов: мужчины преобладали практически во всех возрастах (кроме населения старше 60 лет). Статистика свидетельствует, что молодые мужчины могли испытывать определенные трудности в поисках невесты среди представителей своего народа.

Подтверждением этого могут служить относительно частые случаи близкородственных браков среди коренного населения Енисейского Севера. Подобные факты указаны в отчёте священника Тазовской Николаевской церкви за 1902 г. В том числе приводится вопиющий, с точки зрения священника, случай: «2 брата родные держат 2-х родных сестёр ... имея детей, не хотят разойтись, а просят их повенчать» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 104: 3]. В Ессейском приходе среди тунгусов «возмутительные случаи кровосмешения в среде родной семьи» также имели место [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 6]. Катехизатор Тазовской Николаевской церкви диакон Григорий Мелентьев отмечал примеры «внебрачных сожительств, без церковного благословения, между родственниками» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 103: 4 об.]. Существование близкородственных браков может объясняться тем, что «инородцы» стремились жениться и выходить замуж в пределах своего этноса. В условиях отмеченного выше дефицита невест молодые люди не искали будущих жён «на стороне»: в других этносах или среди русского населения, а были вынуждены жениться на близких родственниках.

Согласно шкале Ж. Боже-Гарнье и Э. Россета, народы Енисейского Севера в 1897 г. находились на уровне демографической молодости, так как доля лиц старше 60 лет не превышала 8% (табл. 2). У тунгусов это показатель составлял 5,63%, самоедов — 7,48%, остяков — 6,84%, якутов — 4,53%. Это свидетельствует о высоком репродуктивном потенциале этих народов, реализация которого зависела от социально-экономической ситуации.

У тунгусов и самоедов мужчины преобладали во всех репродуктивных возрастах, у енисейских остяков во всех, кроме 20–29 лет. У якутов возрастная структура была наиболее сбалансированной и максимально приближена к оптимальной для воспроизводства конфигурации половозрастного состава.

Матримониальное поведение народов Енисейского Севера

В официальном браке у тунгусов не состояло 71,1% мужчин (включая детей) и 69,0% женщин. У самоедов — 81,4 и 60,6%, у остяков — 80,5 и 51,7% мужчин и женщин соответственно (рассчитано по таблице 1). Можно предположить, что во многом это было обусловлено нежеланием или отсутствием возможности зарегистрировать брак в церкви. Возможно, у народов Енисейского Севера господствовал неофициальный брак, заключенный по местным традициям, регулируемый нормами обычного права.

Материалы священников-миссионеров позволяют более подробно осветить вопрос о неофициальном браке и его причинах. Священник Тазовской Николаевской церкви Михаил Суслов (в будущем — благочинный церковью Туруханского края) в рапорте предположительно за 1877 г. указывал, что среди остяцкого населения «венчание браков не признаётся за необходимое». Вместе с тем сожителство без заключения законного церковного брака часто влекло за собой значительные проблемы: сожители-мужчины позволяли себе насилие в отношении женщин, «тогда как этого между браками законными доселе не было замечено». Ещё одной опасностью было отсутствие при сожителстве необходимости в процедуре расторжения брака, как следствие, мужчины, пожив несколько месяцев, бросали своих партнёрш [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14: 87об.-88].

К началу XX в. ситуация с внебрачными сожителствами в Тазовском приходе принципиально не изменилась. Очередной настоятель отмечал факты сожителства родных братьев и сестёр и рождения у них детей [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 104: 2об.-3].

Впрочем, не всегда коренные жители относились к заключению законного брака столь халатно. Так, в том же Тазовском приходе М. Суслов в 1877 г. зафиксировал в путевом журнале свой диалог с женатым юраком. На вопрос священника о том, венчан ли он с женой, юрак с возмущением ответил: «Венчан, как не венчан! Погана баба, как жить буду?» Священник поясняет, что «погаными» юраки называли некрещёных и сожителниц без церковного брака [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14: 153 об.].

Возникает вопрос о причинах внебрачных сожителств. Было ли это проявлением неуважения к православной религии, принципиальной позицией коренных жителей, или же причины были бытовыми? Священник Верхнее-Инбацкой Успенской церкви Михаил Прозоровский в своём отчёте за 1902 г. указывал, что сожители «при встрече со священником от совершения над ними таинства брака не уклоняются» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 104: 8]. Миссионеры объясняли сожителство отдалённостью и малочисленностью церковей и редкими приездами священников, что не давало возможности заключить законный брак. В отчёте за 1900 г. священника помянутой Тазовской Николаевской церкви Фёдора Овчинникова: «Среди инородцев господствует обычай брачного сожителства без церковного благословения, причины к тому служат удаленность их от церкви и благодаря плохим путям их сообщения» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 122]. Ему вторил катехизатор Дудинского Хатангского прихода иеромонах Ма-

карий (в миру — М. Сулов): «Таинство брака признают все инородцы без исключения, но в силу невозможности освятить его благословением церкви, по отдаленности от приходских церквей и священников — живут невенчанными по нескольку лет» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 113: 5об.-6].

Однако указанные выше причины были не единственными. В материалах священников-миссионеров встречаются указания на уплату калыма «инородцами» при вступлении в брак. Существование данной практики служит показателем пассивной роли женщины в репродуктивных стратегиях. Священник Дудинской Введенской церкви Александр Перепёлкин в своём отчёте за 1898 г. писал, что «причиной не венчанной жизни, обыкновенно бывает несостоятельность жениха уплатить известный „калым” (выкуп) за свою будущую жену, простирающийся иногда до очень высоких размеров» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 100об.]. По сообщению А. Перепёлкина, жених брал невесту «в рассрочку»: сожительство продолжалось до тех пор, пока калым не был выплачен или отработан в хозяйстве будущего тестя. Только после этого назначалось венчание.

Практики выплаты калыма, как и его размер, были различными. М. Прозоровский в 1902 г. называл размер калыма у остяков — от 10 до 50 рублей, «смотря по состоянию жениха — материальному, и невесты — нравственному» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 104: 8]. Калым выплачивался в денежной, а не натуральной, форме. Этот факт говорит в том числе и о вовлечённости остяков в товарно-денежные отношения. Что не удивительно, поскольку проживавшие в долине Енисея остяки в конце XIX — начале XX в. активно вовлекались в рыболовную промышленность [Хоменко, 2017]. В долине реки Таз, где население не было вовлечено в товарно-денежные отношения, калым «платят большей частью оленями и белками», как писал в своём отчёте Г. Мелентьев [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 103: 5об.].

В безымянном отчёте по Ессейскому приходу за 1895 г. отмечается, что все «инородцы», проживающие в приходе (и тунгусы, и якуты), практиковали калым. Но если у тунгусов его размер регламентируется «личной сделкой между отцом невесты и женихом», то в среде якутов у невест «не отымается права голоса в выборе себе жениха» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 6, 13]. Таким образом, если для тунгусов женщина представляет собой своеобразный товар, который отец продаёт жениху, то отношение к женщинам в якутском обществе было на порядок уважительней. Впрочем, как отмечалось выше, священники были пристрастными наблюдателями и часто описывали быт и жизнедеятельность тунгусов и ессейских якутов на контрасте: якуты всегда выигрывают на фоне тунгусов. Однако сами священники не скрывают, и ставят ессейцам в заслугу их искреннее, глубоко серьёзное отношение к православной религии, соблюдение православных требований. В то время как тунгусы отнесены священниками к категории «плохих» христиан. Не исключено, что священники стучали краски в отношении тунгусов и смотрели сквозь «розовые очки» на якутов для того, чтобы подчеркнуть благочестивость последних.

Если исходить из переписи населения, то можно констатировать практически полное отсутствие официальных разводов. Это скорее свидетельствует об отсутствии возможности разорвать брак, чем о свободе в брачном поведении. В переписи у тунгусов Енисейского Севера зафиксирован всего один развод.

Перепись зафиксировала достаточно значимое количество вдовых женщин у тунгусов и самоедов. Их число превышало аналогичный показатель у мужчин в 2,32 и 2,73 раза соответственно. Несмотря на отсутствие статистики, исходя из универсальных особенностях процесса старения, мы можем объяснить это более высокой продолжительностью жизни женщин (это подтверждается тем, что число женщин старше 60 лет у народов Енисейского Севера превышало число мужчин в этом возрасте в 1,21 раза), а также биологически обусловленной более высокой смертностью мужчин от болезней и несчастных случаев.

Влияние экономического положения полов на репродуктивную стратегию коренных народов Енисейского Севера

Характеризуя институт семьи у народов Енисейского Севера, необходимо отметить, что не все мужчины могли обеспечить себе самостоятельное хозяйство. Так, у тунгусов только 50,5% всех мужчин жили самостоятельно, у самоедов — 56,2%, у остяков — всего лишь 44,4% (рассчитано по: [Первая, 1904: 131]). Это свидетельствует о том (даже с учетом стариков и детей), что мужчина в трудоспособном возрасте не всегда мог обеспечить себя и свою семью, следовательно, сохранялась зависимость от родительской семьи.

Женщины, как свидетельствует перепись, практически не обладали экономической самостоятельностью. У тунгусов 89,6% всех женщин являлись членами семей (т.е. жили вместе с родительской семьей или вместе с мужем), у самоедов — 93,0%, у остяков — 90,3% (рассчитано по: [Первая, 1904: 131]). Как отмечалось выше, женщины играли второстепенную роль в общественном разделении труда, занимаясь важными, но не ключевыми работами в домашнем хозяйстве. Производством важнейших экономических благ (охотой и рыболовством) занимались мужчины. Следовательно, фундамент для какой-либо экономической, а соответственно, социальной самостоятельности у женщин отсутствовал, и их репродуктивная стратегия являлась пассивной: их матримониальное поведение определялось прежде всего волей родителей или иных родственников.

Нередко к женщинам относились как к товару. Подтверждая этот тезис, священник Ессейского прихода Павел Попов писал в 1900 г., что женщина «является рабыней мужа, купеной за калым, и существом ... нечистым» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 152 об.]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что родительская семья, прежде всего отец, определяли матримониальное поведение молодых.

На подчинённое и подчас бесправное положение женщин в хозяйстве тунгусов обращал внимание автор безымянного отчёта за 1895 г.: «Отец обыкновенно считается главою семейства, от которого зависит управление хозяйством, мать же и дети, и особенно дочери, находятся почти на правах рабочих; при этом большая часть работы лежит на обязанностях женщин» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 6]. Контрастно описано положение женщин у якутов: «У жессейского (так в тексте. — *И. К., Д. Х.*) якута труд разделяется более или менее правильное», — отмечал в 1900 г. П. Попов [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 156 об.].

М. Суслов в путевом журнале 1880 г. достаточно подробно описал положение женщин в домашнем хозяйств юраков и самоедов. Он указывал, что «все работы возложе-

ны на женщин; мужчина не знает никакого труда кроме пушного промысла, да и тут все принадлежности, исключая оружия, изготавливаются женскими руками. Начиная с чума из оленьих шкур отлично выделанных и сшитых и до обуви каждого семьянина, от хозяйственных принадлежностей до полена дров, до лучины — все готовится женщинами». Такое тяжелое, в том числе физически, положение женщин-«инородок» приводило к неожиданному последствию: часто жёны предлагали мужьям жениться вторично с целью заполучить дополнительные женские рабочие руки [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 16: 92 об.].

Касательно степени свободы нравов в целом у коренного населения Енисейского Севера священники приводят противоречивые свидетельства. Г. Мелентьев отмечал, что «отношения между полами, большей частью, отличаются чистотою: как лица, состоящие в законном супружестве, так равно и лица, внебрачносожительствующие, соблюдают взаимную верность, а юноши и девицы — целомудрие» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 103: 6 об.]. А. Перепёлкин, напротив, отмечал, что измены в условиях сожительства случались, «но это у инородцев большого внимания не заслуживает, разве только живой товар в цене упадет; но при известном результате бывшей плотской связи и этого не бывает, так как этим доказывается плодовитость женской особы, что имеет у инородцев, в общем очень чадолюбивых, большую цену» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 100 об.]. Это свидетельствует о том, что при реализации мужской репродуктивной стратегии одним из важных критериев выбора будущей супруги была возможность иметь детей и наличие определенного опыта.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что для наиболее распространённой у народов Енисейского Севера репродуктивной стратегии характерны следующие особенности, проистекавшие из социально-экономических реалий доаграрного общества, основанного на преимущественно присваивающем хозяйстве. Во-первых, преобладание родительской семьи в качестве института, определяющего матримониальное поведение, и пассивная роль женщин, что подтверждается их экономической несамостоятельностью и существованием калыма. Во-вторых, поиск потенциального партнера и отца (матери) детей вёлся в сравнительно замкнутой этнической и социальной общности. Об этом свидетельствует распространённость близкородственных браков в условиях «дефицита» невест, вызванного преобладанием мужчин. В-третьих, преобладание в качестве основного критерия для выбора супруга его материального благополучия (возможность уплатить калым). В-четвертых, регламентация порядка заключения брака и имущественных отношений осуществлялась нормами обычного права. В-пятых, преобладание моногамии при сохранении случаев двоеженства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев Е. А. Кеты: историко-этнографические очерки. Л. : Наука, 1967. 262 с.
- Анучин В. И. Предварительный отчёт по поездке к енисейским осяткам в 1905 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1906. Т. 6. С. 38–50.

Афанасьева Г. М. Традиционная система воспроизводства нганасан: проблемы репродукции обособленных популяций. Ч. 1. М., 1990. 360 с.

Васильев В. И. Лесные энцы // Сибирский этнографический сборник. Т. V. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 33–70 (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 84).

Вдовин А. С., Выдрин Е. В. К истории Енисейского комитета Православного миссионерского общества // Енисейский Север: история и современность. Вып. 1. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2011. С. 96–108

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 667. Оп. 1.

Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края: опыт исследования экономического положения. Новониколаевск : изд. Сиб. ревкома, 1925. 80 с.

Долгих Б. О. Образование современных народностей Севера СССР // Советская этнография. 1976. № 3. С. 3–15.

Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т. V. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 92–141 (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 84).

Зверев В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. 278 с.

Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 1. С. 168–177.

Копылов И. В. Проблема понятия «репродуктивное поведение» в отечественной исторической демографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск : ИИ СО РАН, 2016. С. 245–253.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Красноярск: тип. В. Безобразова и комп., 1865. 68 с.

Народонаселение: энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1994. 608 с.

Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 (ред. от 01.07.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/

Островских П. Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX века // Советский Север. 1931. № 3–4.

Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 31. Ч. 1: Тунгусы собственно. Вып. 1. СПб. : Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1906. XII. 83 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 73: Енисейская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904. 185 с.

Полханова О. А. Дневники миссионеров Русской православной церкви как источник изучения этнографии коренных народов Енисейской губернии (середина XIX — начало XX в.) // Социокультурное освоение Сибири: материалы Сибирского исторического форума. Красноярск : Резонанс, 2014. С. 240–244.

Рычков К. М. Путевые наброски из скитальческой жизни с тунгусами // Сибирский архив. 1914. № 7/8. С. 319–323.

Третьяков П. И. Туруханский край: его природа и жители. СПб. : типография В. Бездарова и комп., 1871. 316 с.

Тугаринов А. Я. Туземцы Приенисейского севера. Красноярск: издание бюро краеведения при Красноярском отделе Русского географического общества, 1927. 14 с.

Хоменко Д. Ю. Коренное и русское население Енисейского Севера во второй половине XIX — начале XX века в свете проникновения капиталистических отношений // Технология развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность : материалы Международной науч.-практ. конф. Красноярск : КрасГАУ, 2017. С. 206–211.

Хомич Л. В. Ненцы: историко-этнографические очерки. М. ; Л. : Наука, 1966. 329 с.
Этническая история народов Севера. М. : Наука, 1982. 269 с.

REFERENCES

Alekseenko E. A. *Kety: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kety: historical and ethnographic essay]. L. : Nauka, 1967. 262 s. (in Russian)

Anuchin V. I. *Predvaritel'nyj otchyot po poezdke k enisejskim ostyakam v 1905 g.* [Preliminary report on a trip to the Yenisei Ostyaks in 1905]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednej i Vostochnoj Azii* [Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. SPb, 1906. Vol. 6. S. 38–50 (in Russian)

Afanas'eva G. M. *Tradicionnaya sistema vosпроизводства nganasan: problemy reprodukcii obosoblennyh populyaci. Ch. 1* [The traditional system of reproduction of nganasan: problems of reproduction of isolated populations. Vol. 1]. M., 1990. 360 s. (in Russian)

Vasilev V. I. *Lesnye ency* [Forest Encies]. *Sibirskij etnograficheskij sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Moscow, 1963. Vol. 5. S. 33–70 (in Russian).

Vdovin, A. S., Vydrin, E. V. *K istorii Enisejskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva* [To the history of the Yenisei Committee of the Orthodox missionary society] *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost. Vip. 1* [Yenisei North: history and modernity. Vol. 1]. Krasnoyarsk, 2011. S. 96–108 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK). [State archive of the Krasnoyarsk region]. Fund 667. Inventory 1. (in Russian).

Dobrova-Yadrinceva L. N. *Tuzemcy Turuhanskogo kraja: opyt issledovaniya ekonomicheskogo polozheniya* [The natives of the Turukhansk region: the experience of studying the economic situation]. Novonikolaevsk : izd.Sib.rev.koma, 1925. 80 s. (in Russian).

Dolgh B. O. *Obrazovanie sovremennyh narodnostej Severa SSSR* [Formation of modern nationalities of the North of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1976, no. 3. S. 3–15 (in Russian).

Dolgh B. O. *Proiskhozhdenie dolgan* [Origin of Dolgan]. *Sibirskij etnograficheskij sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Moscow, 1963. Vol. 5. S. 92–141 (in Russian).

Zverev V. A. *Lyudi detnye: vosпроизводство naseleniya sibirskoj derevni v konce imperskogo perioda* [Detny people: reproduction of the population of the Siberian village at the end of the Imperial period]. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2014. 278 s. (in Russian).

Il'yasov F.N. Potrebnost' v detyah i reproduktivnoe povedenie [Need for children and reproductive behavior]. *Monitoring obshchestvennogo mneniy*. [Monitoring of public opinion]. 2013, no. 1. S. 168–177 (in Russian).

Kopylov I. V. Problema ponyatiya “reproduktivnoe povedenie” v otechestvennoj istoricheskoy demografii [The problem of the concept of “reproductive behavior” in Russian historical demography]. *Aktual'nye problemy istoricheskij issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical problems of historical research: the view of young scientists]. Novosibirsk, 2016. S. 245–253 (in Russian).

Krivoshapkin M. F. *Enisejskij okrug i ego zhizni* [Yenisei District and its life]. Krasnoyarsk, V. 378, 188, 68 s. (in Russian).

Narodonaselenie: entsiklopedicheskiy slovar' [Population: encyclopedic dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1994. 608 s. (in Russian).

Ostrovskih P. E. Baishenskie “ostyaki” (ostyako-samoedy) Turuhanskogo kraja v konce XIX veka [The Bayishen “ostyaks” (Ostyako-Samoyeds) of the Turukhansk region at the end of the XIX century]. *Sovetskij Sever* [The Soviet North]. 1931. № 3–4 (in Russian).

Patkanov S. Opyt geografii i statistiki tungusskih plemen Sibiri na osnovanii dannyh perepisi naseleniya 1897 g. i drugih istochnikov [The experience of geography and statistics of the Tunguska tribes of Siberia based on the data of the population census of 1897 and other sources]. *Zap. Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo o-va po otd-niyu etnografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography]. Vol. 31. SPb, 1906. XII. 83 s. (in Russian).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897. T. 73. Enisejskaya guberniya [The first general Population census of the Russian Empire in 1897. Vol. 73. Yenisei province]. SPb. : Izd-vo Central'nogo statisticheskogo komiteta MVD, 1904. 185 s. (in Russian).

Polhanova O. A. Dnevniky missionerov Russkoj pravoslavnoj cerkvi kak istochnik izucheniya etnografii korennyh narodov Enisejskoj gubernii (seredina XIX — nachalo XX v.) [Diaries of missionaries of the Russian Orthodox Church as a source of study of Ethnography of indigenous peoples of Yenisei province (mid XIX — early XX century)]. *Sociokul'turnoe osvoenie Sibiri : materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma* [Socio-cultural development of Siberia: materials of the Siberian historic forum]. Krasnojarsk, 2014. S. 240–244 (in Russian).

Rychkov K. M. Putevye nabroski iz skital'cheskoj zhizni s tungusami [Travel sketches from a wandering life with the Tungus]. *Sibirskij arhiv* [Siberian archive]. 1914, no. 7/8. S. 319–323 (in Russian).

Tret'yakov P. I. *Turuhanskij kraj: ego priroda i zhiteli* [Turukhansky region: its nature and inhabitants]. SPb, 1871. 316 s. (in Russian).

Tugarinov A. Ya. *Tuzemcy Prienisejskogo severa* [Natives of the Yenisei North]. Krasnoyarsk, 1927. 14 s. (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 09.10.2007 N 1351 (red. ot 01.07.2014) “Ob utverzhdenii Konceptcii demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda” [The decree of the President of the Russian Federation of 09.10.2007 N 1351 (edition of 01.07.2014) “About the approval of the Concept of demographic policy of the Russian Federation for the period till 2025”] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (accessed: 15.04.2018) (in Russian).

Khomenko D. Yu. Korennoe i russkoe naselenie Enisejskogo Severa vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka v svete proniknoveniya kapitalisticheskikh otnoshenij [Indigenous and Russian population of the Yenisei North in the second half of XIX-early XX century in the light of the penetration of capitalist relations]. *Tehnologija razvitija social'nyh, jekonomicheskikh i logisticheskikh processov Arkticheskoy zony Rossii: istorija i sovremennost'* [Technology of development of social, economic and logistic processes in the Russian Arctic: history and modernity]. Krasnojarsk, 2017. S. 206–211 (in Russian).

Homich L. V. *Nency: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Nency: historical and ethnographic essays]. Moscow : Nauka, 1966. 329 s. (in Russian).

Etnicheskaya istoriya narodov Severa [Ethnic history of the peoples of the North]. Moscow : Nauka, 1982. 269 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 30.01.2022.

Принята к публикации 12.05.2022.

Дата публикации 30.09.2022.

УДК 903.2

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–06

О. Б. Степанова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург (Россия)

«ВСЕ ЛЮДИ — ДЕТИ ВЕЛИКОГО КОРГА»: МЕДВЕДЬ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ АРХАИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ЖИВОТНОЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СЕЛЬКУПОВ

Целью исследования ставилось рассмотрение образа медведя в мифологии селькупов. Этот вопрос до сих пор остается малоизученным, чем подчеркивается его актуальность и научная значимость. В результате исследования были сделаны следующие выводы. В образе медведя отразился весь комплекс концепций животного, которые выделяются в селькупском мировоззрении, а именно: анимистическая, согласно которой животное — это дух, существо потустороннего мира; тотемическая, чей постулат сводится к тому, что все селькупские роды ведут свое происхождение от животных; мирообразовательная, определяющая, что животное-предок создает элементы мироздания и утверждает законы жизни общества; концепция совмещения в животном-духе антропоморфного и зооморфного облика; концепция дуальности, сообразно которой духи-животные характеризуются поступками полярной направленности; идея о воплощении вселенной в гигантском животном-предке с прилагающимся к ней механизмом перехода границы земного и потустороннего миров и принцип циркуляции между мирами человеческой души, на участке инобытия приобретающей черты животного-предка. Медведь стал квинтэссенцией селькупских архаических взглядов на животное и эталоном изучения мифологических образов животных.

Ключевые слова: селькупы, мифология, традиционное мировоззрение, образ медведя, концепции животного.

Цитирование статьи:

Степанова О. Б. «Все люди — дети великого Корга»: медведь как квинтэссенция архаических взглядов на животное в мировоззрении селькупов // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 85–98. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–06.

O. B. Stepanova

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, Saint-Petersburg, (Russia)

“ALL PEOPLE ARE CHILDREN OF THE GREAT KORG”: THE BEAR AS THE QUINTESSENCE OF ARCHAIC VIEWS ON THE ANIMAL IN THE WORLDVIEW OF THE SELKUPS

The aim of the study was to study the image of a bear in the worldview of the Selkups. The image of the bear reflected all the concepts of the animal that stand out in the Selkup worldview, namely: animistic, according to which the animal is a spirit, a creature of the other world; totemic, whose postulate is that all Selkup clans are descended from animals; world-forming, which determines that the ancestor animal creates the elements of the universe and approves the laws of society; the concept of combining anthropomorphic and zoomorphic appearance in the animal-spirit; the concept of duality, according to which animal spirits are characterized by actions of a polar orientation; the idea of the incarnation of the universe in a giant animal ancestor with the accompanying mechanism for crossing the boundary of the earthly and otherworldly worlds and the principle of circulation between the worlds of the human soul, in the area of otherness acquiring the features of an animal ancestor.

Key words: Selkups, mythology, traditional worldview, bear image, animal concepts.

For citation:

Stepanova O. B. “All people are children of the great Korg”: the bear as the quintessence of archaic views on the animal in the worldview of the Selkups. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 3. P. 85–98. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–06.

Степанова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Сибири Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** stepanova67@mail.ru.

Stepanova Olga Borisovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Siberia, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** stepanova67@mail.ru.

Введение

В данной статье рассматриваются мифологические представления селькупов о медведе. Изучение медведя как элемента селькупской системы мировоззрения имеет значение для науки, способствует сохранению селькупской культуры и помогает коренным народам Севера в поиске новых форм этничности.

Необходимые исследованию материалы о мифологическом медведе и контекстах, в которые поставлен его образ, дали труды Г. Н. Прокофьева [1935], Е. Д. Прокофье-

---

вой [1949, 1952, 1961, 1976, 1977, 1981], Г. И. Пелих [1972, 1992, 1995, 1998], И. Н. Гемуева [1985], А. В. Головнева [1995], О. Б. Степановой [2007, 2008] и ряда других авторов.

Главным методом изучения селькупского мифологического медведя был семантический анализ. Теоретическую основу исследования составили разработки автора по теме селькупских представлений о душе, охватывающие вопросы, связанные с образами мифологических животных и их функциями [Степанова, 2008]. Анализ темы души опирался на теоретические труды ученых эволюционистского направления и школы структурной антропологии (например: [Леви-Стросс 1985]), а также работы В. Я. Проппа [2005] и А. ван Геннепа [1999]. При исследовании проблемы души на материалах селькупского мировоззрения в структуре и действиях мифологических животных был выявлен комплекс закономерностей, которые могут быть представлены как концепции животного, а именно:

1) анимистическая (любое животное — это дух, существо потустороннего мира, обладающее магическими способностями);

2) тотемическая (селькупские роды ведут свое происхождение от животных, животное в селькупском мировоззрении — дух-предок, первопредок);

3) мирообразовательная/космогоническая (животное-предок создает элементы и постулирует законы мироздания);

4) концепция совмещения в животном-духе антропоморфного и зооморфного облика;

5) идея о воплощении вселенной в гигантском животном-предке, на спине которого располагался земной мир, а в утробе мир духов и мертвых, со связанным с ней механизмом перехода человеком границы миров, заключающимся в пережевывании/поедании/убивании переходящего границу человека животным-предком-«пограничником» в своей пасти/челюсти с последующим его возрождением в новом мире;

6) идея о непрерывности бытия и циркуляции между мирами человеческой души/жизненного начала, приобретающего на участке инобытия облик или черты животного-предка;

7) концепция дуальности (согласно ей, духи-животные характеризуются чертами и поступками полярной окраски/направленности).

В изучении селькупского мифологического медведя эти концепции служили исследовательским инструментом и оказали существенную помощь в создании трактовок его образа. Перед исследованием ставилась задача рассмотреть, как в селькупском образе медведя отразились перечисленные архаические идеи.

Результаты

Медведь (медведица) является самым ярким духом-животным в мифологических представлениях селькупов. Тому, что он выступает в образе духа, особых доказательств не требуется: во всех фольклорных текстах герои-медведи действуют как одухотворенные существа, обладающие магическими способностями.

Уникальное качество селькупского мифологического медведя заключается в том, что селькупы до сих пор массово помнят, что медведь их родственник, а они произошли от медведя.

Г. И. Пелих был записан миф о медведе — первопредке селькупов: «Сначала медведь жил с отцом на небе в человеческом облике. Затем Нум сбросил своего сына на землю то ли за гордость, то ли в порядке испытания. На земле *Корг* оброс шерстью и превратился в зверя, сохранив при этом божественный разум, магическое знание и волшебную силу. У него стали появляться земные жены и земные дети. Все люди и все медведи — это дети великого *Корга*» [Пелих, 1992: 86; 1998: 10; Прокофьева, 1949: 367]. Этот же миф в кратких вариантах (но с другими деталями) фиксировали и другие исследователи. Согласно их записям, человек когда-то был медведем. За провинность он был сброшен богом на землю, затем поел каких-то ягод (какой-то травы) или перелез через дерево и стал человеком, — «всю шерсть потерял, голый стал». Тогда он обратился к богу с вопросом, как он будет зимой жить голым, и бог послал ему в услужение оленей, из их шкур человек стал шить себе на одежду [Доннер, 2008: 68; Островских, 1931: 178]. В фольклоре селькупов есть сюжеты о сожительстве с медведем женщины-селькупки и рождении ею детей от медведя [Пелих, 1972: 342], а также о рождении у героя *Итте* сына-медведя от медведицы — дочери лесного духа [Головнев, 1995: 250; Мифология, 2004: 235].

О том, что селькупы считают себя и медведей «одним народом», говорит длинный ряд данных. По сведениям П. И. Третьякова, остяки, «ставя умственные способности этого зверя слишком высоко, называли его *шалэб куб*, т. е. остяцкий человек» [Третьяков, 1871: 272]. «Настоящее» имя карагинских остяков, по замечанию Маслова, было *Шежелобы*, т. е. «медвежьи люди» [Маслов, 1833: 520]. По-видимому, названия медведя, приведенные Третьяковым и Масловым, являются производными от имени крылатого медведя-духа *Шелаба*, который может летать сквозь все миры вселенной, его образ в мифологических представлениях селькупов зафиксировала Пелих [Пелих, 1992: 77]. Этот дух-медведь — одно из лиц триединого образа могущественного древнего духа *Шелаба* — крылатого дьявола в образе орла с железными крыльями и змея [Пелих, 1998: 67].

Вера в родство с медведем и почитание его имеет у селькупов всеобщий характер, однако на реках Тым, Кеть и Таз проживают семьи, относящие себя непосредственно к роду Медведя. Они носят фамилии Каргалиных [Ким, 2000: 5], Каргачевых (ПМА 2004–2008) и др., в основе которых лежит название медведя из повседневного, бытового языка — *корг*, а также фамилию Пыршиных [Прокофьева, 1949: 368]. В этих семьях культ медведя был особенно развит, например, в юртах Карбиных на реке Кеть имелся священный амбарчик, в котором хранилось изображение предка рода — человека-медведя, вырезанное из латуни [Прокофьева, 1952: 97; 1977: 69]. В родах Медведя существовал запрет охотиться на медведей и есть медвежье мясо, который строго соблюдался. По свидетельству Е. Д. Прокофьевой, следование этому запрету значительно затруднило в 1920-е гг. развитие колхозного скотоводства на Тyme: завозимый в район скот быстро уничтожала многочисленная и никем «не пуганая» популяция местных медведей [Прокофьева, 1952: 97–98].

Подтверждение того, что медведь представлялся селькупам родственником, имеется в селькупской разговорной речи. Боясь называть медведя, как и всякого духа, по имени, селькупы используют заместительную лексику. Некоторые лексемы, заме-

щающие в разговоре слово «медведь», такие как «брат», «сестра», «дед» и «жена», относятся к терминам родства.

Следующие данные освещают уже не только селькупскую идею о родстве с медведем, но и другую концепцию животного — о душе человека, принимающей за порогом инобытия облик животного-предка.

Селькупы считают (и говорили об этом автору открытым текстом), что душа человека после его смерти обязательно вселяется/перевплощается в медведя. Фольклор включает эту мысль в мифологические сюжеты, такие как «быль» об охотнике, который, «будучи в тайге, случайно убил человека, а когда вновь пришел туда — вместо убитого человека обнаружил медведя» [Гемуев, 1985: 139], или сказочный пассаж о бабушке, которая «видать, так давно умерла — даже медвежий (собств. медвежье-шерстый) мох совсем ее покрыл» [Прокофьев, 1935: 109]. Язык сообщает о том же самом на свой манер; исходя из языковых данных, словом *кой* (*квои*) у селькупов одновременно называлась душа человека [Ким, 1997: 16–25] и изображения шаманских медведей [Иванов, 1970: 116], которые были, естественно, духами, существами, населяющими потусторонний мир. Еще одним подтверждением мысли о медведе как инобытийной форме (душе) человека служит часто акцентируемое селькупам сходство физических форм медведя и человека: «Медведь священный — когда обдираешь, он же, как человек: руки, как у человека, ноги, как у человека» [ПМА 2015].

Наибольший объем материала, раскрывающего селькупскую идею циркуляции человеческой души по мирам вселенной, связанную с идеей животного-духа-«пограничника», дают обряды, которые селькупы устраивают по случаю убийства медведя.

До сих пор у селькупов распространено представление, что любой медведь рано или поздно «приходит в гости» к своим родным («на глаза показывается»). Селькупы обязаны этого медведя убить, при этом человек не сможет убить медведя, если тот сам того не захочет¹. Мертвого медведя селькупы приносят домой и совершают обряд гадания на медвежьей лапе, выясняя, кто из умерших родственников «в гости к ним пришел» в медвежьем обличье. Для этого отрезают правую переднюю лапу медведя и, называя имя умершего, закидывают ее в чум. «Если лапа упала ладонью (когтями) вверх, значит, это тот человек: родственника узнают по приметам, имеющимся у медведя: ранам, зубам, хромоте» [ПМА 2004–2008]. «Закидывают в чум лапу. Старшие начинают гадать, кто в гости к нам пришел. Старику на зрение показывается, кто гостевал» [ПМА 2004–2008]. «Медведя убьют, лапу перекидывают с переворотом. Если ладонью вверх — свой человек, ладонью вниз — чужой. Если свой — спрашивают, зачем при-

¹ По другим полевым материалам автора, «медведя специально не убивают, медведь ходит по краю поселка, собаки его отгоняют, но не убивают»; «медведя специально не добывают, только если убьют случайно» [ПМА 2013]. По данным из третьих источников, селькупы медведя добывают столь активно, что «только шуба заворачивается» [ПМА 2018]. Такие различия в отношении охоты на медведя могут зависеть от родовой принадлежности охотников — для людей родов Медведя прописаны более строгие правила и условия их исполнения. Например, семья Каргачевых из тазовского села Толька, относящаяся к роду Медведя, не убивает медведей кровавым способом (но может душить прирученных) и медвежьего мяса не ест, правила разрешают им пользоваться только медвежьим жиром [ПМА 2015]. Отличия могут объясняться также отсутствием у многих селькупов возможности соблюдения правил. В третьем варианте — правила со временем меняются, традиция отмирает, при этом изменения в локальных селькупских группах происходят с разной скоростью.

шел» [ПМА 2015]. Мифологический контекст данной части обряда будет следующим: в облике медведя в гости приходит душа давно умершего родственника, прожившая свою жизнь и завершившая жизненный путь на участке инобытия. Она готова возродиться в ребенке своего рода, чтобы это произошло, душа должна сначала умереть, поэтому медведя убивают.

После гадания приступают к разделке медвежьей туши. Кровь медведя стараются не пролить на землю. Кости разделяют только по суставам, их нельзя дробить, ломать или перерубать. Части туши, без головы, раздают родственникам для употребления в пищу. Голова медведя семь дней стоит в *сыткы* — священной части жилища. Через семь дней голову варят, затем собирают кости медведя у всех, кто получил свою часть туши. «Медведя убивают, мясо варят, бульон сливают, а мясо обязательно раздают, одни не едят. Кости надо вернуть тому человеку, который медведя стрелял» [ПМА 2013]. Кости и череп, перевязанный кедровым корнем, оставляют на чердаке или на лабазе или складывают в берестяной короб, уносят в лес и вешают на развилку дерева, то есть надлежащим образом захоранивают, иногда череп хоронят на *порэ* (на столбе) [Головнев, 1995: 235–236].

Трактовка этого обряда либо фрагмента обряда будет такой: способ разделки туши и правила обращения с оставшимися костями преследуют цель обеспечить последующее воскрешение медведя/человеческой души, заключенной в его теле. Налицо признаки перехода медведем/душой человека границы потустороннего и земного миров: медведь/душа умирает (медведя убивают), теряет свою телесную целостность (тушу медведя разделяют и варят), ее поедают и совершают с ней действия для ее последующего возрождения. По схеме перехода тело переходящего границу должно поедать животное-дух-предок-«пограничник», т. е. едведь, но схема допускает «перемену мест слагаемых» — пожирателем в схеме остается медведь, хотя фактически его тело съедает человек. Как показано ниже, в мифологическое поле данного обряда, помимо медведя и человека, вводится третье действующее лицо.

Перед убитым медведем извиняются и стараются отвести от себя обвинения в убийстве. Прокофьева записала у селькупов следующие извинительные речевые формулы: «Младший брат мой! Не гневайся на меня, это не я убил тебя, а стрела воткнулась в тебя, так как перья орла направили ее в тебя. Это орел убил тебя». Или: «Русское ружье убило тебя, а не я» [Прокофьева, 1949: 367]. Современные селькупы перекладывают вину в убийстве медведя на ворон: мажут себе лицо сажей и, «когда мясо медведя начинают кушать, кричат «Кук! Кук!», мол, это не мы тебя едим, это вороны тебя едят» (ПМА 2004–2008). «Когда медведя кушают, говорят «Куюк!» и мажут нос углем, мол, черный медведя кушает» (ПМА 2015). Как говорят селькупы, это делается не только в извинительных целях, но также для того, «чтобы не напали на жратву», т. е. сохраняли уважение к медведю. Во время гадания на медвежьей лапе, при закидывании ее в чум, тоже издают вороний крик — «в гости ходили»; подражая воронам, кричат на медвежьей охоте (ПМА 2004–2008). Материалы Прокофьевой свидетельствуют, что традиция перекладывать вину в убийстве медведя на ворон не считается современной: «В прошлом, после добычи медведя, по словам некоторых нарымских селькупов, охотники исполняли вокруг него пляску, выкрикивая, подражая воронам: «Кук, Кук» [Прокофьева, 1976: 117]. Под воро-

нами, на которых перенаправляется гнев духа-медведя, селькупы, вероятнее всего, подразумевают черных ворон-падальщиц, к этому виду ворон они относятся презрительно, в селькупских сказках подчеркиваются их предательский характер, бесчестность и вороватость. Действия по сокрытию, дезавуации роли селькупов в убийстве медведя в этой локации обряда можно интерпретировать как реставрацию нарушенной схемы перехода границы миров: по мифологическому эталону убийство и съедение медведя/души человека должны были совершить не люди, а животное-дух-«пограничник». Животным-духом-«пограничником», убившим и съевшим медведя/душу человека (третьим, дополнительным, по сути, лишним действующим лицом схемы), здесь «назначаются» вороны.

Обряд гадания на медвежьей лапе, коллективные ритуалы разделки туши и поедания медвежьего мяса, «пляски», речевые клише, другие детали, сопровождавшие обрядовые действия, несомненно, образуют комплекс действий, аналогичный тому, что у юго-западных и восточных соседей селькупов — хантов и кетов называется медвежьим праздником. Новые подробности селькупскому «медвежьему празднику» добавляют цитаты из полевых материалов автора: «Раньше обряд делали. Голову со шкурой в чуме ставили, рядом стол ставили: как человек сидит. Потом уже шкуру снимали. На стол угощение ставили. Прощались с медведем: «Не охотник тебя убил, а ворона». Кушали мясо, говорили «Кюк, кюк!» — чтобы на охотника обиду не держал». «Медведя убьют — чашку ставят. Голову сварят в котле, все кушают. Бульон в чашке медведю ставят. Кушают, «Кыык!» говорят. Голову потом на чердак уносят» (ПМА 2015). Важные штрихи праздника содержатся в материалах, собранных в 1950-х гг. у тымских селькупов Р. А. Ураевым: «Когда убьют медведя, то делают поминки. Лапы медведя (руки и ноги) положат на стол в неободранном виде, сверху — голову. Если голова самки, то ее украшают бисером, лентами, тряпками; если голова самца, то делают маленькие стрелы с луком и кладут возле него» [Ураев, 1994: 84].

Обращает на себя внимание, что в приведенных цитатах обряд, который позиционируется информантами как прощание с умершим родственником, поминки медведя, имеет элементы праздника и, если провести аналогию с медвежьими праздниками соседних народов, является таковым и с полным правом может так называться. Чтобы объяснить этот парадокс, достаточно сравнить описание ритуала украшения головы медведя/медведицы из вышеизложенного материала Ураева с найденным у Пелих описанием обряда, проводившегося селькупками при рождении ребенка. В этом обряде, если рождалась девочка, селькупы бросали в воду на ближайшем водоеме косу из травы, а при рождении мальчика — маленький лук со стрелами [Пелих, 1972: 333]. Совпадение действий говорит о том, что в обряде, совершаемом после убийства медведя, называемом и поминками, и праздником, одновременно, прощались с умершим медведем, и праздновали рождение нового человека. В «теоретической» мифологической плоскости умерший медведь — форма инобытийного состояния человека — переходил границу миров и перевоплощался в младенца, который должен был примерно в это же время родиться в какой-либо семье этого рода. Возможно, что по медведю вовсе не горевали, а праздновали благополучно прошедшее перерождение.

Концепция воплощения вселенной в медведе — помимо присутствующего в селькупском мировоззрении общего описания вселенной-зверя [Пелих, 1998: 9] — подтверждается также образом медведицы-*нельгарки*, зафиксированным Пелих. Согласно ма-

териалам ученого, селькупская медведица *нельгарка* — образ матери-земли, прародительницы всего сущего, повелительницы всех трех миров вселенной. Медведица *нельгарка* стала повелительницей Вселенной после того, как родила мировое дерево. «Это дерево рождается прямо из головы *нельгарки* (медведицы-мамонты). До нас дошли такие изображения в виде рисунков на шаманских бубнах» [Пелих, 1995: 156].

Старуха *Илынтыль коты* — главное божество селькупского пантеона, прародительница всех селькупов, тоже владеет мировым деревом (ее образ является самым ярким, важным и разработанным в селькупской мифологии). Медведь служит ей постоянным спутником и главным атрибутом: медведи — жители старухино «кровавого моря», которое связывается с родиной предков селькупов, и охранители ее дома [Прокофьева, 1961: 58, 60], следовательно, медвежье обличье — одна из ее ипостасей. Образ старухи *Илынтыль коты* совместим с образами медведицы-*нельгарки* и хозяйки земли старухи *Има коты*. *Има коты* «живет в горе, в черном одета, лапы и лицо у нее, как у медведя» [ПМА 2015], она командует всеми медведями, живущими на земле и в подземном мире [Пелих, 1998: 27].

Образы медведей-духов-«пограничников» визуализированы на рисунках, выполненных по просьбе Г. Н. Прокофьева селькупскими шаманами, ученый попросил их нарисовать устройство селькупской вселенной. Функция «пограничников» придается медведям эпитетом, приведенным в сопроводительных комментариях: «Полуободренные» медведи-мамонты с саблями — «без сердца, без печени духи» — «охранители» земли покойников [Прокофьева, 1961: 58–59].

Одна из главных функций «охранителей» иного мира — людоедство, в селькупском мифологическом образе медведя подчеркивается это качество. Согласно мифу, на небе живет медведица-людоедка. Сначала она жила на земле, нападала на людей и пожирала их. Охотник ее убил, разрезал на куски и сварил в котле. Куски ее тела поднялись на небо и стали созвездием Большой Медведицы [Пелих, 1998: 58]. В этом мифе дух-медведица выполняет еще одну мифологическую обязанность духа-животного — с ее участием появляется такой элемент вселенной, как созвездие Большой Медведицы.

Во множестве селькупских фольклорных текстов, мифологических представлений и магических ритуалов медведь выступает социальным защитником, судебной и карательной «инстанцией», что связывается с его функцией «пограничника»/охранителя, а также его качеством людоеда. Медведь охраняет объекты совершенно разного категориального свойства — от норм общественного поведения, морали и нравственности до материального имущества (олений, транспортных средств, домашнего скарба, продуктов питания и пр.). Благодаря вере общества в его людоедство мифологический медведь транслирует потенциальным нарушителям и преступникам угрозу быть съеденными, что воздействует на них реально, и общество получает от этого вполне практическую пользу.

В фольклоре, в одном из широко распространенных сюжетов медведь приходит на стойбище во время отсутствия там мужчин и убивает/съедает нерадивую женщину-мать и ее шумных, непослушных детей, грубо нарушающих правила поведения в определенном месте в определенное время [ПМА 2004–2008]. Эта сказка практически нормировала поведение и воспитывала многие поколения селькупов.

Селькупские этнографические материалы содержат большое количество примеров различных магических действий (ритуалов) с частями медвежьего тела, направленных на охрану духом-медведем человека, его дома, семейного очага и имущества. Так, для защиты дома от пожара, воров и вредоносных духов к его углу или на фронтоны селькупы прибавляли медвежью лапу или медвежью шкуру. Чтобы сберечь вещи, используемые в хозяйстве, в амбар клали медвежью кость [Пелих, 1998: 49]. На реке Тым около каждого селения на столбе ставили череп медведя, считалось, что он защищал весь поселок [Прокофьева, 1949: 368; Пелих, 1998: 56]. Шкуру медведя использовали для охраны домашних оленей, ее вешали на дерево на границе их выпаса, она «отпугивала злых духов» и не позволяла оленям разбежаться (ПМА 2004–2008). У дороги на кладбище селькупы вырезали из пня изображение медведя, «чтобы души мертвых не могли беспокоить живых людей» [Пелих, 1998: 49]. Как уже говорилось, совершая подобные магические действия, селькупы верили, что злонамеренного человека или духа обязательно задерет медведь. В одних случаях их расчет оправдывался (вероятно, медведь отпугнул многих живущих с той же верой воров), в других приносил душевное спокойствие, что тоже было пользой. Еще характерный пример: медведя-людоеда, задравшего человека, «оправдывали», если человек оказывался вором, считалось, что медведь-защитник в таком случае «обязан» был задрать этого человека [Пелих, 1998: 56].

Авторы XIX в. оставили описания интересной «юридической» процедуры, называемой «медвежья клятва», проводящейся местными властями при необходимости выявления вора среди остяков (в досоветское время остяками называли селькупов, кетов и хантов). «Когда между остяками случится преступление, дают виновному либо медвежье ухо, либо медвежий зуб, чтобы он и целовал, и грыз, и рубил его. Если остяк все это выполнит, не сознавая в вине, то иногда это, вроде нашей присяги, освобождает от подозрения» [Кривошапкин, 1865: 135]. «Самая страшная клятва происходила перед зубом и лапой медведя, кусая которые, остяк говорил: «если я не прав, пусть медведь также съест, издерет меня» [Плотников, 1901: 42]. Те же авторы пишут, что страх остяков перед медвежьей карой был намного сильнее страха перед наказанием властей, и часто, отказавшись «входить в контакт» с духом и причинять духу вред, остяки вынуждены были сознаваться в преступлении, которого они не совершали.

Вера селькупов в защитную и карательную функцию мифологического медведя опиралась на одно его качество, о котором здесь пока не говорилось. Селькупский дух-медведь, вслед за старухой *Илынтыль коты*, чьей ипостасью он является, обладает способностями ясновидения, и они у него, так же, как у нее, имеют особую силу. По представлениям селькупов, медведь все видит, все слышит, все понимает и все знает. Медведь использовал эту способность для обнаружения преступников и нарушителей традиционных (и новых — русских) законов, а селькупы ее применяли, чтобы гадать и предсказывать судьбу человека или находить потерявшееся имущество. Такое гадание устраивалось после сеансов камлания шамана и совершалось с помощью шаманской колотушки, обтянутой шкурой со лба медведя, или отрезанной медвежьей лапы¹.

¹ Вероятно, данный способ гадания имеет аналогии с тем гаданием, которое проводилось после убийства медведя.

Шаман бросал колотушку/медвежьей лапу и обращался с вопросами к духу (вероятно, медведю или его старухе-хозяйке), а тот «отвечал», «укладывая» подброшенную колотушку той или иной стороной к земле [Прокофьева, 1981: 48, 67].

Учитывая все описанные выше выдающиеся качества медведя, его просто не могло не быть среди шаманских духов, в шаманском «шайтанском» наборе он считался одним из главных и самых сильных духов-помощников. Надевая парку, сшитую из шкуры медведя, шаман превращался в медведя (или садился верхом на медведя) и в этом облике отправлялся в путешествие по иным мирам. «До конца XIX в. селькупы шили шаманские костюмы из медвежьей шкуры, которую не кроили, а снимали целиком. Шаман, надев такой костюм, считал себя медведицей: с задней части шаманского венца спускалась «длинная ровдужная коса», а на нагруднике, наряду с «пупом» и «дыхательным горлом», изображались «соски»» [Прокофьева, 1981: 55; Пелих, 1995: 155]. На шаманский костюм прикреплялся нос медведя с верхней губой, а на шаманские пимы — изображение медвежьей лапы — «медвежьих когти» [Прокофьева, 1949: 367, 369].

При анализе мифологического медведя невозможно не заметить полярности его образа. С одной стороны, он грозный и страшный дух-людоед, с другой — любимый родственник, защитник людей и дух-помощник шамана, он друг и враг одновременно, он связан со смертью и рождением и пр. В полярности образа медведя отображается дуализм традиционной селькупской системы мировоззрения.

Заключение

Итак, мифологический образ медведя в селькупском мировоззрении содержит в себе все древние концепции животного. Он представляется духом, существом потустороннего мира, обладающим магическими способностями. Селькупы видят в нем своего предка, ведут от него свое происхождение и относятся как к ближайшему родственнику. Образ медведя совмещает в себе черты животного и человека и служит ипостасью главного антропоморфного божества — старухи *Илынтыль коты* — матери-земли, первопредка, хозяйки мирового дерева и всех трех миров вселенной, дающей людям жизнь и забирающей ее обратно.

Медведь — гигантское животное-предок, воплотившее в себе мифическую вселенную, и одновременно дух, охраняющий границу между земным и потусторонним мирами. Исполнение им роли «пограничника» подразумевает умерщвление/съедение человека/человеческой души на границе миров, лишение его телесной целостности и последующее возрождение в том мире, в который она пожаловала. Выходя за границу земного мира, душа человека/человек, как до сих пор верят селькупы, превращается в медведя, а возвращаясь на землю, опять трансформируется в человека. В циркуляции жизненного начала между мирами вселенной — реинкарнации души, заключена идея бессмертия человека и непрерывности жизни. Мифологическая процедура преодоления границы миров через съедение души медведем-духом-«пограничником» находит отражение в медвежьем празднике, который устраивается у селькупов после убийства медведя. В обряде гадания на медвежьей лапе, ритуальном приготовлении и поедании медвежьего мяса селькупы прощаются с животным обликом души, в котором она пребывала в потустороннем мире, и празднуют появление на земле нового человека.

Способность ясновидения у медведя проявляется сильнее, чем у всех других духов. В поляризации образа медведя, его «добрых» и «страшных» качествах кроется концепция дуализма мифологического мышления. Отметился медведь, а точнее, медведица, и в роли создателя элементов мироздания, благодаря его участию в «селькупском» небе появилось созвездие Большой Медведицы. Медведь — наиболее могущественный дух-помощник шамана, животное, в которое шаман перевоплощается, путешествуя по мирам вселенной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гемуев И. Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1985. С. 137–144.

Геннеп А. Обряды перехода. М. : Восточная литература, 1999. 198 с.

Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодейцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 605 с.

Доннер К. У самоедов Сибири. Томск : Ветер, 2008. 176 с.

Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л. : Наука, 1970. 296 с.

Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск : Изд. НТЛ, 1997. 219 с.

Ким А. А. Реликты культа медведя у селькупов // Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 40–43.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб. : Имп. Рус. геогр. об-во, 1865. 188 с.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1985. 536 с.

Маслов. Бродячие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии // Заволжский муравей. Казань, 1833. № 9 С. 506–523.

Мифология селькупов. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Томск : ТГУ, 2004. 380 с.

Островских П. Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. № 7–8. С. 161–181.

Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск : ТГУ, 1972. 421 с.

Пелих Г. И. *Шелаб* — крылатый дьявол (из истории селькупской мифологии) // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск : ТГУ, 1992. С. 76–91.

Пелих Г. И. К вопросу о нганасанском культе медведицы *нгарка* // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 152–160.

Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск : Изд-во ТГУ, 1998. 79 с.

Плотников А. Ф. Нарымский край: историко-статистический очерк // Записки ИРГО по отд. статистики. Т. X. Вып. 1. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1901. 366 с.

Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Ч. 1. Л. : Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1935. 131 с.

Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник МАЭ. Т. 11. М. ; Л. : Акад. Наук СССР, 1949. С. 335–375.

Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 18. М. ; Л. : Акад. Наук СССР, 1952. С. 88–107.

Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник МАЭ. Т. 20. М. ; Л. : Акад. Наук СССР, 1961. С. 54–74.

Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л. : Наука, 1976. С. 106–128.

Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Сб. МАЭ, Т. 33. Л. : Наука, 1977. С. 66–79.

Прокофьева Е. Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л. : Наука, 1981. С. 42–68.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2005. 332 с.

Степанова О. Б. Медведь как образ матери-предка и души человека в традиционном мировоззрении селькупов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году. СПб. : МАЭ РАН, 2007. С. 206–215.

Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб. : Ethnographica Petropolitana, 2008. 304 с.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М. : Политиздат, 1990. 622 с.

Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб. : Тип. Безобразова, 1871. 316 с.

Ураев Р. А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Труды Томского государственного Областного Историко-архитектурного Музея. Т. 7. Томск : Изд-во ТГУ, 1994. С. 73–85.

REFERENCES

Gemuev I. N. *Nekotoryye aspekty kul'ta medvedya i ikh arkheologicheskiye paralleli* [Some aspects of the bear cult and their archaeological parallels]. In: *Uralo-altaistika. Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk* [Ural-Altaistics. Archeology. Ethnography. Language]. Novosibirsk : Nauka, Siberian Branch, 1985. S. 137–144 (in Russian).

Van Gennep A. *Obyady perekhoda* [Rites of passage]. Moscow : Vostochnaya literatura RAN, 1999. 198 s. (in Russian).

Golovnev A. V. *Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg : UrO RAN, 1995. 606 s. (in Russian).

Donner K. *U samoyedov Sibiri* [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk : Veter, 2008. 175 s. (in Russian).

Ivanov S. V. *Skul'ptura narodov Severa Sibiri XIX — pervoy poloviny XX v.* [Sculpture of the peoples of the North of Siberia XIX — the first half of the XX century]. Leningrad : Nauka, 1970. 296 s. (in Russian).

Kim A. A. *Ocherki po sel'kupskoy kul'tovoy leksike* [Essays on the Selkup cult vocabulary]. Tomsk : NTL Press, 1997. 219 s. (in Russian).

Kim A. A. *Relikty kul'ta medvedya u sel'kupov* [Relics of the bear cult among the Selkups]. In: *Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Bear in ancient and modern cultures

of Siberia]. Novosibirsk : Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2000. S. 40–43 (in Russian).

Krivoshapkin M. F. *Yeniseyskiy okrug i yego zhizn'* [Yenisei district and its life]. St. Petersburg : Imp. Rus. geogr. o-vo, na izhdivenii V. A. Kokoreva, 1865. 661 s. (in Russian).

Levi-Strauss K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow : Nauka, 1985. 536 s. (in Russian).

Maslov. *Brodyashchiye narody Turukhanskogo kraya. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Yeniseyskoy gubernii* [Wandering peoples of the Turukhansk region. An excerpt from the statistical notes of the Yenisei province]. Zavolzhskiy muravey. Kazan'. 1833. No. 9. S. 506–523 (in Russian).

Mifologiya sel'kupov. Seriya "Entsiklopediya ural'skikh mifologiy" [Mythology of the Selkup. Series "Encyclopedia of Ural mythologies"]. Tomsk : TGU, 2004. 380 s. (in Russian).

Ostrovskiyh P. E. *Baishenskiye ostyaki (ostyako-samoyedy) Turukhanskogo kraya v kontse 19 v.* [Baishen Ostyaks (Ostyak-Samoyeds) of Turukhansk Territory at the end of the 19th century]. Soviet North. No. 7–8. 1931. S. 161–181 (in Russian).

Pelikh G. I. *Proiskhozhdeniye sel'kupov* [The origin of the Selkups]. Tomsk : TGU, 1972. 421 s. (in Russian).

Pelikh G. I. *Shelab — krylatyy d'yavol (iz istorii sel'kupsКОЙ mifologii)* [Shelab — the winged devil (from the history of the Selkup mythology)]. In: *Voprosy etnokul'turnoy istorii narodov Zapadnoy Sibiri* [Issues of the ethnocultural history of the peoples of Western Siberia]. Tomsk : TSU, 1992. S. 76–91 (in Russian).

Pelikh G. I. *K voprosu o nganasanskom kul'te medveditsy ngarka* [On the issue of the Nganasan cult of the bear ngarka]. In: *Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroy mne ne zhit'* [My chosen one is science, science, without which I cannot live]. Barnaul : ASU, 1995. S. 152–160 (in Russian).

Pelikh G. I. *Sel'kupskaya mifologiya* [Selkup mythology]. Tomsk : TGU, 1998. 79 s. (in Russian).

Plotnikov A. F. *Narymskiy kray: istoriko-statisticheskiy ocherk* [Narym Territory: Historical and Statistical Essay]. In: *Zametki IRGO po otdeleniyu statistiki* [Notes of the IRGS on the Department of Statistics. T. 10. No. 1]. St. Petersburg : V. F. Kirshbaum Press, 1901. 366 s. (in Russian).

Prokofiev G. N. *Sel'kupskiy (ostyako-samoyedskiy) yazyk. Sel'kupskaya grammatika* [Selkup (Ostyak-Samoyed) language. Selkup grammar]. Leningrad : Institut narodov Severa CIK SSSR Publ. 1935. Part 1. 131 s. (in Russian).

Prokofieva E. D. *Kostyum sel'kupskogo (ostyako-samoyedskogo) shamana* [Costume of the Selkup (Ostyak-Samoyed) Shaman]. In: *Sbornik MAE*, Vol. 11. Moscow-Leningrad : Nauka, 1949. S. 335–375 (in Russian).

Prokofieva E. D. *K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya)* [To the question of the social organization of the Selkup (genus and phratry)]. In: *TIE. Novaya seriya*, Vol. 18. Moscow-Leningrad : Nauka, 1952. S. 88–107 (in Russian).

Prokofieva E. D. *Predstavleniya sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam sel'kupov)* [Representations of the Selkup shamans about the world (based on the drawings

and watercolors of the Selkup)]. In: *Sbornik MAE*, Vol. 20. Moscow-Leningrad : Nauka, 1961. S. 54–74 (in Russian).

Prokofieva E. D. *Staryye predstavleniya sel'kupov o mire* [Old representations of Selkups about the world]. In: *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and man in religious representations of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad : Nauka. 1976. S. 106–128 (in Russian).

Prokofieva E. D. *Nekotoryye religioznyye kul'ty tazovskikh sel'kupov* [Some religious cults of the Taz Selkup]. In: *Sbornik MAE*, Vol. 33. Leningrad : Nauka, 1977. S. 66–79 (in Russian).

Prokofieva E. D. *Materialy po shamanstvu sel'kupov* [Materials on the shamanism of the Selkups]. In: *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri* [Problems of the history of social consciousness of the natives of Siberia]. Leningrad : Nauka, 1981. S. 42–68 (in Russian).

Propp V. Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of fairy tales]. Moscow : Labyrinth, 2005. 332 s. (in Russian).

Stepanova O. B. *Medved' kak obraz materi-predka i dushi cheloveka v traditsionnom mirovozzrenii sel'kupov* [Bear as an image of an ancestral mother and a human soul in the traditional worldview of Selkup]. In: *Radlovskiy sbornik*. Sankt-Petersburg : MAE RAS, 2007. S. 206–215 (in Russian).

Stepanova O. B. *Traditsionnoye mirovozzreniye sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe* [The traditional worldview of the Selkups: ideas about the cycle of life and the soul]. St. Petersburg : Ethnographica Petropolitana, 2008. 304 s. (in Russian).

Tokarev S. A. *Ranniye formy religii* [Early forms of religion]. Moscow : Politizdat, 1990. 622 s. (in Russian).

Tret'yakov P. I. *Turukhanskiy kray, yego priroda i zhiteli* [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. Sankt-Petersburg : Bezobrazova Publ, 1871. 316 s. (in Russian).

Uraev R. A. *Materialy k shamanizmu tymskikh sel'kupov (po dannym ekspeditsii 1956g.)* [Materials on the shamanism of the Tym Selkups (according to the expedition of 1956)]. Proceedings of the Tomsk State Regional Historical and Architectural Museum. T. 7. Tomsk : TSU, 1994. S. 73–85 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 07.06.2022.

Принята к публикации 30.08.2022.

Дата публикации 30.09.2022.

УДК 39. 304.2

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–07

М. А. Рыблова*Южный научный центр РАН, Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Волгоград (Россия)*

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТРАДИЦИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ¹

В статье исследуются основные факторы, повлиявшие на процессы межэтнических и межкультурных коммуникаций на территории расселения донских казаков, и определяются их основные результаты. Исследование выполнено на основе метода сравнительного культурного анализа, при этом культурные процессы и межкультурные заимствования рассматриваются на общем историческом фоне заселения и колонизации Подонья. К основным факторам процессов межэтнических и межкультурных коммуникаций на Дону отнесены особенности территории их проживания, определяемые как фронтир и зона социальной аномии, а также традиция казакования, характерная для многих народов региона. С одной стороны, эти факторы способствовали активному взаимодействию разных народов, проживающих в Диком поле, с другой — не давали отдельным этническим группам замыкаться, способствуя постоянному творческому взаимообмену. Вместе с тем многие традиции донских казаков могут быть отнесены к так называемым культурным универсалиям, а не к результату культурных заимствований (например, особенности социальной организации, типы поселений и пр.). К числу основных результатов межэтнических коммуникаций в ранний период казачьей истории могут быть отнесены тюркские элементы в их традиционном жилище (курень, поземная система отопления), в мужской и женской одежде, пище и оружии. Активная колонизация края русским и украинским населением в XVII–XVIII вв. привела к появлению в казачьей культуре средне-и южнорусских и украинских элементов (типы жилищ, комплексы одежды, обрядность). Вместе с тем не находит никаких подтверждений мнение о том, что в обрядности донских казаков имели место северокавказские традиции.

Ключевые слова: донские казаки, межэтнические и межкультурные коммуникации, факторы фронта, социальной аномии и казакования, культурные заимствования.

Цитирование статьи:

Рыблова М. А. Культурные заимствования в традиции донских казаков // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 99–112. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–07.

¹ Работа выполнена в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2022 г. 0198–2021–0016 № гр. АААА-А20–120122990111–9.

M. A. Ryblova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd (Russia)

CULTURAL BORROWINGS IN THE TRADITION DON COSSACKS

The article sets the task of determining the main factors that influenced the processes of interethnic and intercultural communications on the territory of the settlement of the Don Cossacks, and determining the main results of these processes. The study was carried out using the method of comparative cultural analysis, while cultural processes and cross-cultural borrowings are considered against the general historical background of settlement and colonization of the Don region, starting from the Late Middle Ages and ending with the XVIII century, when the main composition of the Cossack population of the region was finally formed. The main factors of the processes of interethnic and intercultural communications on the Don include, first of all, the features of their living area, defined in the early period of Cossack history as a frontier and social anomie, as well as the tradition of Cossacks, characteristic of many peoples of the region. On the one hand, these factors contributed to the active interaction of different peoples living in the Wild Field, on the other hand, they did not allow individual ethnic groups to close themselves, contributing to constant creative interchange. At the same time, many traditions of the Don Cossacks can be attributed to the so-called cultural universals, and not to the result of cultural borrowings (for example, the presence of a general assembly, elected offices, types of settlements, etc.).

The main results of interethnic communications in the early period of Cossack history can be attributed to the Turkic elements in their traditional dwelling (kuren, ground heating system), men's and women's clothing, food and weapons. The active colonization of the region by the Russian and Ukrainian population in the XVII–XVIII centuries led to the appearance of Middle and South Russian and Ukrainian elements in the Cossack culture (types of dwellings, clothing complexes, rituals). At the same time, there is no confirmation of the opinion that North Caucasian traditions took place in the rites of the Don Cossacks.

Keywords: Don Cossacks, interethnic and intercultural communication, factors of the frontier, social anomie and Cossacks, cultural borrowings.

For citation:

Ryblova M. A. Cultural borrowings in the tradition don Cossacks. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 3. P. 99–112. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–07.

М. А. Рыблова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН, профессор Волгоградского государственного института искусств и культуры. Волгоград (Россия). **Адрес для контактов:** ryblova@mail.ru.

M. A. Ryblova — Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Volgograd, Volgograd State Institute of Arts and Cultures, Volgograd (Russia). **Contact address:** ryblova@mail.ru. <http://orcid.org/0000-0003-1451-2579>.

Введение

Традиционная культура донских казаков уже в течение многих лет привлекает внимание представителей разных наук: истории, этнографии, этнолингвистики, фольклористики. К настоящему времени можно говорить о достаточно высокой степени научной проработки самых разных аспектов казачьей культуры, в том числе и связанных с выявлением отдельных иноэтничных элементов в их традиции [Рыблова, 2002; Логинов, 2003, 2008, Крайсветный, 2996]. Однако до настоящего времени нет ни одной работы, посвященной общему анализу заимствований в донской казачьей культуре и выявлению факторов их возникновения, в то время как именно эти процессы были положены в основу формирования донских казаков как особой этносоциальной группы.

Поиски иноэтничных элементов в традиционной казачьей культуре и использование их в качестве аргумента происхождения донских казаков от тюркских или северокавказских народов остаются характерной чертой как современных околонучных изысканий, так и некоторых научных работ [Абдиров, 2002; Крайсветный, 2006; Фалалеев, 2011]. Это обстоятельство также актуализирует проблему межэтнических и межкультурных заимствований в традиции донских казаков.

В настоящей статье будут выявлены основные факторы, повлиявшие на процессы межэтнических и межкультурных коммуникаций на территории расселения донских казаков, и определены их основные результаты в духовной и материальной культуре. При этом останутся вне поля настоящего исследования проблемы влияния на культуру донских казаков официальных государственных структур и городской среды, тем более, что отдельные аспекты этой темы уже были рассмотрены Т. С. Рудиченко [2019].

Исследование выполнено с применением метода сравнительного культурного анализа на основе уже имеющихся публикаций по культурным традициям донских казаков, а также личных наработок и полевых материалов автора статьи, собранных в 1983–2008 гг. При этом культурные процессы и межкультурные заимствования будут рассматриваться на общем историческом фоне заселения и колонизации Подонья, начиная с позднего Средневековья и заканчивая XVIII в., когда окончательно сформировался основной состав казачьего населения региона.

Фактор фронта в межэтнических коммуникациях на Дону

Наличие в культуре донских казаков значительного количества иноэтничных элементов связано в первую очередь с обстоятельствами и условиями формирования донцов в Диком поле. Диким полем русские письменные источники (летописи, разрядные книги) XV–XVI вв. называли лесостепные и степные пространства, северным рубежом которых была Ока, а южные пределы определяли сначала Рыльск и Путивль, а позднее (с конца XVI в.) — Курск, Белгород, Оскол, Царев-Борисов, Шацк [Платонов, 1937: 86–91]. После распада Золотой Орды эта территория оставалась неподконтрольной соседним государствам, а население было немногочисленным и пестрым в этническом отношении.

Исторически сложилось так, что Дикое Поле долгое время было также некой буферной зоной между степью и лесом, кочевниками и славянами, христианством и мусульманством. При этом границы «буфера» были размытыми, и это обстоятельство дало

основание исследователям относить его к так называемым фронтирным территориям. Термином «фронтир», впервые введенным в научный оборот Ф. Тернером [Тернер, 2009: 1–38], ученые обозначают территории, обладающие подвижными и как бы «пористыми» границами, которые не только разъединяют, но и соединяют приграничные зоны, способствуя взаимопроникновению разных культурных традиций, расположенных по обе стороны такой границы.

Наиболее отчетливо результаты межэтнических заимствований просматриваются в комплексах традиционной одежды донских казаков и оружия. О смешении разных традиций в мужском костюме казаков уже писали многие исследователи — и дореволюционные [Сухоруков, 1891: 114], и современные [Маслова, 1956: 636, 684; Логинов, 2003], отмечая наличие восточнославянских, турецких, татарских, польских, северокавказских и калмыцких элементов. В женском костюме смешение элементов разных этнических традиций в наибольшей степени представлено комплексом одежды низовых казачек, в котором сочетались имеющие восточные корни кубелек и шаровары и русские головные уборы — повойник и рогатая кичка [Маслова, 1956: 673].

Результатом влияния тюркских традиций следует считать и появление у донских казаков такого типа жилища, как курень. Курени не вписываются в восточнославянскую традицию, так как их внутренняя планировка была основана на расположении русской печи в центре — в отличие от диагональной планировки жилищ восточнославянских народов (с расположением печи в одном из углов и красного угла — строго по диагонали от печного устья). Показательно и то, что распространены курени были не на всей территории расселения донских казаков, а лишь в поселениях, расположенных ниже устья реки Медведицы. Выше этого рубежа казачьи жилища сооружались по восточнославянскому принципу: имели диагональную планировку (севернорусский и реже — южнорусский варианты) [Рыблова, 2002: 185–192, 235]. Это обстоятельство можно объяснить тесными контактами низовых казаков с тюркоязычными народами, а верховых — с русским населением приграничных территорий, откуда шла миграция на Дон.

Однако и в русском по планировке жилище донских казаков удалось обнаружить элемент, также в эту традицию не вписывающийся. В этнографических экспедициях 1980-х гг. нами была зафиксирована и подробно описана своеобразная система отопления, бытовавшая у верховых казаков и сооружавшаяся в жилищах русского типа. Мы назвали эту отопительную систему поземной, так как ее основу составляли: маленькая печка из сырцового кирпича, сооруженная в углу у входа, русская печь, стоявшая в противоположном от входа углу и вырытый в толще земляного пола дымоход (часто обложенный сырцовым кирпичом), соединяющий обе печи. Мне уже приходилось высказывать и обосновывать мысль о том, что такая система отопления была связана с монгольскими каналами, проникла в Нижнее Поволжье и Подонье в период монголо-татарского нашествия и закрепилась у местного населения [Материалы, 1987; Рыблова, 2002: 46–48, 159–160]. То обстоятельство, что поземная система отопления проникла в русское жилище верховых донских казаков, может свидетельствовать о том, что и на Хопре (именно там она была зафиксирована) также имели место тесные контакты между русскими и татарами, тем более, что имеются свидетельства исторических источни-

ков о случаях совместного их проживания в пределах одного городка или в непосредственной близости [П., 1883].

К результатам межэтнических коммуникаций, активно проходящих на фронтирной территории казачьего Дона (в силу «пористости» ее границ), могут быть отнесены также многие элементы народной кухни донцов, связанные с самыми разными культурными традициями (*бурсаки, арьян, сюзьма, дулма, пилов, каймак, нардек* и др.).

Вместе с тем, попытки некоторых исследователей найти в духовной культуре донских казаков элементы тюркской или северокавказской традиций, как правило, не подтверждаются. Так, авторы учебника для высших учебных заведений, отметив, что многие обряды донских казаков напоминают обрядность северокавказских народов, в качестве примера дали описание родильного обряда у донских казаков. При этом сам обряд, действительно, полностью соответствует обычаям горцев (переселение женщины за месяц до родов в дом родителей, возвращение ее обратно с притороченной люлькой мальчика к седлу лошади, сбор родственников при внесении люльки в дом и пр.) [История донского казачества, 2008: 268]. Проблема заключается, однако, в том, что описанный обряд не имеет отношения к донскому казачеству: в распоряжении ученых нет никаких подтверждений его бытования.

Вместе с тем в качестве примера проникновения в культуру донских казаков восточных элементов можно привести традицию низовых казачек пить кофе, известную еще по источникам XVII в. и имевшую обрядовый характер: женщины собирались ежедневно в 12 часов дня небольшими компаниями, превращая питье кофе в женские посиделки-беседы [Полевые записи автора, 2011]. Исследователи связывали эту традицию как с турецким происхождением первых казачьих жен, так и с ранним развитием в Приазовье рынка восточных товаров [Социально-исторический портрет, 2012: 195].

Фактор «социальной аномии» и традиция «казачкования»

Фронтирные территории также определяются некоторыми исследователями и как зоны культурного и социального вакуума, социальной аномии [Munch, 1974] или «семантической пустоты» [Щепанская 1995: 231–232]. Главная их особенность заключается в том, что они находятся вне юрисдикции и социокультурного диктата приграничных государств, а также нередко и вне зоны их контроля. И в таком случае перед теми, кто рисковал осваивать территории «социального вакуума», открывались заманчивые (хотя и не всегда безопасные) перспективы осуществления некоего социального эксперимента, связанного с отбором и применением в новых условиях «социальной пустоты» того, что невозможно было осуществить в местах так называемого исхода.

Применительно к донским казакам можно говорить о том, что они уходили на территорию «социального и культурного вакуума», лелея надежду на то, что там смогут приступить к созданию такой социокультурной модели, которая коренным образом отличалась бы от оставленной дома. Составной частью такого социокультурного эксперимента был сознательный отбор членами казачьих сообществ тех культурных традиций (расположенных по разные стороны границы), которые в наибольшей степени способствовали их выживанию в экстремальных условиях Дикого поля (бывшего в ранний период казачьей истории территорией постоянной войны), а также соответство-

вали их социальному идеалу — вольных казачьих сообществ. Традиция «казакования» не могла не повлиять на идущие в Диком поле процессы межкультурных коммуникаций.

Советскими и российскими учеными давно доказано, что донское казачество формировалось не из беглых холопов и крепостных крестьян, а из представителей военных категорий населения Руси и сопредельных территорий. Создаваемые ими сообщества представляли собой мужские военизированные организации, а сам тип таких организаций был широко распространен во многих традициях: европейских, тюркских, северокавказских (ср. *полевание* у русских, *наездничество* у кавказских горцев, *казаклык* (казакование) у тюркских народов). Это обстоятельство, в свою очередь, открывало возможности для широкого заимствования такими сообществами друг у друга социальных и культурных форм: военной и социальной организации, оружия, методов и способов ведения войн (на море и суше) и пр.

Вместе с тем нужно понимать, что некоторые черты военизированных сообществ (казачьих и близких к ним) могут быть отнесены к так называемым культурным универсалиям. Многие социальные формы и культурные элементы такие сообщества не заимствовали, а возрождали в ходе того самого «социального эксперимента», обращаясь к опыту архаики. Речь идет в первую очередь об элементах так называемой военной демократии, многие черты которой были универсальными: например, военизированный образ жизни, наличие общего собрания членов организации, выборность должностных лиц и пр. Это обстоятельство необходимо учитывать при попытках найти социокультурные аналогии традиций донских казаков в северокавказской или тюркской среде.

Так, некоторые исследователи настойчиво ищут истоки происхождения донских казаков в среде народов Северного Кавказа или Великой Степи, опираясь на такой аргумент, как наличие определенных сходств в социальной или культурной сферах жизни тех и других [Крайсветный, 2006]. Между тем, наличие сходных элементов (в первую очередь связанных с особенностями социальной организации) у казаков, например у черкесов (адыгов), можно объяснить отнюдь не происхождением первых от последних, а тем, что у разных народов существовали мужские военизированные союзы и традиции казакования.

И в таком случае, попытки связать демократические традиции казачьих сообществ Дона (наличие общего собрания членов сообщества, выборность всех должностных лиц, возможность смещения предводителей по решению собрания и пр.), например, с адыгскими мужскими союзами [Крайсветный, 2006], может оказаться не столь уж убедительной. Все эти элементы (вплоть до выборности двух предводителей — для мирного времени и на период военного похода) известны у массы народов обширного евразийского пространства, а также у коренных народов Северной Америки, находящихся на стадии так называемой военной демократии. Речь в данном случае, скорее всего, должна идти не о культурных заимствованиях, а о культурных универсалиях.

То же самое можно сказать и о высоком статусе стариков в донских казачьих сообществах, отличным от положения стариков в русских крестьянских общинах и семьях, где они после снятия с себя функций «большаков» (глав семей) часто оказывались в подчиненном положении [Рыблова, 2007: 216–222]. Вполне возможно, что и в данной

ситуации мы имеем дело с культурной универсалией, а не с прямым заимствованием казаками культурного опыта северокавказских или тюркских народов. Так, Ю. Ю. Карпов на материалах Северного Кавказа писал о том, что опыт стариков оказывался особенно востребованным именно в молодежных мужских организациях (союзах) [Карпов, 1996: 136–142].

Скорее всего, именно к числу таких культурных универсалий может быть отнесена и круглая (или приближенная к кругу) форма ранних поселений донских казаков [Рыблова, 2002: 35–37]. Круговые (куренные) поселения были известны многим народам древности и Средневековья: аланам, печенегам, половцам, монголам [Типы традиционного жилища, 1968: 286], народам Северного Кавказа [Карпов, 1996: 65] и были связаны с сообществами, имевшими социальную структуру, предполагавшую относительное равенство ее членов. По такому же (куренному) принципу была создана Запорожская Сечь. И в таком случае речь должна идти не столько об этнических, сколько о социальных истоках структуры ранних казачьих городков. Именно такая модель идеально соответствовала принципам равенства и братства, определявшим жизнь мужских казачьих союзов в ранний период их истории. Позднее, с усилением социальной неоднородности казачества, этот принцип строения их поселений будет изменен.

Особенности колонизации края и влияние общерусских традиций

Существенную роль в налаживании особых межэтнических отношений на Дону сыграла и специфика освоения и заселения его в XVII–XVIII вв. русским и украинским населением. Историки уже воссоздали картину постепенного заселения Донского края в это время, показав основные направления колонизации и выделив ее этапы [Пронштейн, 1961; Рябов, 1988; Мининков, 1992, 1998]. Так, уже на рубеже XV–XVI вв. на Дон стали продвигаться выходцы из Великого княжества Рязанского. В начале XVII в. сюда устремляется миграционный поток из различных, порой значительно удаленных от Донской земли, уездов — Костромского, Ярославского, Каширского и др. [Рябов, 1988: 16]. После подавления движения под предводительством С. Разина стало расти число переселенцев из южных уездов страны, граничащих с землями донских казаков, которые шли теперь уже большими группами, со скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Заселение Дона в XVIII в. шло преимущественно из Воронежской, Тамбовской Рязанской, Пензенской, Нижегородской, Курской и Орловской земель [Пронштейн, 1961: 41].

С XVII в. общины донских казаков пополнялись также за счет выходцев из Украины — украинских крестьян и запорожских казаков. Их массовое переселение на Дон началось после освободительной войны 1648–1654 гг. и продолжалось непрерывно в течение всего XVII в.

Таким образом, в формировании донских казаков в XVII–XVIII вв. приняли участие преимущественно выходцы из средне- и южнорусских губерний. Именно их традиции в наибольшей степени будут проявлены впоследствии в культуре донских верховых казаков. Некоторое украинское влияние исследователи обнаруживают и у верховых, и (особенно) у низовых казаков. У верховых казаков средне- и южнорусские традиции в наибольшей степени обнаруживаются в типах жилищ. Здесь были распростра-

нены такие типы жилищ, как *хаты*, *протяжные хаты*, *пятистенки* и другие с южно- и среднерусской внутренней планировкой.

Южно- и среднерусские русские традиции отмечены также в комплексах женской одежды (с поневой, сарафаном, сукманом и юбкой). Так, распространенный у донских казаков комплекс с поневой имеет южнорусское происхождение. А сарафаны донских казаков относятся к так называемому московскому (среднерусскому) типу [Яковлев, 1916: 57]. По мнению этнографов, вместе с волнами украинских и южнорусских групп населения, вошедших в состав казачества, на Дон, Нижнее Поволжье и Кубань проникла и полосатая юбка-*андарак* [Лебедева, Маслова, 1967: 200]. При этом в качестве нательной одежды у верховых казаков были распространены типично великорусские рубахи: с плечевыми вставками-*поликами* и характерной вышивкой [Богачев, 1919: 465]. Типичными чертами нательных рубах казаков-мужчин был их туникообразный (архаичный) крой и горловой разрез не сбоку, а посередине. При этом в верхней одежде казаков по-прежнему сохранялись иноэтничные по происхождению элементы одежды (*азям*, *архалук* и др.). Влияние северокавказской традиции было проявлено в первую очередь в широко используемых казаками видах холодного оружия.

Материалы по свадебной обрядности донских казаков и сопоставление их с традициями других территорий России показывают, что донская свадьба имеет южнорусскую основу. По оценке специалиста по донской свадебной обрядности Т. Е. Гревцовой, она соотносится с основными местами исхода переселенцев на Дон в XVII–XVIII вв. Значительное влияние на нижнедонские обряды оказали традиции малороссийских крестьян, при этом украинские элементы проникали и в районы Среднего и Верхнего Дона. Отдельные черты локальных вариантов донской свадьбы обнаруживают параллели и со свадебными традициями Русского Севера.

Значительное число южнорусских элементов, а также некоторое количество украинских обнаруживается и в календарной обрядности донских казаков. Будучи чрезвычайно самобытной, связанной с воинскими традициями, в той части, которая в большей степени соотносилась с разными женскими возрастными группами, она демонстрирует устойчивую южнорусскую основу: святочные обходы домов, весенне-летние хороводы, троичские кумления девушек, обрядовый фольклор и пр. По всей видимости, украинские корни имел обряд Проводов Фомы, совершаемый казаками в понедельник Фоминой недели и обнаруживающий множество параллелей с обрядом «ловить Хаму», известным в украинских селениях Нижнего Поволжья [Рыблова, 2016: 100–112].

Говоря о культурных влияниях, обнаруживаемых в духовной культуре донских казаков, нельзя не упомянуть мнение М. И. Крайсветного о том, что на Дону был распространен культ груши-дички, заимствованный казаками у адыгов и связанный с языческим божеством Сеозересом [Крайсветный]. Однако, несмотря на то, что груша-дичка на Дону росла повсеместно, она никогда не была связана с каким-либо ее почитанием, наличием обрядовых действий, которые могли бы свидетельствовать о наличии ее культа. Кроме того, не соответствует действительности и утверждение исследователя о том, что груша никогда не упоминалась в связи с обычаями восточных славян. Образ груши/грушицы, не имеющий никакого отношения к мужскому языческому божеству,

а символически связанный с девушкой-невестой, хорошо известен и у донских казаков (например, некрасовцев) [Песенное наследие], и в общерусской традиции [Золотые россыпи, 2009: 282–283].

Заключение

Таким образом, к основным факторам процессов межэтнических и межкультурных коммуникаций, активно проходивших на территории расселения донских казаков вплоть до конца XVIII в., могут быть отнесены в первую очередь особенности зоны их проживания, определяемые в ранний период казачьей истории как фронт и социальная аномия. С одной стороны, эти факторы способствовали активному взаимодействию разных, проживающих в Диком поле народов, с другой — не давали отдельным этническим группам замыкаться «в себе», способствуя постоянному творческому взаимодействию. То обстоятельство, что Дикое поле долгое время не контролировалось ни одним из расположенных по разные его стороны государств, давала его обитателям возможность осуществления своеобразного социального эксперимента, основанного на построении здесь таких организаций, которые отвечали духу воинского братства и традициям казачества.

Сама по себе традиция казачества предполагала возврат к социальной архаике и возрождение норм и принципов так называемой военной демократии, что обусловило наличие многих общих черт у разных народов, населявших в Позднее Средневековье Дикое поле и сопредельные территории. Далеко не всегда эти принципы и элементы были связаны с прямым заимствованием, например, наличие общего собрания, выборных должностей и пр.), а могут быть отнесены к культурным универсалиям. Универсальным, связанным с особенностями социальной организации, можно назвать и концентрический (куренной) тип построения ранних казачьих поселений (городков), известный также у многих соседних народов, и сами принципы построения донского казачьего братства.

К числу основных результатов межэтнических коммуникаций в ранний период казачьей истории могут быть отнесены тюркские элементы в их традиционном жилище (курень, поземная система отопления), мужской и женской одежде, пище и оружии.

Активная колонизация края русским и украинским населением в XVII–XVIII вв. привела к появлению в казачьей культуре средне- и южнорусских и украинских элементов. Так, наряду с куренем на Дону (выше устья Медведицы) получили распространение русские типы жилищ (хаты, пятистенки и пр.), распространились комплексы одежды, характерные для средней полосы и юга России. Южнорусские элементы стали преобладающими в свадебной и календарной обрядности донских казаков. При этом свадебный обряд включал в себя также отдельные северно-русские и украинские элементы. Вместе с тем не находит никаких подтверждений мнение о том, что в обрядности донских казаков имели место северокавказские традиции.

Благодарности

Благодарю Т. Е. Гревцову за консультацию и предоставленные результаты своего исследования свадебного обряда донских казаков.

Библиографический список

Абдиров М. Ж. Казачество как этносоциальный феномен тюркского мира Евразии // Евразия на стыке веков : материалы Международного симпозиума. Астана, 2002. С. 111–115.

Богачев В. В. Очерки географии Всевеликого войска Донского. Новочеркасск, 1919. 537 с.

Золотые россыпи народной песни России. Красноярск : Буква С, 2009. 214 с.

История Донского казачества: учебник для студентов высших учебных заведений. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2008. 464 с.

Казачий Дон. Очерки истории. Ч. II. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ОБИУУ, 1995. 208 с.

Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. СПб., 1996. 312 с.

Крайсветный М. Культ груши-дички в мировоззрении донского казачества. URL: <http://www/donrise.ru> (дата обращения: 24.05.2022).

Крайсветный М. И. Элементы культуры северокавказских народов в культуре Донского казачества // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе: тезисы докладов Международной научной конференции. Ростов-на-Дону : ЦВВР, 2006. С. 52–56.

Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 193–267.

Логинов А. Н. «Тюркская струя» в традиционной одежде донских казаков в XVI–XVIII вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы VI Международной конференции. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. С. 23–30.

Логинов А. Н. Костюм донского казачества в XVI–XIX веках. Волгоград : ПринТерра, 2008, 40 с.

Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 543–767.

Материалы Этнографической экспедиции ВолГУ. 1987. Т. 1. С. 34–67.

Мининков Н. А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов-на-Дону, 1992, 165 с.

Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1998. 512 с.

П. Памятники старины // Казачий вестник. 1883. №2.

Песенное наследие некрасовской казачки Анастасии Захаровны Никулушкиной из поселка Новокумский Левокумского р-на Ставропольского края. URL: <http://www.culture.ru> (дата обращения: 24.05.2022).

Платонов С. Ф. Очерки истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков. М. : Соцэкгиз, 1937. 506 с.

Полевые записи автора 2011 г. в хут. Донском Азовского р-на Ростовской обл.

Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону : Изд-во. Ростовского ун-та, 1961, 276 с.

Рудиченко Т. С. Искусство в процессе интеграции Войска Донского в Российское государство // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 215–223.

Рыблова М. А. Календарные праздники донских казаков. 2-е изд. испр. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. 168 с.

Рыблова М. А. Статья воином. Традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград: Изд-во ВолГУ ; Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016, 280 с.

Рыблова М. А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. 242 с.

Рыблова М. А. Экстремалы Дикого поля: основные этапы жизненного пути казака-воина // Мужчина в экстремальной ситуации. М. : Индрик, 2007. С. 207–222.

Рябов С. И. История родного края XVI–XIX вв. Волгоград, 1988, 141 с.

Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской / Г. Г. Машишов, Т. Ю. Власкина, А. В. Венков, Н. А. Власкина. Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2012. 216 с.

Сухоруков В. Д. Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск, 1891. 301 с.

Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М. : Весь мир, 2009. 303 с.

Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968. 245 с.

Фалалеев А. В. Земля Войска Донского и империя. Т. 1: Государственные начала донских казаков (политогенез на территории Поля-Подонья, конец XV–XVII вв.). Волгоград : Издатель, 2011. 246 с.

Щепанская Т. Б. Странные лидеры. О некоторых традициях социального управления у русских // Этнические аспекты власти. СПб., 1995. С. 211–240.

Яковлев Н. Материалы по одежде донских казаков // Этнографическое обозрение. 1916. № 1. С. 53–58.

Munch P. A. Anarchy and anomie in an atomistic community // *Man*. 1974. Vol. 9. N 2. S. 243–261.

REFERENCES

Abdirov M. Zh. Kazachestvo kak etnosocial'nyj fenomen tyurkского mira Evrazii [Cossacks as an Ethnosocial phenomenon of the Turkic World of Eurasia]. *Evraziya na styke vekov. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Eurasia at the turn of the century. Materials of the international symposium]. Astana, 2002. S. 111–115 (in Russian).

Bogachev V. V. *Ocherki geografii Vsevelikogo vojska Donskogo* [Essays on the geography of the All-Great Don Army]. Novoчеркасск, 1919, 537 s. (in Russian).

Zolotyie rossypi narodnoj pesni Rossii [Golden Placers of Russian Folk Song]. Krasnoyarsk : Izd-vo BukvaS, 2009, 214 s. (in Russian).

Istoriya donskogo kazachestva. Uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij [The history of the Don Cossacks. Textbook for students of higher educational institutions]. Rostvo-na-Donu : Izd-vo YuFU, 2008, 464 s. (in Russian).

Kazachij Don. Oчерki istorii [Cossack Don. Essays on history]. Ch. II. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo OBIUU, 1995, 208 s. (in Russian).

Karpov Yu. Yu. *Dzhigit i volk* [The Horseman and the Wolf]. SPb., 1996. 312 s. (in Russian).

Krajsvetnyj M. *Kul't grushi-dichki v mirovozzrenii donskogo kazachestva* [The cult of the wild pear in the worldview of the Don Cossacks]. URL: [http:// www/ donrise.ru](http://www.donrise.ru). 24.05.2022 (in Russian).

Krajsvetnyj M. I. *Elementy kul'tury severokavkazskih narodov v kul'ture donskogo kazachestva* [Elements of the culture of the North Caucasian peoples in the culture of the Don Cossacks]. *Kazachestvo v yuzhnoj politike Rossii v Prichernomorskom regione. Tezisy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Cossacks in the southern policy of Russia in the Black Sea region. Abstracts of the International scientific conference]. Rostov-na-Donu : Izdatel'stvo «CVVR», 2006. S. 52–56 (in Russian).

Lebedeva N. I., Maslova G. S. *Russkaya krest'yanskaya odezhda XIX — nachala XX v.* [Russian peasant clothing of the XIX — early XX century]. *Russkie. Istoriko-etnograficheskij atlas* [Russians. Historical and Ethnographic Atlas]. M., 1967. S. 193–267 (in Russian).

Loginov A. N. “Tyurkskaya struya” v tradicionnoj odezhde donskih kazakov v XVI–XVIII vv. [The “Turkic stream” in the traditional dress of the Don Cossacks in the XVI–XVIII centuries]. *Rossiya i Vostok: problemy vzaimodejstviya : Materialy VI Mezhdunar. konf.* [Russia and the East: Problems of interaction: Materials of the VI International Conference]. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2003. S. 23–30 (in Russian).

Loginov A. N. *Kostyum donskogo kazachestva v XVI–XIX vekah* [Costume of the Don Cossacks in the XVI–XIX centuries]. Volgograd : Izd-vo PrinTerra, 2008. 40 s. (in Russian).

Maslova G. S. *Narodnaya odezhda russkih, ukraincev i belorusov v XIX nachale XX v.* [Folk clothes of Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX — early XX century]. *Vostochnoslavjanskij etnograficheskij sbornik. Oчерki narodnoj material'noj kul'tury russkih, ukraincev i belorusov v XIX — nachale XX v.* [East Slavic ethnographic collection. Essays on the folk material culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX — early XX century]. Moskva : Izd-vo Akademii nauk SSSR. S. 543–767 (in Russian).

Materialy Etnograficheskoy ekspedicii VolGU [Materials of the Ethnographic expedition of the VolGU], 1987. T. 1. S. 34–67 (in Russian).

Mininkov N. A. *Donskoe kazachestvo na zare svoej istorii* [Don Cossacks at the dawn of their history]. Rostov-na-Donu, b. izd., 1992. 165 s. (in Russian).

Mininkov N. A. *Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego Srednevekov'ya*. [Don Cossacks in the Late Middle Ages] Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1998, 512 s. (in Russian).

P. Pamyatniki stariny [Monuments of antiquity] // *Kazachij vestnik* [Cossack Messenger]. 1883. № 2 (in Russian). 506 p.

Pesennoe nasledie nekrasovskoj kazachki Anastasii Zaharovny Nikulushkinoj iz poselka Novokumskij Levokumskogo r-na Stavropol'skogo kraya [The song heritage of the Nekrasov Cossack Anastasia Zakharovna Nikulushkina from the village of Novokumsky in the Levokumsky district of the Stavropol Territory]. URL: [http:// www. culture.ru](http://www.culture.ru). 24.05.2022 (in Russian).

Platonov S. F. *Ocherki istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vekov* [Essays on the history of the Troubles in the Moscow state of the XVI–XVII centuries]. M. : Socekgiz, 1937. 506 s. (in Russian).

Polevye zapisi avtora 2011 g. v hut. Donskom Azovskogo r-na Rostovskoj obl. [Field notes of the author 2011 in hut. Donskoy of the Azov district of the Rostov region] (in Russian).

Pronshtejn A. P. *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [Don Land in the XVIII century]. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1961, 276 s. (in Russian).

Rudichenko T. S. *Iskusstvo v processe integracii Vojska Donskogo v Rossijskoe gosudarstvo* [Art in the process of integrating the Don Army into the Russian state]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relations]. 2019. T. 24. № 4. S. 215–223 (in Russian).

Ryblova M. A. *Kalendarnye prazdniki donskih kazakov* [Calendar holidays of the Don Cossacks]. 2-e izd. ispr. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2016, 168 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Stat' voynom. Tradicii socializacii yunoshej i podgotovki voinov v donskoj kazach'ej obshchine* [Become a warrior. Traditions of socialization of young men and training of soldiers in the Don Cossack community]. Volgograd : Izd-vo VolGU; Rostov-na-Donu : Izd-vo YUNC RAN, 2016. 280 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Tradicionnye poseleniya i zhilishcha donskih kazakov* [Traditional settlements and dwellings of the Don Cossacks] Volgograd : Izd-vo VolGU, 2002. 242 s. (in Russian).

Ryblova M. A. *Ekstremaly dikogo polya: osnovnye etapy zhiznennogo puti kazaka-voina* [Wild field extremals: the main stages of the Cossack warrior's life path]. *Muzhchina v ekstremal'noj situacii* [A man in an extreme situation]. M. : Izd-vo "Indrik", 2007. S. 207–222 (in Russian).

Ryabov S. I. *Istorija rodnogo kraya XVI–XIX vv* [The history of the native land of the XVI–XIX centuries]. Volgograd, 1988, 141 s. (in Russian).

Social'no-istoricheskij portret del'ty Dona: kazachij hutor Donskoj [Socio-historical portrait of the Don Delta: Donskoy Cossack farm] / G. G. Matishov, T. YU. Vlaskina, A. V. Venkov, N. A. Vlaskina. Rostov-na-Donu : Izd-vo YUNC RAN, 2012, 216 s. (in Russian).

Suhorukov V. D. *Statisticheskoe opisanie Zemli donskih kazakov, sostavlennoe v 1822–32 godah* [Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in 1822–32]. Novocherkassk, 1891, 301 s. (in Russian).

Turner F. Dzh. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American History]. M. : Ves' mir, 2009. 303 s. (in Russian).

Tipy sel'skogo zhilishcha v stranah zarubezhnoj Evropy [Types of rural housing in foreign European countries]. M., 1968. 245 s. (in Russian).

Falaleev A. V. *Zemlya Vojska Donskogo i imperiya. T. 1. Gosudarstvennye nachala donskih kazakov (politogenez na territorii Polya-Podon'ya konec XV–XVII vv.)* [The land of the Don Army and the Empire. Vol. 1. The state beginnings of the Don Cossacks (politogenesis on the territory of the Field of the Don region at the end of the XV–XVII centuries.)]. Volgograd : Izdatel', 2011. 246 s. (in Russian).

Shchepanskaya T. B. Strannye lidery. O nekotoryh traditsiyah social'nogo upravleniya u russkih [Strange leaders. About some traditions of social management among Russians]. *Etnicheskie aspekty vlasti* [Ethnic aspects of power]. SPb., 1995. S. 211–240 (in Russian).

Yakovlev N. Materialy po odezhde donskih kazakov [Materials on the clothing of the Don Cossacks]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1916. № 1. S. 53–58 (in Russian).

Munch P. A. Anarchi and anomie in an atomistic community. Man. 1974. Vol. 9. N 2. S. 243–261 (in English).

Статья поступила в редакцию: 25.04.2022.

Принята к публикации 30.08.2022.

Дата публикации 30.09.2022.

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 93

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–08

В. Н. Ильин

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул (Россия)

РОССИЙСКАЯ АНТИСТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА 1666–1906 гг.

На основе историко-генетического метода автором был изучен значительный период в истории России. 240 лет государственно-конфессиональной политики, направленной на реинтеграцию староверов в состав официальной Русской православной церкви, вошли в историю под лозунгом «борьбы с расколом». Методы и средства этой борьбы имели различный характер: от откровенного насилия (включая смертную казнь) до миссионерских способов «вразумления», включая даже уникальный церковный эксперимент под названием «единоверие».

В период правления Петра I была сформирована система «противораскольнического» законодательства. Староверы впервые получили возможность легальной регистрации через двойной подушный оклад. Однако главная цель государственно-конфессиональной политики в решении «старообрядческой проблемы» сводилась к ликвидации старообрядчества как нежелательной социально-религиозной общности, но при этом с извлечением фискальной выгоды для имперского политического режима.

Правовые послабления в период правления Екатерины II и второй половины XIX в. имели противоречивый характер, были половинчаты и представляли собой лишь незначительные уступки, вызванные сложившимися обстоятельствами. Несмотря на относительную лояльность со стороны имперских властей, староверы по-прежнему воспринимались как «раскольники», «сектанты», «еретики» и «государственные преступники».

Проведенное автором исследование позволяет сделать вывод, что на протяжении 240 лет существовала неизменная по своей цели антистарообрядческая государственно-конфессиональная парадигма Российских властей.

Ключевые слова: Старообрядчество, церковный раскол, раскольники, государственно-конфессиональная политика, Российская империя.

Цитирование статьи:

Ильин В. Н. Российская антистарообрядческая государственно-конфессиональная парадигма 1666–1906 гг. // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 113–121. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–08.

V. N. Ilyin

Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Barnaul (Russia)

RUSSIAN ANTI-OLD BELIEVER STATE-CONFESSIONAL PARADIGM OF 1666–1906

On the basis of the historical-genetic method, the author studied a significant period in the history of Russia. 240 years of state-confessional policy aimed at reintegrating Old Believers into the official Russian Orthodox Church have gone down in history under the slogan of “fighting schism.” The methods and means of this struggle were of a different nature: from outright violence (including the death penalty) to missionary methods of “admonishing”, including even a unique church experiment called “common faith.”

During the reign of Peter I, a system of “anti-schismatic” legislation was formed. For the first time, the Old Believers were able to legally register through a double capitation salary. However, the main goal of the state-confessional policy in solving the “Old Believer problem” was reduced to the elimination of the Old Believers as an undesirable social and religious community, but at the same time with the extraction of fiscal benefits for the imperial political regime.

Legal indulgences during the reign of Catherine II and the second half of the 19th century. were controversial, were half-hearted and represented only minor concessions caused by the prevailing circumstances. Despite the relative loyalty of the imperial authorities, the Old Believers were still perceived as “schismatics”, “sectarians”, “heretics” and “state criminals”.

The research carried out by the author allows us to conclude that for 240 years there has been an unchanging anti-Old Believer political and legal paradigm of the Russian authorities.

Key words: Old Believers, church schism, schismatics, state-confessional policy, the Russian Empire.

For citation:

Ilyin V. N. Russian anti-Old Believer state-confessional paradigm of 1666–1906. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 2. P. 113–121. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–08.

Ильин Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Барнаул (Россия). Доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Барнаул (Россия).
Адрес для контактов: vse-ilin@mail.ru.

Ilyin Vsevolod Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА), Barnaul (Russia). Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Barnaul (Russia).
Contact address: vse-ilin@mail.ru.

Введение

Российская общественная мысль неоднократно обращалась к истории православия и церкви в целом. При этом отечественная историография затрагивала в основном вопросы официальной Русской православной церкви, другая же ветвь русской традиционной конфессии — старообрядчество, ставшее, надо сказать, весьма значимой частью нашей истории, долгое время оставалось в полной степени не изученной. Однако в последнее время старообрядчество как уникальное социальное явление вызывает все большее внимание со стороны исследователей разных областей наук. Тем не менее вопрос о характере взаимоотношений российской государственной власти и официальной церкви со старообрядчеством остается до сих пор одним из актуальных. Более глубокое понимание данного вопроса позволяет лучше представить двухвековой период отстаивания определенной частью русского населения своих религиозных и гражданских прав.

В условиях современной многоконфессиональной России вопрос свободы совести является первоочередным. Поэтому, на наш взгляд, тема позиции самого государства и официальной церкви по отношению к староверческой конфессии со времени объявления приверженцев «древлего благочестия» «церковными противниками» в 1660-е гг. и до утверждения Манифеста «О даровании населению гражданских прав» 1905 г. является актуальным.

Результат исследования

Юридически оформление церковного раскола произошло на Соборе 1666–1667 гг. Во время заседаний Собора царь Алексей Михайлович, осудив заблуждения защитников старого обряда, заявил, что от них следует очистить церковь, опираясь на авторитет четырех греческих патриархов — «адамантов». В своем выступлении епископ Иоаким от имени всех участников выразил согласие с мнением царя. Таким образом, светские и церковные власти выразили свое единодушие относительно противников церковной реформы. Все, кто придерживался старых обрядов и не принял нововведений, были осуждены постановлениями Соборов 1667 и 1681 гг. как еретики и раскольники [Богданов, 1995: 18]. Важно отметить, что еще по «Уложению» 1649 г. за преступ-

---

ления против веры и еретичество полагалась смертная казнь. «Раскольники» подвергались наказанию уже как политические преступники. Поэтому отношение представителей официальной церкви и государственной власти к своим идеологическим противникам было однозначно враждебным, а проводившаяся властью политика носила четко выраженный «истребительный» характер. Против «преступников-раскольников» применялись пытки и смертная казнь [ПСЗ. Т. II., № 1102]. К примеру, епископ нижегородский Питирим, чья церковно-политическая деятельность в борьбе с «расколом» в XVIII в. сыграла заметную роль, считал борьбу с «расколом» своим «нужнейшим пастырским делом» и призывал уничтожить все «тайные поселения раскольщиков», а их самих наказывать [Филиппов, 1891: 140].

По всей России началось физическое истребление приверженцев старой веры. В первую очередь антистароверческие репрессии обрушились, конечно, на самых видных сторонников староверческого учения. Например, епископ Коломенский еще в 1657 г. по приказанию самого Никона был казнен посредством «сожжения в срубе». После долгих ссылок и тюремных заключений был предан огню протопоп Аввакум и др. Официальные документы, исходящие из государственных и церковных ведомств, отличались пренебрежительным тоном. Выражая свою враждебность к «расколу», церковная пропаганда использовала такие обороты, как «...злодеи раскольничьи», «раскольнические лжеучители», «ругатели истинной православной веры» и т. п. Специальная противораскольническая литература того времени обосновывала право церкви на жестокие преследования своих врагов, вплоть до их физического истребления. В своем известном сочинении «Камень веры» Стефан Яворский писал: «Если праведно убивать человекоубийц, злодеев, чародеев, то тем более еретиков, которые паче разбойников душу убивают и в царстве мятеж всенародный творят» [Филиппов, 1891: 140].

Изданием целого ряда карательных законов государственная власть стремилась подавить староверческое движение и пыталась заставить староверов интегрироваться в систему господствующего официального православия. В особенности эта тенденция характерна для политики правительства Петра I, при котором была разработана система жестоких полицейских мер борьбы со старообрядчеством, нацеленная на решительное искоренение «раскола» в России. Первым российским императором был подписан указ, по которому предписывалось взимать со староверов государственную подушную подать в удвоенном размере. На первый взгляд такое установление двойного подушного оклада теоретически должно было способствовать легализации сложившихся центров староверческого расселения. Однако в действительности данный указ стал важным первоначальным звеном в общей законодательной цепи, практически направленной на искоренение социальной базы староверия. Так, 16 июля 1722 г. совместная Конференция Сената и Синода в соответствующем постановлении специально разъясняла, что «хотя раскольников, записанных двойной оклад и положен, и они записались, однако не для того, чтобы они свою раскольническую прелесть рассеять могли и других учили» [Покровский, 1974: 38]. Именно при Петре I были разорены особыми военно-полицейскими командами общинные поселения русских крестьян-староверов, расположенные на левом берегу Волги, близ реки Керженец. Строго преследовалось «публичное оказательство староверческого учения», т. е. публичное ношение

икон, староверческое пение на улицах... Законами запрещалось строительство часовен, скитов, обителей, молитвенных домов. (Эти нормативные акты вошли в последующие своды законов Российской империи 1832, 1842 и 1857 гг.). Церкви, построенные старообрядцами, не признавались за «храмы Божьи». По указу 1722 г. гражданскому суду подлежали «раскольники», которые содержат или укрывают у себя дама «потаенных своих попов или учителей» [ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–8]. Запрещено было отправление треб в домах старообрядцев [ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–8]. Особо строго церковь боролась с наличием у старообрядцев икон старого письма и старопечатных книг. Под опасением жестокой казни запрещалось иметь и хранить «раскольнические рукописные книги» [ПСЗ. Т. VII. № 4578].

Государственные власти рассматривали старообрядцев в первую очередь как врагов государства — «лютых неприятелей государству и государю непрестанно зломыслящих», соответственно, против них активно применялись меры полицейского характера. [Ильин, Должиков, 2021: 19–26]. Именно в период правления Петра I была сформирована система «противораскольнического» законодательства. Главная цель государственно-конфессиональной политики в решении «старообрядческой проблемы» по максимуму сводилась к ликвидации старообрядчества как нежелательной социально-религиозной общности, но при этом с извлечением фискальной выгоды для имперского политического режима. Ответной реакцией со стороны гонимых староверов явились такие меры «пассивной социальной борьбы», как побеги на периферию и за пределы России (что нашло свое отражение в распространении социальной легенды о вольной стране Беловодье) [Ильин, Должиков, 2020: 15–166]; массовые «гари» (самосожжения) [Пулькин, 2013: 336]; распространение тезиса о «зримом пришествии антихриста».

Наравне с такими средствами, как заключение в монастыри, суд, пытки, насильственное обращение в православие, использовались и другие, «увещательные» методы. Так, еще в феврале 1722 г. Сенат объявил о приглашении раскольников явиться для рассуждения о вере, обещая явившимся добровольно не прибегать к репрессиям. Из этого, однако, ничего не получилось. Борьба с «расколом» путем демагогических приемов была в особенности характерна для политики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. Похожее отношение к староверам прослеживается и на протяжении всего XIX в. Местному духовенству поручалось увещевать староверов. Яркий пример — создание особого варианта русской православной церкви — единоверческой. Однако среди староверов «единоверие» не получило широкого распространения. Также активно открывались епархиальные миссионерские «противораскольнические» братства. Уставные правила для учреждавшихся братств были одобрены и приняты 8 мая 1867 г. Комитетом Министров. В братства могли вступать лица духовного звания и простые миряне. Члены братств должны были активно заниматься миссионерской деятельностью посредством устных бесед со старообрядцами, распространением «противораскольнических» книг и т. д.

В 60-е гг. XVIII в. намечаются некоторые послабления со стороны государства в отношении старообрядцев. Отечественная историография связывает этот факт с «миловливой» политикой Петра III и Екатерины II. В 1762 г. выходит указ Сената, который предписывал немедленно прекратить все следственные дела о староверах, а содержа-

щихся в тюрьмах — отпустить. Староверы, ранее бежавшие в Польшу, указом приглашались добровольно вернуться в родное Отечество обратно, им прощались их «вина» и предоставлялись льготы на шесть лет от всяких податей и работ [Швецова, 1899: 3]. Часть «поляков» пришла добровольно, часть была выселена силой. По итогам принудительной и добровольной высылки староверы были расселены на Алтае и в Забайкалье [ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 69. Л. 36–37; Филарет Гумилевский, 1894: 782, 784].

Позже, в 1791 г., получили прощение своей «вины» так называемые каменщики — староверы, бежавшие в горы и поселившиеся в верховьях Бухтармы и Катуня [Ядринцев, 1886: 37–39; Покровский, 1974: 365]. Н. Н. Покровский считает данную «либерализацию» вынужденной, ее причинами были в первую очередь» фискальные и внешнеполитические интересы государства [Покровский, 1974: 288–289]. По убеждению М. Швецовой, главная цель заселения поляков состояла в развитии хлебопашества для нужд горного дела [Швецова, 1899: 12–13]. В. Н. Курилов и Т. С. Мамсик на основе архивных документов выяснили, что выведенные из Польши беглые крестьяне предназначались на роль военных «посельщиков», т. е. пахотных солдат, однако причины отказа от идеи создания военных поселений из ветковских староверов пока еще не ясна [Курилов, Мамсик, 1998: 24].

Манифесты Екатерины II имели разное толкование, были туманны, что позволяло властям придерживаться прежней репрессивной тактики. Судебные преследования старообрядцев не исчезли совсем, лишь сократилось их число [Покровский 1974: 294].

Период правления императора Николая I отличается новой «волной» преследования староверов. «Борьба с расколом» являлась по-прежнему проблемой государственной важности. В сознании представителей высших органов власти продолжал преобладать выработанный еще со времен царевны Софьи стереотип особой антигражданской и антицерковной сути старообрядчества. В данный процесс активно включается Министерство внутренних дел. Отменяются все уступки и послабления Екатерины II. «Террор против староверов направляется с еще большей жестокостью» [Маняхина, 2003: 145].

Во второй половине XIX в. были изданы два либеральных закона от 19 апреля 1874 г. и от 3 мая 1883 г., которые наделяли староверов некоторыми правами. Однако важно отметить, что появление данных законов было вполне характерно для периода реформ и активизации общественно-политической мысли. До закона 1874 г. старообрядческие браки не имели юридической силы и именовались «сводными», отчего по закону подлежали ликвидации. В соответствии с новым законом староверы получали возможность совершать брак официально через регистрацию в специальных метрических книгах при полицейских правлениях. Имелось существенное условие — оба супруга должны были быть старообрядцами с момента рождения. Данное требование могла удовлетворить лишь незначительная часть староверов, так как многие из них официально числились представителями официального православия.

Закон от 3 мая 1883 г. дал старообрядцам права в объеме, точно выраженном в самой формулировке закона — «некоторых прав...». Относительно гражданских прав: прав собственности, торговли, промыслов, перемещения внутри страны — этот закон практически уравнивал староверов с остальными жителями Российской империи. Однако важно отметить, что вся либеральность данной части закона обусловлена была оче-

видной экономической конъюнктурой, в которой старообрядцы смогли достичь значительных успехов. В области же религиозно-обрядовой этот закон не оправдал ожиданий староверов в полной мере [Dashkovskiy, Ijjin, 2019: 1232–1242].

Обозначенные законы на деле оказались половинчатыми и ограниченными. Незначительные послабления и уступки, дарованные староверам либеральными законами XIX в., не могут говорить о смене «антистарообрядческой» государственно-конфессиональной парадигмы.

Наделение старообрядцев правами произошло лишь в начале XX в. с издания Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. и известного Манифеста от 17 октября 1905 г. Уже через год, 17 октября 1906 г., последовал и Высочайший указ правительствующему Сенату «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов».

Заключение

Единственным приемлемым способом решения «старообрядческого вопроса» имперская власть на протяжении 240 лет признавала лишь интеграцию, а по сути подчинение старообрядчества системе Русской православной церкви как государственной конфессии. В XVII–XVIII вв. преобладали административно-силовые методы (включая смертную казнь и пытки). Либеральная политика имперских властей второй половины XIX в. является неизменной составляющей предшествующей политической доктрины, провозгласившей борьбу с «расколом» задачей первостепенной значимости. Таким образом, на протяжении 240 лет существовала неизменная по своей цели антистарообрядческая государственно-конфессиональная парадигма российских властей.

Благодарности

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект No 19–18–00023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Богданов А. П. Старообрядцы // Старообрядчество: история, культура, современность. М. : Музей истории и культуры старообрядчества, Боровской историко-краеведческий музей, 1995. Вып. 2. С. 2–22.

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 29.

ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 69.

Ильин В. Н., Должиков В. А. Старообрядчество Алтая в контексте дискриминационной конфессиональной политики российской имперской власти XVIII в. // Народы и религии Евразии. 2020. № 3. (24). С. 151–166.

Ильин В. Н., В. А. Должиков В. А. Противораскольническая государственно-конфессиональная политика в России периода правления Петра I // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2021. № 70. С. 19–26.

Курилов В. Н., Мамсик Т. С. «Поляки» русского Алтая: историографический миф и демографическая реальность // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 21–26.

Маняхина М. Р. Русская православная церковь в конфессиональных процессах в истории культуры Сибири (XVII–XVIII вв.). СПб. : АССПИН, 2003. С. 145.

Никольский Н. М. История русской церкви. Минск : Беларусь, 1990. 540 с.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян — старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. 392 с.

Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. — СПб. : Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. VII: 1723–1727: [№ 4137–5219]. 922 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. — СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. — Тип. Т. 55 и Общ. алф. указ.: Гос. тип. Россия. Законы и постановления. Т. 2: 1827: от № 800 до 1676. 1830. 1561 с.

Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 336 с.

Филарет Гумилевский. История русской церкви (988–1826 гг.). СПб. : И. Л. Тузов, 1894. 840 с.

Филиппов А. Н. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М. : Университетская библиотека. Страстной бульвар, 1891. 465 с.

Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // ЗЗСОРГО. Кн. 26. Омск, 1899. 66 с.

Ядринцев Н. М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. СПб., 1886. Кн. 1. С. 21–47.

Dashkovskiy P. K., Iljin V. N. The Legal Position of Old Believers in the Context of Legislative Initiatives of the Russian Empire in the last third of XIX — early XX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. S. 1232–1242.

REFERENCES

Bogdanov A. P. Staroobriadtsy. *Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost*. [Old Believers. Old Believers: history, culture, modernity] М. Muzei istorii i kul'tury staroobriadchestva Borovskoi istoriko-kraevedcheskii muzei, 1995. Vyp. 2. 18 s. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archives of Altai Territory] Fund 1. Inventory 1. File 29, fol. 7–8 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archives of Altai Territory] Fund 4. Inventory 1. File 69, fol. 36–71 (in Russian).

Il'in V. N., Dolzhikov V. A. Staroobriadchestvo Altaia v kontekste diskriminatsionnoi konfessional'noi politiki rossiiskoi imperskoi vlasti XVIIIv. [Altai Old Believers in the Context of the Discriminatory Confessional Policy of the Russian Imperial Power of the 18th Century]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia] 2020 № 3. (24). S. 151–166 (in Russian).

Il'in V. N., V. A. Dolzhikov V. A. Protivoraskol'nicheskaja gosudarstvenno-konfessional'naja politika v Rossii perioda pravleniia Petra I. [Anti-schismatic state-confessional policy in Russia during the reign of Peter I] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*. [Bulletin of Tomsk State University. History] 2021. № 70. S. 19–26 (in Russian).

Kurilov V. N., Mamsik T. S., “Poliaki” russkogo Altaia: istoriograficheskie mify i demograficheskaia real'nost'. [“Poles” of the Zmeinogorsk District]. *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Barnaul, Barnaul'skii peduniversitet. 1998. S. 21–26 (in Russian).

Maniakhina M. R. *Russkaia pravoslavnaia tserkov'» v konfessional'nykh protsessakh v istorii kul'tury Sibiri (XVII–XVIII vv.)* [The Russian Orthodox Church in confessional processes in the history of culture of Siberia (XVII–XVIII centuries)] Sankt-Peterburg, ASSPIN, 2003. S. 145 (in Russian).

Nikol'skii N. M. *Istoriia russkoi tserkvi* [History of the Russian Church]. Minsk, Belarus'. 1990. 540 s. (in Russian).

Pokrovskii N. N. *Antifeodal'nyi protest uralo — sibirskikh krest'ian — staroobriadtsev v XVIII v.* [Antifeudal protest of the Ural-Siberian peasants — Old Believers in the 18th century]. Novosibirsk : Nauka, 1974. 392 s. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. [Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dekabria 1825 g.] [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niia Sobstv. E. I. V. kantseliarii, 1830. T. VII: 1723–1727: [№ 4137–5219]. 922 s. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. — SPb. : Tip. 2-go Otd-niia Sobstv. ee imperat. velichestva kantseliarii, 1830–1885. — Tip. T. 55 i Obshch. alf. ukaz.: Gos. tip. Rossiia. Zakony i postanovleniia. T. 2: 1827: ot № 800 do 1676. 1830. 1561 s. (in Russian).

Pul'kin M. V. *Samosozhzheniia staroobriadtsev (seredina XVII–XIX v.)* [Self-immolation of Old Believers (mid-17th-19th centuries)]. M. : Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2013. 336 s. (in Russian).

Filaret Gumilevskii. *Istoriia russkoi tserkvi (988–1826 gg.)* [History of the Russian Church (988–1826)]. SPb. : I. L. Tuzov, 1894. 840 s. (in Russian).

Filippov A. N. *O nakazanii po zakonodatel'stvu Petra Velikogo v sviazi s reformoiu* [About punishment under the legislation of Peter the Great in connection with the reform]. M. : Universitetskaia biblioteka. Strastnoi bul'var, 1891. 465 s. (in Russian).

Shvetsova M. “Poliaki” Zmeinogorskogo okruga [“Poles” of the Zmeinogorsk District]. ZZSORGO [ZZSORGO]. Kn. 26. Omsk, 1899. 66 s. (in Russian).

Iadrintsev N. M. Raskol'nich'i obshchiny na granitse Kitaia [Schismatic Communities on the Chinese Border]. *Sibirskii sbornik* [Siberian collection]. 1886. Kn. 1. S. 21–47 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Iljin V. N. The Legal Position of Old Believers in the Context of Legislative Initiatives of the Russian Empire in the last third of XIX — early XX century. *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. S. 1232–1242 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 29.04.2022.

Принята к публикации 30.08.2022.

Дата публикации 30.09.2022.

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–09

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Е. А. Шершнева

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

У. П. Бичелдей

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия)

А. В. Монгуш

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия)

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА (по результатам социологического исследования)

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в 2019 г. совместно с кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета и сектором религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва на территории Тувы. В ходе исследования получены материалы, позволяющие оценить уровень этнической и религиозной толерантности в регионе.

Выборка исследования — 334 человека, из которых 89% респондентов — тувинцы, 5% опрошенных — русские и 6% приходится на другие этнические группы. С целью укрепления гражданского единства на территории Республики Тыва и профилактики распространения экстремизма в регионе было создано Агентство по делам национальностей. По мнению респондентов, именно грамотная работа правоохранительных органов и спецслужб способна остановить распространения экстремизма. При этом больше половины опрошенных не связывают экстремизм с религиозным мировоззрением.

Особое внимание при формировании толерантности уделяется проблеме межэтнических браков. Следует отметить, что молодое поколение открыто к восприятию иной культурной традиции, однако мнение старшего поколения является весьма важным при решении ряда вопросов. Существование моноэтнических семей в определенной степени позволяет сохранить этническую идентичность в условиях глобализации. Именно потребность в сохранении национальной культуры приводит к нежеланию выстраи-

вать межэтнические браки. При этом большинство респондентов готовы на дружбу с представителем иной культурной традиции. Достаточно большой процент респондентов считает, что религия может негативно влиять на формирование межнациональных отношений. В большинстве случаев это связано с недоброжелательным отношением представителей разных конфессий друг к другу. В то же время этнический признак в этом случае играет наименьшее значение. Несмотря на нехватку информации в СМИ о религиозной ситуации в регионе, следует отметить в целом толерантное отношение у жителей Тувы к представителям иных культур и религиозных традиций. Обеспечить стабильность в регионе позволяет грамотная политика взаимодействия всех властных структур, в том числе и органов местного самоуправления, а также с национальными общественными объединениями и научными центрами республики. Спокойствие и стабильность в регионе в определенной степени объясняются также преобладанием одной — буддийской конфессии, и одного — тувинского этноса.

Ключевые слова национальная политика, буддизм, Тыва, идентичность, религиозность, экстремизм, конфессии, межнациональные отношения, толерантность.

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичелдей У. П., Монгуш А. В. Этнический и религиозный аспекты толерантности в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 122–143.
DOI: 10.14258/nreur(2022)3–09.

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

E. A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

U. P. Bichelday

Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Kyzyl (Russia)

A. V. Mongush

Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Kyzyl (Russia)

**ETHNIC AND RELIGIOUS ASPECTS TOLERANCE
IN THE REPUBLIC OF TUVA (BASED ON THE RESULTS
OF A SOCIOLOGICAL STUDY)**

The article presents the results of a sociological study conducted in 2019 jointly with the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University and the Religious Studies Sector of the Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva on the territory of Tuva. In the course of the study, materials were obtained to assess the level of ethnic and religious tolerance in the region.

The sample of the study consisted of 334 people, of which 89% of respondents were Tuvinians, 5% of the respondents were Russians and 6% were from other ethnic groups. In order to strengthen civil unity on the territory of the Republic of Tyva and prevent the spread of extremism in the region, the Agency for Nationalities Affairs was established. According to respondents, it is the competent work of law enforcement agencies and special services that can stop the spread of extremism. At the same time, more than half of the respondents do not associate extremism with a religious worldview.

Special attention in the formation of tolerance is paid to the problem of interethnic marriages. It should be noted that the younger generation is open to the perception of a different cultural tradition, but the opinion of the older generation is very important in solving a number of issues. The existence of mono-ethnic families to a certain extent allows preserving ethnic identity in the context of globalization. It is the need to preserve national culture that leads to an unwillingness to build interethnic marriages. At the same time, the majority of respondents are ready for friendship with a representative of a different cultural tradition. A fairly large percentage of respondents believe that religion can negatively affect the formation of interethnic relations. In most cases, this is due to the unfriendly attitude of representatives of different faiths to each other. At the same time, the ethnic trait in this case plays the least importance. Despite the lack of information in the media about the religious situation in the region, it should be noted that the residents of Tuva have a generally tolerant attitude towards representatives of other cultures and religious traditions. A competent policy of interaction between all government structures, including local self-government bodies, as well as with national public associations and scientific centers of the republic allows ensuring stability in the region. Peace and stability in the region is also explained to a certain extent by the predominance of one Buddhist denomination and one Tuvan ethnic group.

Keywords: national politics, Buddhism, Tuva, identity, religiosity, extremism, confessions, interethnic relations, tolerance.

For citation:

*Dashkovsky P. K., Shershneva E. A., Bichelday U. P., Mongush A. V. Ethnic and religious aspects tolerance in the Republic of Tuva (based on the results of a sociological study). *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 2. P. 122–143. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–09.*

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиовед-

---

ческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** D2703@yandex.ru.

Бичелдей Ульяна Павловна, доктор религиоведения (Ph. D), заведующая сектором религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия). **Адрес для контактов:** opei-ool@yandex.ru.

Монгуш Айлаана Витальевна, научный сотрудник сектора религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл (Россия); магистрант направления Религиоведение Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** avitmongush@yandex.ru.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional Studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>.

Shershneva Elena Aleksandrovna, candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** D2703@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

Bichelday Ulyana Pavlovna, Doctor of Religious Studies (Ph. D.), Head, sector of religious studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva, Kyzyl (Russia). **Contact address:** opei-ool@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0001-5588-9167>.

Mongush Aylaana Vitalyevna, researcher, sector of religious studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of Tuva, Kyzyl (Russia); Master's student (Religious studies), Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** aylaana.vitalyevna@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-3164-1463>.

Введение

Республика Тыва — один из субъектов Российской Федерации, на территории которого проживает более 100 национальностей, обладающих своей спецификой, языком, самобытностью материальной и духовной культуры. Установление межконфессионального и межнационального согласия, атмосферы взаимопонимания и доверия, терпимости во взаимоотношениях этнических сообществ, всемерная поддержка их культуры, обычаев и традиций являются основными направлениями национальной политики, проводимой в Республике Тыва.

Эффективное управление процессами национального саморазвития и оптимизации межнациональных отношений невозможно без четко определенной политики взаимодействия всех властных структур, в том числе и органов местного самоуправления, а также с национальными общественными объединениями и научными центрами республики.

**Данные по численности тувинцев, русских и представителей других этносов
в населенных пунктах и районах Республики Тыва, чел.¹**
**Data on the number of Tuvans, Russians and representatives of other ethnic groups
in settlements and districts of the Republic of Tyva**

Муниципальные образования	Общая численность населения		Тувинцы		Русские		Другие национальности	
	2010 г.	2019 г.	2010 г.	2019 г.	2010 г.	2019 г.	2010 г.	2019 г.
1. г. Кызыл	106919	107746	72804	72804	30388	30388	3727	3727
2. г. Ак-Довурак	13445	13610	12707	12821	573	543	165	72
3. Бай-Тайгинский	10701	10547	10694	10536	4	8	3	1
4. Барун-Хемчикский	12825	12383	12766	12364	46	14	13	1
5. Дзун-Хемчикский	19838	20248	19751	20220	56	13	31	31
6. Каа-Хемский	12204	14944	7843	10569	4182	4200	179	34
7. Кызылский	27588	35534	21705	28984	5541	6192	342	343
8. Монгун-Тайгинский	5633	5632	5608	5608	12	12	14	21
9. Овюрский	6971	7660	6890	7655	69	5	29	3
10. Пий-Хемский	10013	10434	6954	7298	2911	3016	148	107
11. Сут-Хольский	7984	7078	7974	7077	6	1	4	4
12. Тандинский	12801	12881	9951	9951	2653	2653	197	80
13. Тере-Хольский	1862	1863	1827	1827	29	29	6	6
14. Тес-Хемский	8043	9318	7913	9266	110	50	20	2
15. Тоджинский	5927	5927	4862	4862	1024	1024	41	41
16. Улуг-Хемский	19235	21830	17749	19539	1345	1851	141	116
17. Чаа-Хольский	5998	7401	5977	7397	14	4	7	3
18. Чеди-Хольский	7640	8234	7153	7929	430	270	57	57
19. Эрзинский	8230	8230	8171	7171	41	41	18	18
Республика Тыва	303857	321500	249299	263878	49434	50314	5142	4667

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. в Туве всего было зарегистрировано 85 национальностей: из них тувинцы — 249299, русские — 49434, хакасы — 877, киргизы — 628, армяне — 512, украинцы — 493, татары — 352 чел. и др. Численность коренного малочисленного народа тувинцев-тоджинцев составляла 1856 чел. [Все-

¹ Составлено по: [Всероссийская перепись..., 2010; Отчет о работе, 2019: 3–4].
Compiled by: [All-Russian Census..., 2010; Work Report, 2019: 3–4].

российская перепись..., 2010; Информация о межэтнических...]. Об этом также свидетельствуют статистические данные, полученные Агентством по делам национальностей в ходе исследований, проведенных в 2019 г. в районах (кожуунах) республики [Отчет о работе, 2019: 3–4].

Как видно из таблицы 1, по многонациональному составу в Республике Тыва на первом месте Кызыл — столица региона. От общей численности населения в нем проживают 32% представителей других национальностей (русских — 28% и 3,46% представителей иных этнических групп). После столичного города идет население Каа-Хемского района — 29%, Пий-Хемского — 28%, Тандинского — 18%, Кызылского и Тоджинского по 17%. В республике 10 мононациональных кожуунов, где численность тувинского этноса составляет 97–100%. К таковым относятся Монгун-Тайгинский, Овюрский, Бай-Тайгинский, Барун-Хемчикский, Сут-Хольский, Дзун-Хемчикский, Чаа-Хольский, Тере-Хольский, Тес-Хемский и Эрзинский районы.

В 2019 г. отдел культурологии и религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ) под руководством У.П. Бичелдей совместно с кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета провели изучение общественного мнения относительно этнорелигиозной ситуации в Туве. В ходе анкетирования были использованы анкеты, разработанные и успешно апробированные коллективом указанной кафедры под руководством П. К. Дашковского при исследовании этнорелигиозных процессов в Сибири, а также в сопредельных регионах Монголии и Казахстана. Результаты социологического исследования оценки респондентами религиозной ситуации в Туве были опубликованы [Дашковский, Шершнева, Бичилдей, Монгуш, 2021]. Данная статья является продолжением вышеуказанных исследований. В этой работе основное внимание уделяется освещению результатов опроса мнения респондентов относительно оценки ими межнациональных отношений, а также взаимосвязи этнических и религиозных процессов в регионе. Кроме того, затрагиваются вопросы реализации национальной политики Российской Федерации на региональном уровне — в Республике Тыва.

Учитывая численность населения Республики Тыва, в рамках данного исследования было решено опросить не менее 300 человек. Фактически было охвачено 334 человека разного возраста, пола, этнической принадлежности, сферы деятельности. Все респонденты были разделены на пять групп. В группе в возрасте от 16 лет до 21 года было опрошено 87 человек (26%), в возрастной группе от 22 до 35 лет — 123 человека (37%), от 36 до 45 лет — 67 человек (20%), в группе от 46 до 60 лет — 51 человек (15%) и лиц старше 61 года — 6 человек, что составило 2% респондентов.

Самых респондентов опрашивали в городе Кызыле в научных, образовательных и медицинских учреждениях муниципальных, республиканского и федеральных уровней. При этом в число опрошенных попало значительное количество респондентов, которые приехали на учебу из разных районов республики. Полученная выборка (стратифицированная, территориальная, случайная) носит репрезентативный характер.

Региональные аспекты реализации национальной политики

С целью укрепления межэтнической и межконфессиональной гармонии, взаимопонимания и уважительного отношения между представителями всех национальностей, проживающих на территории Тувы и исповедующих различные религии и верования, а также улучшения работы по данному направлению в республике регулярно принимали ряд постановлений с трехгодичным сроком исполнения, посредством которых утверждались государственные программы по укреплению гражданского единства и национально-культурному развитию народов Республики Тыва на 2014–2016, 2017–2019, 2019–2021 гг. (далее — Программы) [Постановление Правительства..., 2013 № 584; Постановление Правительства..., 2016 № 515; Постановление Правительства..., 2017 № 40; Постановление Правительства..., 2017 № 509; Постановление Правительства..., 2018 № 22; Постановление Правительства..., 2020 № 174].

В Программах определены основные направления взаимодействия и сотрудничества органов исполнительной власти Республики Тыва, органов местного самоуправления и представителей различных конфессий на основе духовно-нравственного воспитания населения, формирования ценностных установок, взглядов и типов поведения, способствующих межкультурному общению и межконфессиональному согласию в республике.

Процесс формирования гражданского общества в республике в предстоящие годы должен продолжаться на основе социокультурного развития народов. Разработка перечисленных этноконфессиональных аспектов должна стать основой для изучения современных изменений национальной политики и государственно-конфессиональных отношений, моделирования экономических отношений в республике.

С принятия Постановления Правительства Республики Тыва в 2013 г. «Об утверждении государственной программы Республики Тыва» (от 8 октября 2013 г. за № 584), нацеленное на укрепление гражданского единства и национально-культурного развития народов Республики Тыва на 2014–2016 гг. все очередные республиканские Программы неизменно провозглашали гармонизацию межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений на основе объединения усилий органов государственной власти республики, органов местного самоуправления и национальных сообществ. В рамках исполнения пунктов каждой Программы проводились научные исследования, семинары, научно-практические конференции с выработкой конкретных рекомендаций по вопросам национальных отношений. Кроме того, осуществлен анализ возможностей и средств формирования национальных установок в массовом сознании людей, проведены мониторинги их изменения, в том числе и под воздействием средств массовой информации. Проводились также мероприятия, направленные на профилактику национального и религиозного экстремизма. В образовательных учреждениях республики и среди населения активно осуществлялась работа по формированию патриотических чувств народа на основе общности их исторических судеб, интегрированных в единую общность россиян. Важное место в этом направлении занимали работы, направленные на культурное развитие народов, проживающих в республике, на основе сохранения традиций самобытности, взаимообогащения и приумножения национальных ценностей.

Все утвержденные Программы, начиная с 2013 г., были призваны стать конкретным инструментом реализации основных направлений региональной национальной политики. Например, цели задачи реализуемой в 2016–2018 гг. Программы определены республиканским планом мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. на территории Республики Тыва, утвержденным распоряжением Правительства Республики Тыва от 22 июля 2015 г. за № 326-р, а также подкрепленными законами Республики Тыва и иными нормативными правовыми актами, регулирующими вопросы государственной национальной политики, социальной политики, этнокультурного развития народов, реализации и защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов (в части вопросов, касающихся обеспечения гражданского мира и национального согласия, формирования гармоничных межнациональных отношений).

Основными целями Программ стали укрепление единства многонационального народа Республики Тыва, а их задачи определялись содействием укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений, формированию этнокультурного многообразия и социально-экономическому развитию народов Республики Тыва.

Например, в ходе осуществления анализа исполнения пунктов Программы на 2017–2019 гг. выявилось, что Правительством Республики Тыва проведено 40 комплексных мероприятий, направленных на укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва. При этом доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве граждан Республики Тыва составило 71%, а уровень толерантного отношения к представителям другой национальности также 71%. 51 тысяча человек из числа всех жителей республики стали участниками мероприятий, направленных на укрепление гражданского единства и национально-культурного развития народов Республики Тыва [Постановление Правительства..., 2016 № 515; Постановление Правительства..., 2017 № 40].

Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Указ Президента., 2012], в Республике Тыва предусмотрена реализация следующих государственных Программ: «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2018–2020 годы»; «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2021–2023 годы» [Указ Президента., 2012; Постановление Правительства..., 2018; Постановление Правительства..., 2020].

Государственные программы, принятые в 2018 и 2020 гг., продолжают политику «усиления гражданского патриотизма, общероссийского гражданского самосознания и гражданской ответственности, взаимного уважения традиций и обычаев народов, проживающих в Республике Тыва. Большое внимание в них уделяется формированию в обществе атмосферы уважения к историческому наследию и культурным ценностям народов России, развитию культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей, на создание в Республике Тыва максимально благоприятных условий для соблюдения национальных интересов всех народов, проживающих на ее тер-

ритории, обеспечения их полноправного участия в политическом, социально-экономическом и национально-культурном развитии республики» [Постановление Правительства..., 2018: 4–5; Постановление Правительства..., 2020: 6].

Основной же целью Программы явилось обеспечение гражданского мира, межконфессионального согласия, формирование гармоничных межнациональных (межэтнических) отношений, сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов Республики Тыва. Ее задачи определены как укрепление единства российской нации, этнокультурное развитие многонационального народа Республики Тыва и социально-экономического развития народов Республики Тыва.

С целью активизации работы в указанных областях социальной жизни тувинского общества и успешной реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории Республики Тыва согласно Постановлению Правительства Республики Тыва в 2016 г. в Туве впервые было создано Агентство по делам национальностей (далее — Агентство) как государственный орган исполнительной власти Республики Тыва, отвечающий за межотраслевую координацию в сфере государственной национальной политики Республики Тыва [Постановление Правительства..., 2016: 2].

Основной деятельностью агентства было определено укрепление гражданского единства на территории Республики Тыва, преимущественно в межнациональных и межконфессиональных сферах, профилактика экстремизма, реализация мероприятий в сфере государственной политики Российской Федерации в отношении коренных и малочисленных народов и российского казачества.

На территории Тувы также действует общественная организация «Ассамблея народов Республики Тыва», которая занимается вопросами укрепления межнационального и межконфессионального согласия и мира. Всего в Ассамблее функционирует 15 диаспор и землячеств. Наиболее крупными и активными являются 11 объединений: хакасская (877 чел.), армянская (512 чел.), узбекская (258 чел.), киргизская (628 чел.), китайская (823 чел.), азербайджанская (159 чел.), монгольская (47 чел.), немецкая (87 чел.), якутская (45 чел.), казахская (50 чел.), грузинская (85 чел.) [Отчет о работе..., 2019: 4]. Кроме того, в регионе действуют 17 территориально-соседских общин коренного малочисленного народа Сибири: 9 общин тувинцев-тоджинцев (1856 чел.), 8 казачьих обществ (246 чел.). В том числе есть три общественных объединения по этническому признаку: «Ассоциация татар и башкир Тувы», «Центр немецкой культуры», «Мир тувинцев».

Роль Дома дружбы народов выполняет государственное автономное учреждение «Центр русской культуры», созданный в 2010 г. Его миссия состоит в сохранении и развитии нематериального культурного наследия всех народов, проживающих в Республике Тыва. На базе учреждения действуют национальные землячества и национально-культурные автономии [Информация о межэтнических...].

Ежегодно в Туве проводятся мероприятия, посвященные памятным датам и традиционным национальным праздникам. При участии населения и вышеназванных объединений в регионе празднуются Шагаа, Сака Дава, Рождество, Крещение, Пасха, Шагаа, Навруз, Каргатуй, День гордости монголов, Масленица, Международный

день родного языка, День славянской письменности и культуры, День народного единства и др. В целях укрепления гражданского единства на территории Республики Тыва, в частности, в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, для населения ко Дню народного единства проводятся следующие мероприятия [Отчет о работе, 2019].

Фестиваль национальных культур «Найырал»

Педагоги и воспитанники дошкольных образовательных учреждений представляют культуру разных народов России и мира. Этнокультурное разнообразие народов Тувы и России в целом показывают их стихи, песни, танцы и костюмы. Театрализованные представления по мотивам сказок и легенд учат детей добру, прививают уважение и любовь к ближнему (независимо от их национальной и религиозной принадлежности).

Фестиваль национальных культур «Богатство России»

Фестиваль проводится среди студентов высших учебных заведений, средних профессиональных организаций и работающей молодежи республики с целью приобщения их к национальным обычаям и традициям, воспитания уважения к духовно-нравственным и культурным ценностям народов, проживающих на территории Тувы и России в целом.

Фестиваль национальных культур «Евразия»

Студенты из разных факультетов Тувинского государственного университета готовят концертные программы, где показываются история и культура, а также традиции и обычаи разных наций и государств мира.

В целях повышения роли молодой семьи в обществе, выявления и поощрения семей с активной жизненной позицией, укрепления и сохранения национальных традиций проводится Республиканский конкурс интернациональных семей «Молодая семья — будущее Тувы». Во всех муниципальных образованиях республики проходит Международная просветительская акция «Большой этнографический диктант», приуроченная ко Дню народного единства.

В окрестностях села Сизим Каа-Хемского района Тувы проводится Межрегиональный фестиваль русской культуры «Верховьё», участники которого приезжают из разных регионов России. Программа фестиваля включает конкурсы среди вокалистов, инструменталистов, мастеров народно-художественных промыслов и декоративно-прикладного творчества.

В рамках Стратегии развития российского казачества до 2020 г. в Кызылском, Пий-Хемском, Тандынском, Улуг-Хемском районах и в Кызыле реализовались мероприятия в сфере содействия организации работы с казачьей молодежью по военно-патриотическому, духовно-нравственному и физическому воспитанию, сохранению и развитию казачьей культуры.

В связи с распространением коронавируса по России и миру в целом все общественно-значимые мероприятия с 2020 г. проводятся в онлайн формате или количество очных участников в них максимально ограничивается.

В основных республиканских СМИ — на ГТРК «Тыва», ТК «Тува-24», ТК «Новый век», на ИА «Туваонлайн», на радиостанции «Голос Азии», а также в газетах «Тувинская правда», «Шын» и «Тыванын аныктары» публикуются материалы, направленные на укрепление единства и добрососедства народов республики, на профилактику распространения идей экстремизма. Ассамблеей народов Республики Тыва выпущен журнал «Эне-Сай» («Енисей»), созданный в рамках Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)». В целях распространения знаний о России и Туве среди воспитанников дошкольных образовательных учреждений также выпущена раскраска «Эне-Сай». В ней предлагается раскрашивать символы и атрибутику страны и региона, приводятся слова приветствия на русском и тувинском языках, краткая история в картинках о малочисленном народе Тувы — тувинцах-тоджинцах [Отчет о работе, 2019: 14, 29–30].

Межэтнические отношения

В рамках социологического опроса, проведенного на территории Республики Тыва, удалось выявить отношение в данном регионе этнических групп к друг другу. Кроме этого, были сделаны попытки оценки роли религиозного фактора в жизни народов, проживающих на территории данного региона. Этнические и религиозные процессы напрямую определяют степень толерантности / интолерантности населения любого региона, в том числе и Тувы.

Этнический состав респондентов в определенной степени отражает их идентичность, что продемонстрировано в диаграмме (рис. 1). Лишь небольшой процент (3%) респондентов не пожелали указать свою этническую принадлежность.

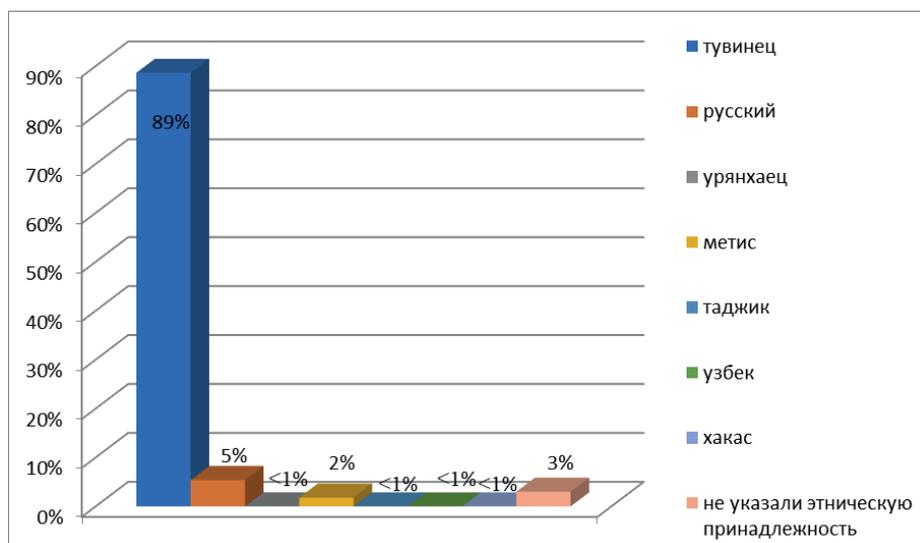

Рис. 1. Этническая принадлежность респондентов Тувы

Fig. 1. Ethnicity of Tuva respondents

Из диаграммы (рис. 1) видно, что этнический состав опрошенных достаточно однородный. 89% (296 человек) респондентов определяют свою этническую принадлежность как тувинцев, на втором месте были русские — 5% опрошенных (18 человек). Представленные результаты опроса в этом аспекте в целом коррелируются с данными переписи населения.

Вопрос межэтнических отношений, особенно в регионах с преобладающим этносом, стоит достаточно остро. Именно оценка готовности выстраивания межэтнических отношений с представителями иных этнических групп позволит оценить возможность преодоления межэтнических конфликтов. В рамках проведенного исследования респондентам был задан вопрос «Легко ли вы можете найти контакт с представителями иной национальности?». Результат ответа представлен на диаграмме (рис. 2).

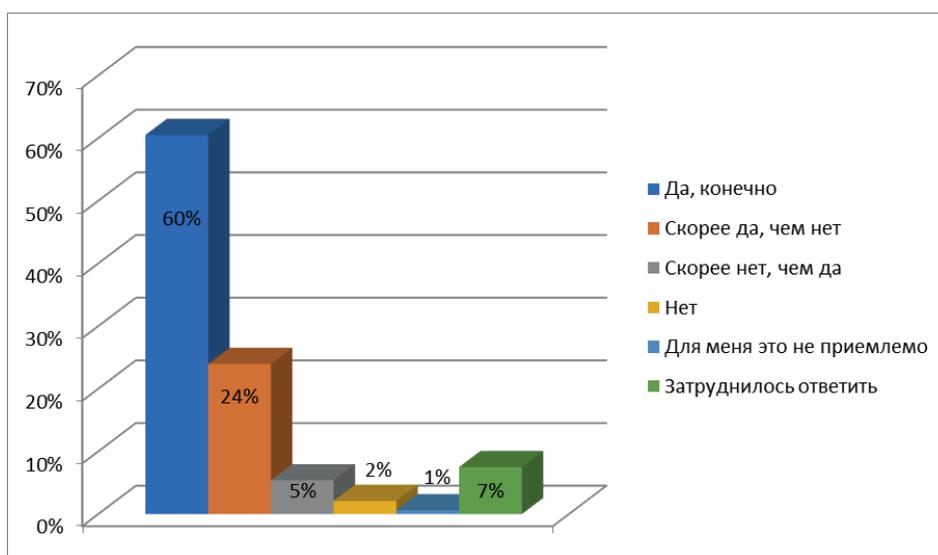

Рис. 2. Отношения респондентов с представителями различных этносов
Fig. 2. The respondents' relations with representatives of various ethnic groups

Большинство респондентов готовы к общению с представителями других этнических групп. Так, на вопрос «Может ли вашим другом стать человек иной национальности?» 83% (276 человек) опрошенных ответили положительно и указали, что среди их друзей есть представители иных этнических групп.

Однако для любой этнической группы при современных условиях глобализации немаловажным остается вопрос сохранения национальной идентичности. Данному процессу может способствовать только сохранение моноэтнических браков. Оценить желание жителей Тувы сохранить свои этнические традиции помогли ответы на следующие вопросы: «Есть ли в семье представители иной национальности?». 27% (89 человек) респондентов ответили положительно на этот вопрос, а 70% (235 человек), наоборот, указали, что в их семье отсутствуют представители иной этнической группы. 3% (10 человек) опрошенных затруднились ответить на заданный им вопрос. При этом

на брак с представителями иной национальности не согласилось бы 31% опрошенных (105 человек). 21% (71 человек) затруднились ответить и 47% респондентов (158 человек) не возражали бы увидеть в своей семье представителя иной культурной традиции. Самый высокий процент респондентов, готовых вступить в брак с представителем иной этнической группы, отмечается в возрасте от 16 лет до 21 года. Именно 66% (57 человек) опрошенных в данной возрастной группе указали, что готовы вступить в брак с представителем другой этнической культуры.

Следует подчеркнуть, что оценка готовности создания межэтнических брачных союзов весьма актуальна, так как позволяет выявить точку зрения молодого поколения на данный вопрос. Важно также отметить, что именно семья влияет на сложение культурно-нравственной системы в обществе [Бадмаев, Уланов, Ламажаа, Бичелдей, Антонов, Очирова, 2020]. Однако, несмотря на готовность молодежи выстраивать межнациональные браки, в решении многих вопросов на них оказывает влияние старшее поколение [Гончарова, Савельев, 2004: 207].

Неотъемлемым фактором межнациональных отношений является отношение к религиозной культуре. В связи с этим респондентам был предложен вопрос «Влияет ли религия на межнациональные отношения?». Ответы респондентов на данный вопрос представлены в диаграмме (рис. 3).

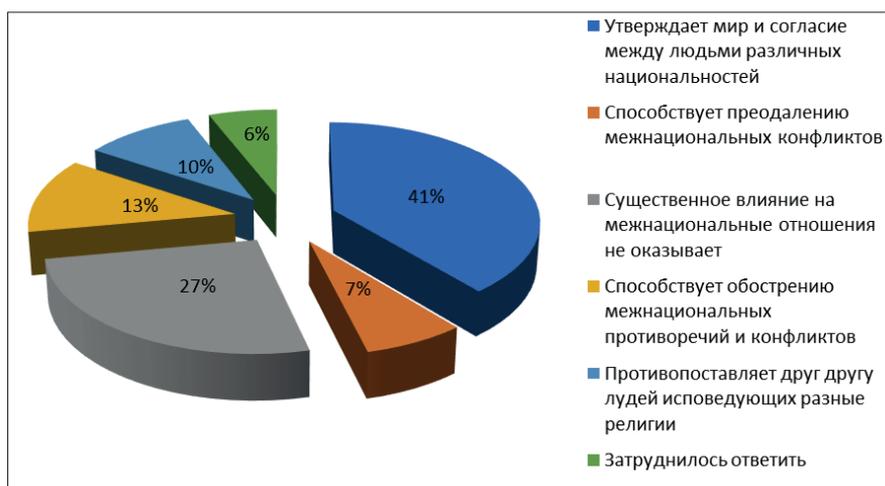

Рис. 3. Мнение респондентов о влиянии религии на межнациональные отношения

Fig. 3. Respondents' opinion on the influence of religion on interethnic relations

Следует обратить внимание, что достаточно большой процент респондентов отмечают отрицательную роль религии в выстраивании межнациональных отношений. Лишь респонденты в возрасте от 61 года и старше считают, что религия может оказывать только положительное влияние на межнациональные отношения. Такое отношение к религии связано, вероятно, с определенными противоречиями, которые могли иметь место между представителями различных религиозных групп. Респондентам было предложено также ответить на вопрос «Что вызывает противоречия с пред-

ставителями других вероисповеданий?». Ответ на данный вопрос представлен на диаграмме (рис. 4).

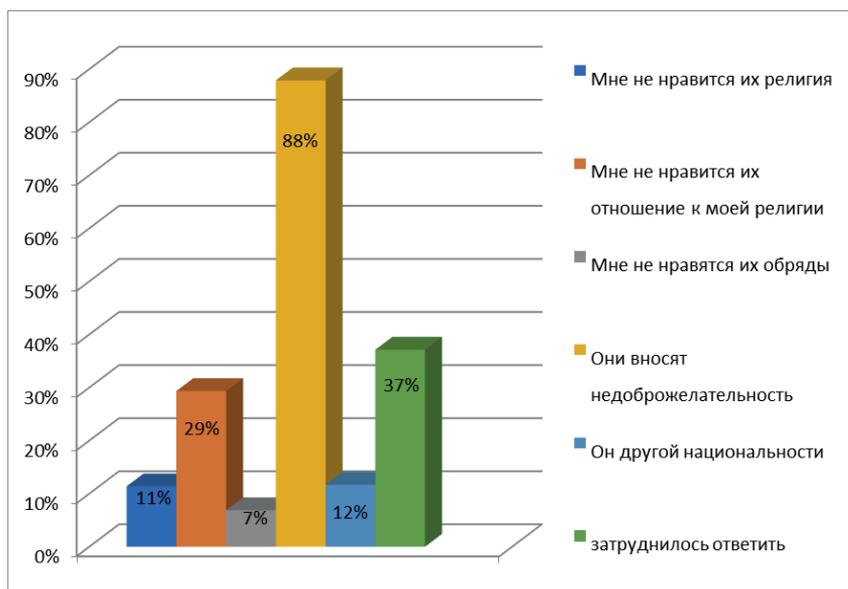

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Что вызывает противоречия с представителями других вероисповеданий?»

Fig. 4. Respondents' answers to the question "What causes contradictions with representatives of other faiths?"

Из диаграммы (рис. 4) видно, что негативное отношение к представителям другой религии вызывается прежде всего неприязненным отношением респондентов к иным религиозным традициям. Однако следует отметить, что межконфессиональная ситуация на территории Тувы, по мнению респондентов, в целом достаточно стабильная. Так, 77% (258 человек) опрошенных ответили, что конфликтов с представителями других конфессий у них не возникало, и лишь 16% (53 человека) указали, что межрелигиозные конфликты имели место в их жизни. Но этот процесс нуждается в дальнейшем уточнении. Тем не менее наличие подобного факта можно объяснить тем, что в настоящее время все более наблюдается тенденция, согласно которой между буддистами и приверженцами шаманизма идет тихое состязание за умы и сердца верующих. Кроме того, необходимо учесть, что среди религиозного мировоззрения особая роль отводится синкретичной религиозной системе, сочетающей буддизм и шаманизм. Остальные конфессии на территории региона представлены незначительным числом последователей [Ламажаа, 2021: 185–186; Дашковский, Шершнева, Бичелдей, Монгуш, 2021].

Особое внимание в рамках проведенного опроса было уделено проблеме экстремизма, а также противодействию его распространению со стороны государства. На вопрос о связи религии с экстремистской деятельностью респонденты в 53% (178 человек) случаев ответили, что экстремизм и религия не связаны между собой, а в 22% (73 чело-

века) случаев затруднились ответить на данный вопрос. Примечательно, что в той же анкете респонденты тут же отмечали, что религия все-таки может оказывать влияние на рост экстремистской деятельности. Такого мнения придерживаются 43% опрошенных. Именно с исламом 89% (74 человека) респондентов связывают такое явление, как экстремизм. При этом большой процент опрошенных затруднились ответить на вопрос «Являются ли террористы религиозными фанатиками?». 36% (121 человек) опрошенных безусловно видят в террористах религиозных фанатиков, 34% (115 человек) — никак не связывают религиозный фанатизм с экстремистской деятельностью, а 30% (98 человек) затруднились ответить на данный вопрос.

Особую роль в противодействии экстремистской деятельности должно играть государство, на что также обратили внимание респонденты. Роль государства по охране правопорядка и профилактике экстремизма респонденты отметили следующим образом:

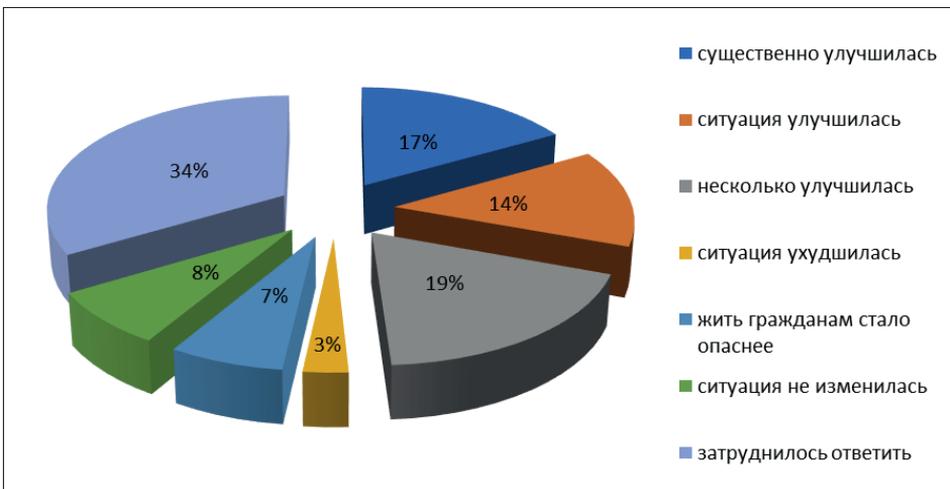

Рис. 5. Мнение респондентов о ситуации по охране правопорядка и профилактике экстремизма в Туве

Fig. 5. Respondents' opinion on the situation of law enforcement and prevention of extremism in Tuva

Противодействовать данному явлению, по мнению респондентов из Тувы, может грамотная работа правоохранительных органов и спецслужб. Такую позицию заняли 43% (144 человека) опрошенных. 29% (96 человек) респондентов придерживаются мнения, что в этом направлении должна вестись грамотная политика Президента и Правительства Российской Федерации. Кроме того, выстраиванию стабильных отношений в многонациональном государстве способствует еще достаточно хорошо разработанная законодательная база. Так, принятая в 2012 г. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. направлена на сохранение этнокультурной самобытности народов России с учетом их интересов и интересов государства. Данная концепция ориентируется на обеспечение безопасности и разви-

тие целостности страны, а также снижение рисков проявления экстремизма и терроризма (Андросов, 2020: 199, 202).

Однако, несмотря на активную позицию государства по урегулированию межнациональных и межконфессиональных конфликтов в стране, респондентами были названы регионы с наиболее сложной, по их мнению, обстановкой. Наиболее нестабильными регионами в России, где может проявляться экстремизм, респонденты назвали республики Северного Кавказа — 22% (73 человека), а также европейскую часть России (включая Москву и Санкт-Петербург) — 12% (41 человек). Кроме того, респондентам было предложено указать, какие страны у них ассоциируются с таким явлением, как экстремизм. Результаты ответов респондентов на данный вопрос представлены на диаграмме (рис. 6).

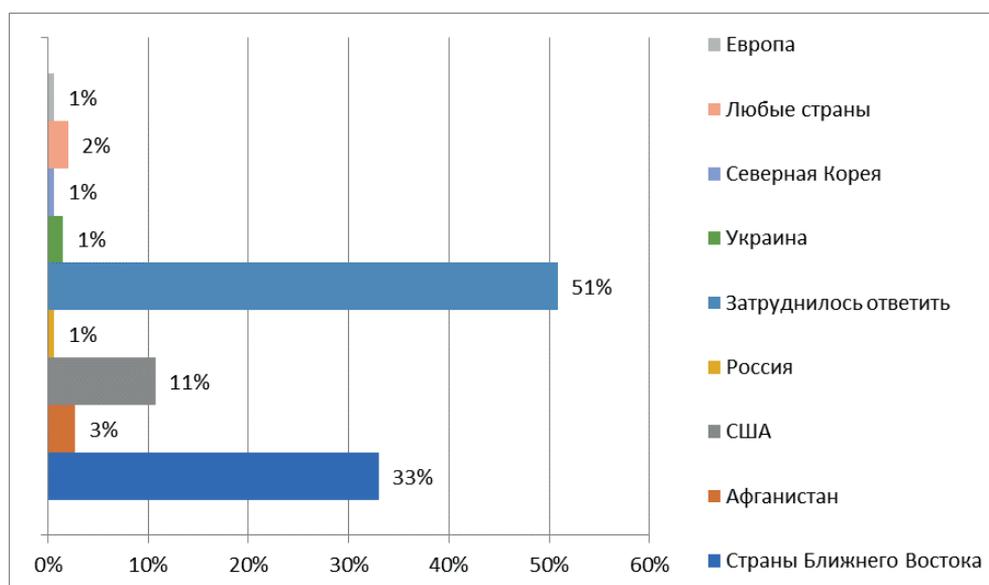

Рис. 6. Страны, с которыми у респондентов из Тувы ассоциируется экстремизм

Fig. 6. Countries with which respondents from Tuva associate extremism

Среди стран, в которых, по мнению опрошенных в Туве, существуют проявления экстремизма, были названы Китай, Монголия, Пакистан, Вьетнам, а также регион Индонезии. Однако процент респондентов, выбравших данные страны, составил менее 1%. Наиболее часто отмечались страны с исламской культурой. Данный вариант ответа следует в определенной степени связать с информацией, которую получают жители Тувы о жизни конфессий из СМИ.

Большинство респондентов (51% — 172 человека) получают информацию о религиозной ситуации, а также о деятельности самих конфессий через телевидение. При этом для респондентов в возрасте от 22 до 35 лет еще одним значимым источником, наряду с телевидением, являются социальные сети, на что указали 40% респондентов (49 человек).

При этом, насколько полно и честно освещают в СМИ многие вопросы, в том числе и вопросы религии, сказать однозначно сложно. Так, 38% опрошенных считают, что СМИ на территории Тувы недостаточно внимания уделяют религиозной ситуации. При этом 37% респондентов удовлетворены тем объемом информации, который они получают через СМИ о деятельности религиозных общин, а 25% затруднились оценить удовлетворенность объемом получаемой информации. Недосток информации, связанной с освещением религиозных вопросов, больше всего испытывают респонденты в возрасте от 22 до 35 лет. 46% опрошенных в данной возрастной группе считают, что СМИ недостаточно освещают вопросы религии. Респонденты более старшего возраста (59% респондентов), особенно в возрасте от 46 до 60 лет, указали на удовлетворенность объемом информации о религии в СМИ.

При этом насколько достоверно освещаются вопросы религии, также нет единого положительного мнения среди опрошенных в данном регионе. Так, на вопрос, верно ли СМИ отражают религиозную ситуацию, респонденты выбрали разные ответы, что отражено в диаграмме (рис. 7).

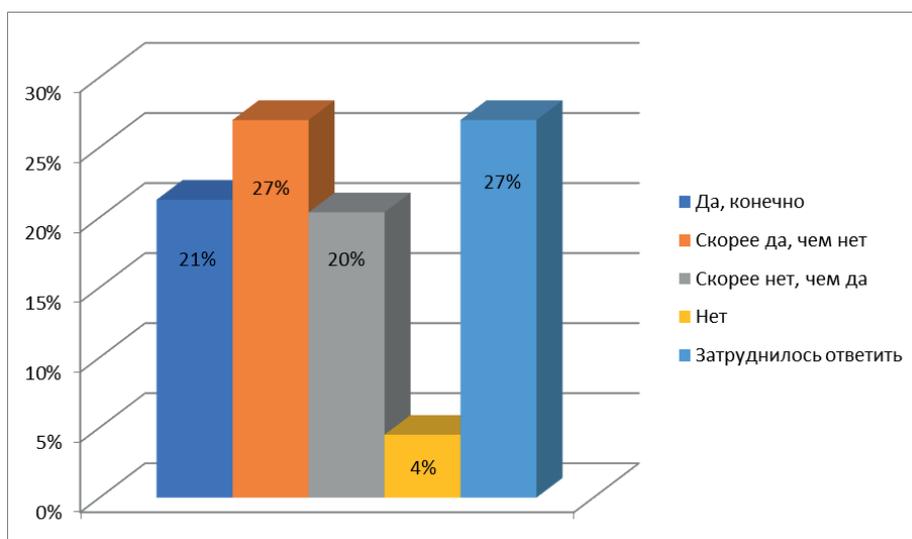

Рис. 7. Насколько достоверно, по мнению респондентов Тувы, СМИ освещают вопросы религии

Fig. 7. How reliably, according to the respondents of Tuva, the media cover religious issues

Заключение

Таким образом, всесторонний анализ современной экономической, политической, социокультурной ситуации, а также реализации государственных Программ по укреплению гражданского единства и национально-культурного развития народов Республики Тыва и деятельности региональных органов власти, позволяет сделать следующий вывод. Во-первых, основные теоретические и практические подходы к национально-культурному развитию народов в республике проводятся в конструктивном направ-

лении, направленном на развитие этнической и религиозной толерантности. Это подтверждается в целом бесконфликтным протеканием процессов межнационального взаимодействия различных национальных групп республики. Во-вторых, можно сделать вывод, что местные СМИ формируют у населения Республики Тыва стереотипное представление о таких вопросах, как проявление экстремизма и его связь с конкретными конфессиями. Обращает на себя внимание и тот факт, что конфессиональная составляющая в регионе связана с этнической принадлежностью респондентов. Следует также отметить достаточно терпимое отношение ко всем конфессиям на территории Тувы, несмотря на то, что респонденты обращают внимание на религиозную окраску проявления экстремизма. Кроме того, отмечается, что религиозный фактор преимущественно вносит положительные моменты в жизнь этнических групп. Особенно обращает на себя внимание открытость молодых людей к представителям иных культурных традиций, что позитивно влияет на развитие толерантных отношений в регионе.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–59–44004 и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы в рамках проекта № НШ-63.2022.2.

Thanks

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20–59–44004 and the Foundation of the President of the Russian Federation for the support of a leading scientific school in the framework of project No. NSH-63.2022.2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андросов М. В. Государственная национальная политика Российской Федерации: от концепции к стратегии // Государственно-правовые исследования. 2020. Вып. 3. С. 197–203.

Бадмаев В. Н., Уланов М. С., Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П., Антонов В. И., Очирова, О. А. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 35–49.

Всероссийская перепись населения (2010). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.10.2021).

Гончарова Г. С., Савельев Л. Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск : Нонпарель, 2004. 288 с.

Государственная программа «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2014–2016 годы» // Официальный сайт Правительства Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/content/1411/> (дата обращения: 16.10.2021).

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичилдей У. П., Монгуш А. В. Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 18–34.

Информация о межэтнических отношениях в Республике Тыва // Официальный сайт Агентства по делам национальностей Республики Тыва. URL: <https://xn-7sbabj7aaqgsml6be4ce.xn-p1ai/mezhetnicheskie-otnosheniya/> (дата обращения: 16.10.2021).

Ламажаа Ч. К. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194.

Отчет о работе Агентства по делам национальностей Республики Тыва в 2019 году // Официальный сайт Агентства по делам национальностей. URL: <http://xn-7sbabj7aaqgsml6be4ce.xn-p1ai/dokumenty/> (дата обращения: 16.10.2021).

Постановление Правительства Республики Тыва от 23 апреля 2020 г. № 174 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва „Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2021–2023 годы”» // Официальный сайт Правительства Республики Тыва. URL: <http://www.npa.rtyva.ru/page/3901.html> (дата обращения: 16.10.2021).

Постановление Правительства Республики Тыва от 15 февраля 2017 г. № 40 «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва „Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2017–2019 годы”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/region17> (дата обращения: 16.10.2021).

Постановление Правительства Республики Тыва от 17 ноября 2017 г. № 509 «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва „Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2017–2019 годы”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/region17> (дата обращения: 16.10.2021).

Постановление Правительства Республики Тыва от 26.01.2018 № 22 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва „Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2018–2020 годы”» // Официальный сайт Правительства Республики Тыва. URL: <http://www.npa.rtyva.ru/page/2595.html> (дата обращения: 16.10.2021).

Постановление Правительства Республики Тыва от 29 ноября 2016 г. № 515 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва „Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов в Республике Тыва на 2017–2019 годы”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/region17> (дата обращения: 16.10.2021).

Постановление Правительства Республики Тыва от 29.12.2016 № 552 «Об утверждении Положения об Агентстве по делам национальностей Республики Тыва и его структуры» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700201612290005?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 16.10.2021).

Постановление Правительства Республики Тыва от 8 октября 2013 г. № 584 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва „Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов в Республике Тыва

на 2014-2016 годы”» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430502436> (дата обращения: 16.10.2021).

Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 16.10.2021).

REFERENCES

Androsov M. V. Gosudarstvennaya nacional'naya politika Rossijskoj Federacii: ot koncepcii k strategii [State national policy of the Russian Federation: from concept to strategy]. *Gosudarstvenno-pravovy'e issledovaniya* [State legal research]. 2020. V. 3. S. 197–203 (in Russian).

Badmaev V. N., Ulanov M. S., Lamazhaa Ch. K., Bicheldej U. P., Antonov V. I., Ochirova, O. A. Rossiya i buddijskij mir glazami molodezhi Tuvy', Buryatii i Kalmy'kii (po materialam sociologicheskogo oprosa) [Russia and the Buddhist world through the eyes of the youth of Tuva, Buryatia and Kalmykia (based on a sociological survey)]. *Novy'e issledovaniya Tuvy'* [New studies of Tuva]. 2020. № 1. S. 35–49 (in Russian).

Vserossijskaya perepis' naseleniya (2010) [All-Russian population census]. [*E'lektronny'j resurs*]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Goncharova G. S., Savel'ev L. Ya. Semejno-brachny'e otnosheniya u narodov Sibiri: problemy', tendencii, perspektivy' [Family and marriage relations among the peoples of Siberia: problems, trends, prospects]. Novosibirsk : Nonparel', 2004. 288 s. (in Russian).

Gosudarstvennaya programma “Ukrepnenie grazhdanskogo edinstva i nacional'no-kul'turnoe razvitie narodov Respubliki Ty'va na 2014–2016 gody'” [State program “Strengthening civil unity and national and cultural development of the peoples of the Republic of Tyva for 2014–2016”]. *Oficial'ny'j sajt Pravitel'stva Respubliki Ty'va* [*E'lektronny'j resurs*] [Official website of the Government of the Republic of Tyva [Electronic resource]]. URL: <https://rtyva.ru/content/1411/> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Bichildej U. P., Mongush A. V. Religioznaya situaciya v Respublike Ty'va (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya) [The religious situation in the Republic of Tyva (according to the results of a sociological study)]. *Novy'e issledovaniya Tuvy'* [New studies of Tuva]. 2021. № 2. S. 18–34 (in Russian).

Informaciya o mezhe'tnicheskix otnosheniyax v Respublike Ty'va [Information about interethnic relations in the Republic of Tyva]. *Oficial'ny'j sajt Agentstva po delam nacional'nostej Respubliki8 Ty'va* [*E'lektronny'j resurs*] [Official site of the Agency for Nationalities Affairs of the Republic of Tyva [Electronic resource]]. URL: <https://xn-7sbabj7aaqgsml6be4ce.xn-p1ai/mezhetnicheskie-otnosheniya/> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Lamazhaa Ch. K. Tuva kak limitrofnaya zona: yazyk, religiya i identifikaciya tuvincev [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and identification of Tuvans]. *Novy'e issledovaniya Tuvy'* [New studies of Tuva]. 2021. № 3. S. 178–194 (in Russian).

Otchet o rabote Agentstva po delam nacional'nostej Respubliki Ty'va v 2019 godu [Report on the work of the Agency for Nationalities of the Republic of Tyva in 2019]. *Oficial'ny'j sajt Agentstva po delam nacional'nostej* [*E'lektronny'j resurs*] [Official website

of the Agency for Nationalities. URL: <http://xn-7sbabj7aaqgsm16be4c8e.xn-p1ai/dokumenty/> (accessed 10/16/2021). URL: <http://xn-7sbabj7aaqgsm16be4c8e.xn-p1ai/dokumenty/> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Ty'va ot 23 aprelya 2020 g. № 174 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy” Respubliki Ty'va “Realizaciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii v Respublike Ty'va na 2021–2023 gody” [Decree of the Government of the Republic of Tyva dated April 23, 2020 No. 174 “On approval of the state program of the Republic of Tyva “Implementation of the state national policy of the Russian Federation in the Republic of Tyva for 2021–2023”]. *Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Respubliki Ty'va [E'lektronnyj resurs]* [Official website of the Government of the Republic of Tyva [Electronic resource]]. URL: <http://www.npa.rtyva.ru/page/3901.html> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Ty'va ot 15 fevralya 2017 g. № 40 “O vnesenii izmenenij v gosudarstvennyu programmu Respubliki Ty'va “Ukreplenie grazhdanskogo edinstva i nacional'no-kul'turnoe razvitie narodov Respubliki Ty'va na 2017–2019 gody” [Decree of the Government of the Republic of Tyva dated February 15, 2017 No. 40 “On Amendments to the State Program of the Republic of Tyva “Strengthening Civil Unity and National and Cultural Development of the Peoples of the Republic of Tyva for 2017–2019”]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [E'lektronnyj resurs]* [Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/region17> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Ty'va ot 17 noyabrya 2017 g. № 509 “O vnesenii izmenenij v gosudarstvennyu programmu Respubliki Ty'va “Ukreplenie grazhdanskogo edinstva i nacional'no-kul'turnoe razvitie narodov Respubliki Ty'va na 2017–2019 gody” [Decree of the Government of the Republic of Tyva dated November 17, 2017 No. 509 “On Amendments to the State Program of the Republic of Tyva “Strengthening Civil Unity and National and Cultural Development of the Peoples of the Republic of Tyva for 2017–2019”]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [E'lektronnyj resurs]* [Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/region17> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Ty'va ot 26.01.2018 № 22 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy” Respubliki Ty'va “Realizaciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii v Respublike Ty'va na 2018–2020 gody” [Decree of the Government of the Republic of Tyva dated January 26, 2018 No. 22 “On approval of the state program of the Republic of Tyva “Implementation of the state national policy of the Russian Federation in the Republic of Tyva for 2018–2020”]. *Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Respubliki Ty'va [E'lektronnyj resurs]* [Official website of the Government of the Republic of Tyva. URL: <http://www.npa.rtyva.ru/page/2595.html> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Ty'va ot 29 noyabrya 2016 g. № 515 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy” Respubliki Ty'va “Ukreplenie grazhdanskogo edinstva i nacional'no-kul'turnoe razvitie narodov v Respublike Ty'va na 2017–2019 gody” [Decree of the Government of the Republic of Tyva dated November 29, 2016 No. 515 “On approval of the state program of the Republic of Tyva “Strengthening civil unity and national and cultural development of peoples in the Republic of Tyva for 2017–2019”]. *Oficial'nyj internet-*

portal pravovoj informacii [E'lektronnyj resurs] [Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/region17> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Ty'va ot 29.12.2016 № 552 “Ob utverzhdenii Polozheniya ob Agentstve po delam nacional'nostej Respubliki Ty'va i ego struktury” [Decree of the Government of the Republic of Tuva dated December 29, 2016 No. 552 “On approval of the Regulations on the Agency for Nationalities of the Republic of Tuva and its structures”]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700201612290005?index=1&rangeSize=1> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Ty'va ot 8 oktyabrya 2013 g. № 584 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy” Respubliki Ty'va “Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy” Respubliki Ty'va “Ukrepenie grazhdanskogo edinstva i nacional'no-kul'turnoe razvitie narodov v Respublike Ty'va na 2014–2016 gody” [Decree of the Government of the Republic of Tyva dated October 8, 2013 No. 584 “On approval of the state program of the Republic of Tyva” On approval of the state program of the Republic of Tyva “Strengthening civil unity and national and cultural development of peoples in the Republic of Tyva for 2014–2016”]. *E'lektronnyj fondpravovy'x i normativno-texnicheskix dokumentov* [Electronic Fund of Legal and regulatory and technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430502436> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.12.2012 g. № 1666 “O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda” [Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025”]. *Prezident Rossii* [President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (data obrashheniya: 16.10.2021) (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.02.2022.

Принята к публикации 25.06.2022.

Дата публикации 30.09.2022.

УДК 2

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–10

П. К. Дашковский*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)***А. Н. Ожиганов***Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ХАКАСИИ В СЕРЕДИНЕ 1960-х — СЕРЕДИНЕ 1970-х гг.

В период руководства СССР Л. И. Брежневым начинается процесс определенной либерализации государственно-конфессиональных отношений. Приоритетным в этот период становится усиление контроля религиозных общин со стороны государственных и местных органов власти и проведение атеистической пропаганды. На основе анализа постановлений ЦК КПСС и местных партийных органов, материалов Национального архива Республики Хакасия и Государственного архива Красноярского края в статье рассматривается реализация атеистической пропаганды в Хакасии в середине 1960-х — середине 1970-х гг. В это время в Хакасии, как и в целом по Советскому Союзу, в атеистической пропаганде большую роль играли пропагандистские мероприятия, делался акцент на распространение научных знаний. Основными формами ведения атеистической пропаганды являлись лекции, коллективные и индивидуальные беседы, вечера вопросов и ответов, кинолектории, проведение безрелигиозных праздников. При этом к верующим продолжали применять меры общественного влияния за исполнение религиозных обрядов. Значительную часть атеистической работы в Хакасии проводили отделы пропаганды и агитации краевого исполнительного комитета, областного, городских и районных исполкомов КПСС и ВЛКСМ, Красноярская краевая и Хакасская областная организации Всесоюзного общества «Знание», образовательные, медицинские учреждения и учреждения культуры. Несмотря на проведение атеистической работы, в Хакасии местные органы власти отмечали высокую степень активности верующих. Проведение атеистической пропаганды в Хакасии, как и по всей стране, не привело к исчезновению религиозных взглядов и убеждений.

Ключевые слова: атеистическая пропаганда, Хакасия, религиозные общины, КПСС, ВЛКСМ, общество «Знание».

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Ожиганов А. Н. Атеистическая пропаганда в Хакасии в середине 1960-х — середине 1970-х гг. // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 144–161. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–10.

P. K. Dashkovskiy

---

*Altay State University, Barnaul (Russia)***A. N. Ozhiganov**

Altay State University, Barnaul (Russia)

ATHEISTIC PROPAGANDA IN KHAKASSIA IN THE MID 1960 — ID 1970S

During the leadership of the USSR by Leonid Brezhnev, the process of a certain liberalization of state-confessional relations begins. The priority during this period is the strengthening of control of religious communities by state and local authorities and the conduct of atheistic propaganda. Based on the analysis of the resolutions of the Central Committee of the CPSU and local party bodies, the materials of the National Archives of the Republic of Khakassia and the State Archives of the Krasnoyarsk Territory, the article examines the implementation of atheistic propaganda in Khakassia in the mid-1960s — mid-1970s. At that time, in Khakassia, as well as in the Soviet Union as a whole, propaganda activities played an important role in atheistic propaganda and the emphasis was placed on the dissemination of scientific knowledge. The main forms of conducting atheistic propaganda were lectures, collective and individual conversations, evenings of questions and answers, film lectures, non-religious holidays. At the same time, measures of social influence continued to be applied to believers for the performance of religious rites. A significant part of the atheistic work in Khakassia was carried out by the departments of propaganda and agitation of the regional executive committee, the regional, city and district executive committees of the CPSU and the Komsomol, the Krasnoyarsk regional and Khakass regional organizations of the All-Union Society “Knowledge”, educational, medical and cultural institutions. Despite carrying out atheistic work in Khakassia, local authorities noted a high degree of activity of believers in Chernogorsk, Abakan, Bogradsky, Askizsky and Altai regions. The conduct of atheistic propaganda in Khakassia, as well as throughout the country, did not lead to the disappearance of religious views and beliefs.

Key words: atheistic propaganda, Khakassia, religious communities, CPSU, Komsomol, Society “Knowledge”.

For citation:

Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N. Atheistic propaganda in Khakassia in the mid-1960s — mid-1970s. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 3. P. 144–161. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–10.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиовед-

---

ческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Ожиганов Александр Николаевич, аспирант, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** ozhiganov@bk.ru.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional Studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>.

Ozhiganov Aleksandr Nikolaevich, asperante, laborante of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** ozhiganov@bk.ru.

Введение

Атеистическая пропаганда в СССР как элемент государственно-конфессиональной политики является одной из актуальных тем в отечественной исторической и религиоведческой науке. Общесоюзные тенденции реализации атеистической (антирелигиозной) пропаганды представлены в трудах В. А. Алексева [1991], М. В. Шкаровского [1997], Т. К. Никольской [2009] и других исследователей. Проведение атеистической работы в европейских регионах страны рассматривали Э. З. Шакирова [2009], А. И. Чаусов [2010] и др. Атеистическую пропаганду в Сибири исследовали Л. И. Сосковец [2005; 2013], А. В. Горбатов [2014], В. П. Ключева [2015], П. К. Дашковский, Н. С. Дворянчикова [2022] и др. При этом остается неизученной проблематика атеистической работы на территориях национальных автономий Южной Сибири в советской время, в том числе в Хакасской автономной области. В данной статье с использованием постановлений ЦК КПСС, фондов Национального архива Республики Хакасия и Государственного архива Красноярского края рассматривается система научно-атеистической пропаганды в Хакасии в середине 1960-х — середине 1970-х гг.

В период руководства СССР Л. И. Брежневым начинается процесс определенной либерализации государственно-конфессиональных отношений. Приоритетным в этот период становится усиление контроля религиозных общин со стороны советских центральных и местных органов власти и проведение атеистической пропаганды. При этом начиная еще с 1940-х гг. во взаимоотношениях религиозных общин и государства наблюдался постепенный отказ от открытого преследования и репрессий верующих в пользу их атеистического перевоспитания [Сосковец, 2013: 180]. В 1961 г. XXII съездом КПСС была принята обновленная программа Коммунистической партии Советского Союза, согласно которой планировалось продолжать воспитание научно-материалистического миропонимания и преодоление религиозных предрассудков населения. При этом предполагалось не допускать оскорбления чувств верующих и прово-

дить научно-атеистическую пропаганду через разъяснение с опорой на достижения науки [Программа коммунистической партии Советского Союза].

Важно отметить, что в 1964 г. для изучения вопросов теории и практики научного атеизма был создан Институт научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС [Зуев, 2009: 9]. Однако практика атеистической работы нередко полагалась на административные меры и значительно расходилась с рекомендациями, разработанными этим институтом [Смолкин, 2009]. При этом в результате реализации партийной программы во второй половине 1960-х — 1970-х гг. возросло количество пропагандистских мероприятий [Чаусов, 2010: 22].

Деятельность общества «Знание» по атеистическому воспитанию

Пропагандой и просвещением в СССР с 1947 г. под контролем ЦК КПСС занималось Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. Всесоюзное общество «Знание»), имевшее свои отделения в регионах. В Хакасии осуществляла деятельность Красноярская краевая организация Всесоюзного общества «Знание» [Селезнев, 2018: 93]. Наряду с краевой организацией атеистическую пропаганду проводила Хакасская областная организация общества «Знание». В ее задачи входили предотвращение распространения религиозных воззрений среди населения, в особенности среди детей, утверждение научно-материалистического, коммунистического мировоззрения, содействие перевоспитанию верующих и приобщению их к полезной деятельности [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 13]. Одной из распространенных форм атеистической работы этой организации была лекция. Число проведения лекционных мероприятий постоянно варьировалось. Так, в 1966 г. лекторы Хакасской областной организации общества «Знание» прочитали 1012 лекций по атеизму. В 1967 г. было проведено 1052 научно-атеистических лекции [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 9. Л. 54]. Однако в 1970 г. число таких лекций заметно снизилось до 898 [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 4. Л. 21]. Помимо снижения активности атеистической пропаганды за счет уменьшения числа лекционных мероприятий, в Хакасии наблюдалось менее пристальное внимание к ее результатам. Так, в 1970 г. на заседании Хакасской областной организации общества «Знание» не нашлось времени на обсуждение вопроса состояния пропаганды естественно-научных и атеистических знаний [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 13]. Важно отметить, что в результате антирелигиозной кампании конца 1950-х — начала 1960-х гг. в обществе не только усилился негатив в отношении верующих, но и появились апатичные настроения из-за насыщенной антирелигиозной деятельности [Никольская, 2009: 223].

Для активизации антирелигиозной пропаганды принимались постановления, которые на какое-то время ее оживляли [Сосковец, 2005: 190]. Так, на II пленуме Красноярской краевой организации общества «Знание» от 19 мая 1970 г. было принято постановление «О состоянии и мерах улучшения научно-атеистической пропаганды среди трудящихся Хакасской автономной области и г. Канска». Кроме того, в 1971 г. вышло постановление ЦК КПСС и бюро крайкома партии «Об усилении атеистического воспитания населения» [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4. Л. 197]. В Хакасии реализация этих постановлений вызвала оживление атеистической работы. В 1971 г. количество лекций по атеизму Хакасской областной организации общества «Знание» вы-

росло до 911 [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 4. Л. 1]. В последующие годы число научно-атеистических и естественно-научных лекций также росло — 1973 г. — 1135, 1974 г. — 1159 [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 20. Л. 50]. В 1975 г. было прочитано 1205 таких лекций [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 26. Л. 27]. Кроме того, в соответствии с этим постановлением был разработан областной план улучшения атеистической работы. Районные и городские исполкомы запланировали конкретные мероприятия по ее реализации [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. В 1971 г. план атеистической работы Богградского района включал лекции, радиобеседы, показ атеистических фильмов, создание в школах и библиотеках уголков атеизма, проведение в школах вечеров «Химия и религия», внедрение безрелигиозных обрядов [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 7]. В Черногорске среди направлений атеистической работы значились массово-политические мероприятия, индивидуальная работа с верующими, работа Советов и административных органов по разъяснению советского законодательства о религиозных культурах. Отдел пропаганды и агитации Черногорский горкома КПСС уделял особое внимание усилению атеистического воспитания трудящихся и реализации плана мероприятий по работе с пятидесятниками. Отдельные мероприятия горком КПСС разрабатывал по взаимодействию с верующими, написавшими заявления с просьбой выезда из СССР в 1974 г. [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4. Л. 53].

Хакасский областной комитет КПСС в организации атеистической работы учитывал состав агитаторов-атеистов, методику работы с верующими, формы учебы агитаторов, проведение массовых атеистических мероприятий (новые гражданские обряды, атеистические вечера, вечера вопросов и ответов, лекции и беседы и др.). Горкомы отчитывались по результативности работы, динамике роста или сокращения числа верующих и обрядности, приводили примеры людей, отошедших от религии, сообщали о расколе религиозных групп и потере авторитета проповедников [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4. Л. 174].

Наращение интенсивности атеистической работы в первой половине 1970-х гг. наблюдалось не только в городах, но и в районах Хакасской автономной области. Так, в Усть-Абаканском районе в рамках работы по научному атеизму за 1971 г. общество «Знание» организовало 57 лекций. Наиболее активные лекторы проводили беседы в школах района и лекции в клубах [НАРХ. Ф. П-3. Оп. 52. Д. 16. Л. 16]. В 1975 г. в этом же районе в коллективах школ, детских садов, районом отделе образования, отделе культуры и сельском профессионально-техническом училище № 8 работали 33 теоретических семинара по философским проблемам «Формирование материалистического мировоззрения и пути преодоления религиозных пережитков», обучилось 645 человек. В районе работали 35 лекторов-атеистов, которые прочитали 84 лекции по научному атеизму, из них 25 — по химии, 11 — по физике, 16 — по медицине, 10 — по биологии, 22 по астрономии и географии [НАРХ. Ф. П-3. Оп. 55. Д. 25. Л. 92]. К середине 1970-х гг. атеистическую лекционную пропаганду в Хакасии отличал научный подход, в основном с опорой на естественно-научные знания, тогда как критика религиозной психологии в лекциях практически отсутствовала [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 20. Л. 61].

Для обобщения опыта работы атеистов в Хакасии проводились теоретические и методические конференции. Например, за 1972–1973 гг. было проведено пять таких ме-

роприятий [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 32. Л. 23–24]. Для более квалифицированной подготовки лекторов-атеистов области совместно с краевой организацией общества «Знание» в 1970 г. было проведено два областных семинара [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 13]. 27 января 1972 г. Абаканский горком КПСС провел городскую научно-практическую конференцию «24 съезд КПСС об усилении атеистического воспитания трудящихся». На эту конференцию были приглашены агитаторы, партийные, советские, комсомольские, профсоюзные работники, руководители атеистических кружков, клубов, народных университетов, работники учреждений культуры [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29. Л. 41]. В 1975 г. с 20 февраля по 13 марта отдел пропаганды и агитации Хакасского обкома КПСС и областная организация общества «Знание» проводили семинары агитаторов, лекторов-атеистов, организаторов по всем городам и районам области [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 82. Л. 16]. Ежегодно проходили семинары для учителей-атеистов, завучей по воспитательной работе и секретарей школьных партийных организаций [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 15].

Местные организации общества «Знание» создавали дополнительные группы, которые также занимались атеистической работой. Так, при областном ДК был создан клуб атеистов [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 9. Л. 45]. В начале 1970-х гг. в Черногорске по предложению городской организации общества «Знание» был утверждён городской Совет атеистов в составе 26 человек [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. Члены городского Совета атеистов посещали молитвенные собрания, изучали характер проповедей, состояние дел в общине, степень религиозности верующих [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 139].

В 1971 г. указанный совет направлял работу по атеизму в Черногорске, проверял состояние атеистического воспитания на предприятиях, в учреждениях и в учебных заведениях. При Совете атеистов работали три секции. Одна из них специализировалась на работе с так называемыми сектантами, к которым относились все верующие, кроме православных. Секция контролировала молитвенные собрания, изучала характер проповедей, проводила беседы с верующими и руководила индивидуальной работой. Другая секция Совета атеистов занималась профилактической работой среди трудящихся, направленной против влияния православной церкви. Такая работа проводилась через проведение лекций и бесед о вреде религиозных ритуалов. Третья секция Совета атеистов внедряла новые советские и гражданские праздники, традиции и обряды. Одним из направлений работы городского Совета атеистов в Черногорске была популяризация журнала «Наука и религия». Совместная работа с городской организацией общества «Знание» в этом направлении привела к росту подписки на журнал «Наука и религия». Так, в 1969 г. был выписан 81 экземпляр журнала, в 1970 г. — 150, а в 1971 г. — 188 [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 12]. Один из акцентов в атеистической работе данного совета был сделан на общинах пятидесятников Черногорска. Через индивидуальную работу члены совета работали в первую очередь с сомневающимися верующими. Кроме того, они проводили выступление по научно-атеистическим вопросам, разъясняли законодательство о культурах, беседовали с лидерами общин и присутствовали на молитвенных собраниях с целью выявления нарушений законодательства о культурах [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4. Л. 5].

Ведение атеистической пропаганды в системе образования

Важным каналом распространения научного атеизма в СССР являлась система школьного и высшего образования. В 1971 г. Министерство просвещения РСФСР выпустило «Письмо об усилении атеистического воспитания учащихся общеобразовательной школы» [Савинов, 1998: 93], хотя такая работа велась в стране системно с момента установления советской власти. В 1969 г. школах Орджоникидзевского района Хакасской автономной области за детьми верующих велись наблюдения, учащимся давали поручения по участию в диспутах, школьных вечерах. В школах этого же района оформлялись выставки, например, «Художники-передвижники против церкви», проводились вечера вопросов и ответов на атеистическую тему [НАРХ. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 200. Л. 1]. В школах Черногорска пропаганда проводилась на уроках и во внеурочное время. Поскольку центральная роль в атеистической пропаганде была отдана научным знаниям, в задачи учителей литературы, истории, биологии, химии и других дисциплин входило формирование атеистического мировоззрения [Колкунова, 2013: 114]. Школы организовывали тематические вечера «Возникновение и развитие жизни на Земле», «Наука разоблачает чудеса», «Чудесный мир воды», конференции по теме книг и фильмов «Чудотворная», «Конопуша». В Боградском районе Хакасской автономной области коллектив учителей школы проводил беседы, организовывал просмотры фильмов, создавал уголки атеистов и др. [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. Городской отдел народного образования г. Черногорска в 1974–1975 гг. вело строгий учет детей. На каждого ребенка из верующей семьи заводился дневник наблюдений [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4. Л. 56]. Для учащихся ГПТУ-37 Черногорска был организован лекторий по атеизму, на котором в качестве аргументов применялись научные знания [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4. Л. 58].

В школах, где учились дети верующих, атеистическое воспитание было на особом счету. Планы школ и классных руководителей в Черногорске включали разделы по атеистическому воспитанию, в которых отражалась работа с учащимися и с родителями. Помимо уроков и внеклассных мероприятий, проводилась индивидуальная работа с каждым ребенком [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 15]. Для наиболее религиозных семей в школах составлялись индивидуальные планы работы. В результате такого подхода, например, некоторые пятидесятники Черногорска стали посещать родительские собрания. Дети из семей пятидесятников стали заниматься на уроках пения, физкультуры, труда, смотреть фильмы [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 16].

Определенные результаты давала атеистическая работа в Усть-Абаканском районе области. Так, в с. Райково с детьми из семей баптистов проводились индивидуальные беседы. Дети принимали активное участие в жизни школы, посещали кружки, смотрели телевизор, перестали ходить на молитвенные собрания [НАРХ. Ф. П-3. Оп. 52. Д. 16. Л. 17]. В школах Абакана также велся учет детей из верующих семей, были заведены индивидуальные дневники для работы с ними, работали клубы атеистов, атеистические кружки, выпускались атеистические стенгазеты, проводились антирелигиозные лекции и вечера. Учителя посещали молельный дом евангельских христиан-баптистов и Русскую православную церковь с целью изучения проповедей и выявления детей, посещающих молитвенные собрания [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29. Л. 7].

Атеистическое воспитание было организовано не только на уровне школ, но и в высших учебных заведениях. При Абаканском государственном педагогическом институте с 1968 г. действовал Клуб воинствующих атеистов. Более 30 его участников занимались атеистической работой среди студентов и в школах. Они читали такие лекции, как «Возникновение сущности и пути преодоления религии», «Борьба науки и религии на современном этапе», «Критика религиозной морали» и др. [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 140–141]. В г. Абакане в 1969–1970 учебном году возобновил работу факультет научного атеизма при университете марксизма-ленинизма [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 139]. В 1968 г. при областном ДК была проведена лекция «О чем говорят религиозные памятники Хакасии», которую читал заслуженный деятель культуры РСФСР А. Н. Липский [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 9. Л. 45]. В сентябре 1975 г. старший преподаватель Красноярского педагогического института И. Л. Воеводин в различных аудиториях района прочел 25 лекций по тематике «Религия и закон», «О религиозных текстах», «Религия и сектантство». Он выступал на Хакасском гидролизном заводе, Усть-Абаканском лесокомбинате, Усть-Абаканском овощемолсовхозе, Хакасской сельскохозяйственной опытной станции и др. [НАРХ. Ф. П-3. Оп. 55. Д. 25. Л. 92]. В 1975 г. состоялось совещание заведующих кафедрами и преподавателями общественных наук по улучшению атеистической работы среди студентов и совершенствованию научной разработки проблем атеизма [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 40. Л. 1].

Важно подчеркнуть, что весомую роль в атеистическом воспитании молодого поколения в Хакасии играли областной, городские и районные комитеты ВЛКСМ. Так, при Хакасском областном комитете ВЛКСМ планировалось создать отдельную комиссию по атеистическому воспитанию молодежи [НАРХ. Ф. П-12. Оп. 47. Д. 92. Л. 1]. В 1972 г. на заседании комиссии по атеистическому воспитанию молодежи окружного комитета ВЛКСМ обсуждалась организация выезда агитбригад в районы области для чтения лекций в составе лектора, художника, поэта, музыканта. Кроме того, члены окружного комитета ВЛКСМ планировали разработать лекции на антирелигиозные темы на хакасском и русском языках [НАРХ. Ф. П-12. Оп. 46. Д. 61. Л. 2].

Роль комиссий содействия соблюдению законодательства о культах в распространении атеистических знаний

В атеистической работе в Хакасии немаловажную роль играли комиссии содействия контролю соблюдения законодательства о культах. Например, в 1969 г. в Орджоникидзевском районе области комиссия содействия контролю за соблюдением законодательства о культах разработала мероприятия по усилению атеистической работы. Члены комиссии взяли на контроль все семьи верующих Копьевского, Устино-Копьевского и Красноийусского сельсоветов [НАРХ. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 200. Л. 1]. Члены комиссий не только следили за соблюдением законодательства о культах, но и занимались атеистическим воспитанием. Они проводили с верующими разъяснительную работу [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 21]. Аналогичные комиссии действовали и в других регионах. Например, важную роль в распространении атеизма играли комиссии содействия контролю соблюдения законодательства о культах в Алтайском крае и Новосибирской области [Беликов, Дворянчикова, Шершнева, 2019: 106]. При необходимости

сти члены комиссий содействия соблюдению законодательства о культах передавали информацию о его нарушениях на рассмотрение административной комиссии [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 21]. К руководителям групп верующих применялись меры административного воздействия, денежные штрафы. Подобные меры способствовали уменьшению числа верующих в районе, в 1970 г. их насчитывалось 39, а в 1971 г. — 26 [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 23–24]. В феврале 1973 г. за нарушение законодательства о культах были оштрафованы четверо верующих и предупреждены о более строгих мерах в случае повторных собраний [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29. Л. 15]. В Черногорске к административной ответственности за 1972 г. были привлечены 9 человек [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29. Л. 29].

Атеистическая работа с гражданами, совершившими религиозные обряды

В рамках атеистической работы Красноярский краевой комитет КПСС обращал особое внимание на число совершенных религиозных обрядов. Информация по религиозной обрядности, в особенности по числу крещений, поступала в местные отделения партии. Так, в 1969 г. в Черногорск были направлены списки крестившихся граждан или крестивших своих детей [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4. Л. 163]. Важно отметить, что горкомы КПСС и исполкомы горсовета вели постоянный учет так называемых сектантов, изучали семьи верующих, проводили среди трудящихся профилактическую работу по ограничению влияния Русской православной церкви [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 11]. Так, горком КПСС Черногорска в своей работе учитывал показатели числа совершенных религиозных обрядов. При получении информации о количестве обрядов крещения были организованы беседы с секретарями парторганизаций. В первичных партийных организациях проводились индивидуальные беседы по каждому случаю крещения с выяснением причин. В дальнейшем проводилась воспитательная и объяснительная работа [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 17]. Отдельно отмечались случаи крещения граждан, принадлежащих к самой партии или к ее молодежному отделению, например, крещение комсомолки в Алтайском районе [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 23].

Важно подчеркнуть, что в качестве причины крещения детей родители указывали, что не являются верующими и уступили в вопросе крещения старшим родственникам [НАРХ. Ф. П-3. Оп. 54. Д. 26. Л. 10]. При этом встречались случаи, когда родители узнавали о крещении ребенка уже после проведения обряда крещения, хотя патриарх Алексий (Симанский) запрещал совершать незарегистрированные крещения без разрешения родителей [Шлихта, 2012: 385]. И даже в этом случае родители на рабочем месте получали за крещение строгий выговор [Ф. 13. Оп. 32. Д. 25. Л. 11]. Само участие в обряде крещения грамотных людей объяснялось слабой пропагандой на местах [НАРХ. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 200. Л. 6]. В этой связи в 1971 г. для усиления атеистической пропаганды с семьями, крестившими детей, и с верующими были созданы группы агитаторов-атеистов из местных учителей, медработников, партийных и хозяйственных работников, которые посещали религиозные семьи.

Главным направлением в атеистической работе в Хакасии в первой половине 1970-х гг. стало индивидуальное взаимодействие [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 249].

Так, в 1972 г. в Усть-Абаканском районе области с родителями, крестившими детей, члены комиссий проводили индивидуальные беседы [НАРХ. Ф. П-3. Оп. 53. Д. 22. Л. 9]. При этом не во всех населенных пунктах индивидуальная работа была реализована успешно. Так, в г. Абакане в 1973 г. она проводилась формально, а массовые мероприятия были не всегда действенны [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29. Л. 9]. В 1975 г. районная партийная организация совместно с другими общественными организациями проделала работу с лицами, совершившими религиозные обряды. Члены партийной организации применяли не только обсуждение поступков в коллективах по месту работы, но и индивидуальные беседы [НАРХ. Ф. П-13. Оп. 32. Д. 25. Л. 11].

Однако нередкими были случаи, когда при выявлении фактов крещения работающих или крещения ими своих детей применялись давление и критика со стороны коллектива, что имело разные последствия. Так, Р.М. Кайгородова «была разобрана» за крещение трехлетнего сына на собрании педагогического коллектива Белоярской вспомогательной школы, после которого уволилась по собственному желанию [НАРХ Ф. 13. Оп. 32. Д. 25. Л. 12]. Подобная ситуация складывалась и в Кемеровской области, где общественное давление заставляло верующих увольняться с работы [Серова, 2010: 24]. Кроме того, применялись и другие способы влияния. Так, коммунист Н. И. Большая после крещения «был разобран» на закрытом партийном собрании и исключен из членов КПСС за несовместимость идеологических взглядов [НАРХ Ф. 13. Оп. 32. Д. 25. Л. 12]. В Усть-Абаканском районе Хакасской автономной области на заседании отдела пропаганды и агитации РК КПСС был подвергнут обсуждению поступок воспитательницы детского сада, крестившей в церкви дочь-пионерку. В коллективе детского сада был проведен педсовет с участием членов комиссии, где «все присутствующие резко осудили воспитателя» [НАРХ. Ф. П-3. Оп. 53. Д. 22. Л. 9]. Чтобы скрыть факт крещения и избежать осуждения со стороны общества, верующие крестили детей не в своем регионе. Так, в 1975 г. члены семьи Коптевых из Аскизского района Хакасской автономной области крестили своих детей в Вологде [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 82. Л. 40–41].

Атеистическая работа на предприятиях и в учреждениях

Важно отметить, что в ходе атеистической работы учитывался сам факт наличия верующих в коллективе, тем более, если это касалось работы с детьми. Например, после сообщения отдела УКГБ при СМ СССР по Красноярскому краю в Хакасской автономной области о том, что детском доме «Малышок» среди сотрудников есть семь членов секты свидетелей Иеговы, был поднят вопрос целесообразности их работы с детьми. Дело в том, что активную организующую роль в деле борьбы с религией играли спецслужбы. КГБ владели наиболее полной и объективной информацией о жизнедеятельности общин [Горбатов, 2014: 160]. Для верующих сотрудников детского дома был организован специальный график работы. За ними специально закрепили агитаторов-атеистов, а в коллективе были приняты меры по усилению атеистической работы [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 82. Л. 91]. Практика осуждения верующих проводилась не только в коллективах, но и силами общественности. Например, в улусе Сартыково был проведен общественный суд над последовательницей свидетелей Иеговы Доможаковой [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 23–24].

Атеистическую работу с верующими на предприятиях и в учреждениях проводили ответственные лица из местных партийных организаций. Например, в Абакане в 1971 г. они организовывали все массовые антирелигиозные мероприятия и индивидуальную работу с верующими [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 1]. В организациях широко были распространены атеистические уголки, стенгазеты, бюллетени [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 2]. В Абакане в течение февраля-марта 1973 г. во всех организациях, где работали верующие, агитаторы и политинформаторы провели обсуждение статей «Провокаторы и их угодники», «Провокация с дальнейшим прицелом» [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29. Л. 7].

Особое внимание уделялось верующим из числа молодежи, работающим на предприятиях. В 1974 г. на камвольно-суконном комбинате Черногорска работало около 60 молодых людей, посещавших общину пятидесятников. Многие из них по сведениям отдела управления КГБ при Совете Министров СССР по Красноярскому краю не являлись глубоко религиозными людьми, а посещали общину в силу привычки, под давлением родителей или в силу дружбы с верующими. Например, верующую из Мариинска Кемеровской области отправили в Черногорск Хакасской автономной области для развития интереса к религии через дружбу в общине с верующими молодыми людьми. При этом верующие отмечали, что в общине работа с молодежью выстроена более качественно. В 1974 г. общественные организации камвольно-суконно комбината и других предприятий ослабили индивидуальную работу по вовлечению верующих в активную производственную, общественную деятельность и в культурно-массовые мероприятия [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 38. Л. 2]. В сложившейся ситуации первичные партийные организации пытались улучшить индивидуальную работу с верующими на предприятиях Черногорска. Так, на камвольно-суконном комбинате за верующими персонально были закреплены агитаторы из числа сотрудников, работавших вместе. Каждый агитатор вносил в дневник данные по встрече с подопечными, отмечал их результаты, настроение, запросы [ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1 Д. 48. Л. 85].

Атеистическая пропаганда в СМИ и проведение безрелигиозных праздников

В проведении атеистической пропаганды были активно задействованы средства массовой информации. Важно отметить, что с середины 1960-х гг. СМИ в СССР, в том числе региональные в Сибири, стали более корректно давать информацию о верующих [Дворянчикова, 2021: 72]. По радио и телевидению выступали лица, отошедшие от религии. Кроме того, проводились атеистические радиолектории. Например, в первой половине 1970-х гг. в Черногорске такой радиолекторий шел два раза в месяц [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. Помимо этого, по радио распространялась информация о введении гражданских безрелигиозных обрядов. Так, о торжественной регистрации 131 пары в Абакане за 1970–1971 гг. были организованы три радиопередачи хакасского и одна передача краевого радио [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 142]. На открытых агитплощадках в летний период в ходе проведения атеистических мероприятий демонстрировались антирелигиозные фильмы. В областных газетах «Советская Хакасия» и «Ленин Чолы» печатались статьи на атеистические темы [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29. Л. 8]. В 1971 г. в газете «Черногорский рабочий» были опубликованы статьи бывшей верую-

щей М. Е. Денисенко [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 14]. В местной газете Таштыпского района Хакасской автономной области «Под знаменем Ленина» также освещались вопросы атеистического воспитания [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 9].

Одним из направлений атеистической работы в СССР являлось содействие удовлетворению культурных и эстетических запросов населения, поскольку в религиозных общинах большое значение придавалось музыкальному сопровождению, украшению храмов, пению. В связи с этим проводились безрелигиозные праздники: проводы зимы, березки, проводы в армию, посвящение в рабочие, совершеннолетие, праздники улиц и др. [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 140]. Городской совет по внедрению безрелигиозных обрядов Абакана в отделении загса, ДК и клубах организовывал торжественные регистрации новорожденных и безрелигиозные свадьбы [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 2]. В Боградском районе Хакасской автономной области праздновалось посвящение в хлеборобы [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. Важно отметить, что безрелигиозные праздники как форма атеистической работы проводились советской властью, в том числе в Сибири, еще с 1920-х гг. [Дашковский, Зиберт, 2020: 31].

Отдельные мероприятия по атеистическому воспитанию трудящихся проводили городские отделы культуры, например, в Черногорске [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4. Л. 59]. В доме культуры Абакана в 1970 г. проводились атеистические вечера, вечера вопросов и ответов на антирелигиозные темы [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17. Л. 1]. Кроме того, к проведению атеистической пропаганды привлекались сотрудники библиотек. Например, в библиотеке Орджоникидзевского района в 1969 г. был оформлен стенд «Наука разоблачает религию» [НАРХ. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 200. Л. 1].

Усиление атеистической работы в регионе

В первой половине 1970-х г в особое внимание в атеистической работе было направлено на деятельность религиозных объединений, квалифицируемую как антиобщественная. Чаще всего она связывалась с действиями сторонников движения «инициативников». В этот период в литературе вводится термин «сектантский экстремизм», впоследствии замененный на «религиозный экстремизм» [Глушаев, 2017: 111]. В Хакасии антиобщественной, экстремисткой считалась деятельность пятидесятников, в особенности тех, кто отказывался от советского гражданства и просил права выехать за границу. В соответствии с письмом областного отдела управления КГБ от 29 марта 1974 г. атеистической работе с такими верующими уделялось больше внимания. В Черногорске были проведены совещания с секретарями партийных организаций, начальниками отделов кадров, была организована учеба секретарей парторганизаций и начальников отделов кадров предприятий, учреждений, где работали верующие. Агитаторы-атеисты пересмотрели графики посещения молитвенных собраний пятидесятников, усилили индивидуальную работу с верующими. Комиссия содействия соблюдения законодательства о религиозных культах при Черногорском горисполкоме провела индивидуальные беседы со всеми пятидесятниками, ходатайствующими о выезде за границу. В ходе бесед секретарь горкома КПСС К. И. Железова и другие местные должностные лица разъяснили верующим инструкцию по выезду за границу [НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Л. 38. Л. 25].

К середине 1970-х гг. в Хакасии проводились партийные, профсоюзные, комсомольские собрания об усилении атеистического воспитания населения, планировалось привлечь областную писательскую организацию, союз журналистов, работников печати, телевидения, радио, работников культуры, системы профтехобразования, школ, вузов [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 40. Л. 1]. На заседаниях отдела пропаганды и агитации отчитывались секретари партийных организаций городской больницы, роддома, вагонного депо, трикотажной фабрики об атеистической работе в коллективах и по месту жительства трудящихся [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29. Л. 6]. В отношении отдельных районов были приняты постановления. Так, 27 марта 1974 г. вышло постановление бюро обкома КПСС Хакасской автономной области «О состоянии и мерах усиления атеистического воспитания трудящихся в Боградском районе» [НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 40. Л. 1]. Дело в том, что в первой половине 1970-х гг. в Боградском районе области насчитывалось 54 верующих, среди которых активно действовали группы свидетелей Иеговы, продолжался раскол в общине ЕХБ в с. Знаменка. В этой ситуации свои усилия по атеистической работе скоординировали общество «Знание» и партийная организация с. Знаменка, профсоюзная, комсомольская организации и сельский совет [НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. 5. Л. 9].

Заключение

Таким образом, во второй половине 1960-х — середине 1970-х гг. в Хакасской автономной области Красноярского края, как и в целом по Советскому Союзу, в атеистической пропаганде большую роль играли пропагандистские мероприятия, ставился акцент на распространение научных знаний. Основными формами атеистической пропаганды стали проведение лекций, коллективных и в особенности индивидуальных бесед, вечеров вопросов и ответов, кинолекториев, проведение безрелигиозных праздников. При этом к верующим, наряду с мерами административного воздействия, денежными штрафами за нарушение законодательства о культурах, продолжали применять меры общественного влияния за исполнение религиозных обрядов — осуждение в коллективах, общественные суды. Значительную часть атеистической работы в Хакасии проводили отделы пропаганды и агитации краевого исполнительного комитета, областного, городских и районных исполкомов КПСС и ВЛКСМ, Красноярская краевая и Хакасская областная организации Всесоюзного общества «Знание», образовательные, медицинские учреждения и учреждения культуры. Несмотря на проведение атеистической работы в Хакасии местные органы власти отмечали высокую степень активности верующих в Черногорске, Абакане, Боградском, Аскизском и Алтайском районах. Проведение атеистической пропаганды в Хакасии, как и по всей стране, не привело к исчезновению религиозных взглядов и убеждений.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44027 и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы в рамках проекта № НШ-63.2022.2.

Thanks

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 21–011–44027 and the Foundation of the President of the Russian Federation for the support of a leading scientific school in the framework of project No. NSH-63.2022.2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В. А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения советского государства и религии. М. : Политиздат, 1991. 400 с.

Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А. Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 100–111.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-2384. Оп. 1 Д. 48. Л. 78–79, 85.

Глушаев А. Л. Раскол в баптизме: «Инициативники» и «религиозный экстремизм» в интерпретациях советской атеистической литературы 1960–1980-х гг. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. № 71. 2017. С. 104–118.

Горбатов А. В. Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.) // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 157–160.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 152 с.

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 — середине 1960-х гг. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 140 с.

Дворянчикова Н. С. Положение религиозных общин на юге Западной Сибири в контексте советской и российской государственно-конфессиональной политики в середине 1960-х — 2000 г. : дис. ... кан. ист. наук. Барнаул, 2021. 298 с.

Зуев Ю. П. Институт научного атеизма (1964–1991) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения: сборник. Ч. 1: Институт научного атеизма — Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС. М. : МедиаПром : Изд-во РАГС, 2009. С. 9–34.

Клюева В. П. «В настоящее время религия переживает серьезный кризис»: реакция советских верующих на антирелигиозную пропаганду // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 143–150.

Колкунова К. А. Атеистическая пропаганда в художественной литературе 1950–1960-х гг. // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2013. № 49 (5). С. 113–132.

Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П-2. Оп. 6. Д. 82.

НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 9.

НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 17.

НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 29.

НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 32.

- НАРХ. Ф. П-2. Оп. 14. Д. 40.
НАРХ. Ф. П-3. Оп. 52. Д. 16.
НАРХ. Ф. П-3. Оп. 53. Д. 22.
НАРХ. Ф. П-3. Оп. 54. Д. 26.
НАРХ. Ф. П-3. Оп. 55. Д. 25.
НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 4.
НАРХ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 38.
НАРХ. Ф. П-12. Оп. 47. Д. 92.
НАРХ. Ф. П-12. Оп. 46. Д. 61.
НАРХ. Ф. П-13. Оп. 32. Д. 25.
НАРХ. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 200.
НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 4.
НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 5.
НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 20.
НАРХ. Ф. П-611. Оп. 1. Д. 26.

Никольская, Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 356 с.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74964-programma-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-1961-g#mode/inspect/page/10/zoom/4> (дата обращения: 05.07.2022).

Савинов И. Д. Лихолетье. Новгородская епархия и советская власть 1917–1991 гг. В. Новгород : Чело, 1998. 112 с.

Селезнев А. В. Формы и масштаб просветительской деятельности Красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947–1992 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 91–114.

Серова Е. А. Общины Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в середине 1940-х — первом десятилетии 2000-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 33 с.

Смолкин В. «Свято место пусто не бывает»: атеистическое воспитание в Советском Союзе, 1964–1968 // Неприкосновенный запас. 2009. № 3 (65).

Сосковец Л. И. Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С. 189–199.

Сосковец Л. И. Антирелигиозные практики советского государства: цели, структура, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 178–182.

Чаусов А. И. Эволюция советской атеистической пропаганды в середине 50-х по начало 80-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 27 с.

Шкаровский М. В. Последняя атака на Русскую православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М. : РГУ, 1997. С. 328–399.

Шлихта Н. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950–1960-е гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 380–407.

REFERENCES

Alekseev V. A. *Illyuzii i dogmy: Vzaimootnosheniya sovetskogo gosudarstva i religii* [Illusions and Dogmas: The Relationship between the Soviet State and Religion]. M. : Politizdat, 1991. 400 s. (in Russian).

Belikov S. V., Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A. Deyatel'nost' komissij po kontrolyu za vypolnieniem zakonodatel'stva o kul'tah v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine 1960-h — nachale 1980-h gg [Activity of commissions for control over the implementation of legislation on cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2019. № 2 (19). S. 100–111 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK) [State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. Fund. R-2384. Inventory. 1 File. 48. L. 78–79, 85 (in Russian).

Glushaev A. L. Raskol v baptizme: “Iniciativniki” i “religioznyj ekstremizm” v interpretatsiyah sovetskoj ateisticheskoy literatury 1960–1980-h gg. [Schism in Baptism: “Initiators” and “Religious Extremism” in the Interpretations of Soviet Atheistic Literature of the 1960s–1980s.]. *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 1: Theology. Philosophy. religious studies]. № 71. 2017 S. 104–118 (in Russian).

Gorbatov A. V. Propaganda i SMI v period hrushchevskoj antireligioznoj kampanii (1954–1964 gg.) [Propaganda and Mass Media during Khrushchev's Anti-Religious Campaign (1954–1964)]. *Vestnik KemGU* [Vestnik of Kemerovo State University]. 2014. № 3 (59). S. 157–160 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. *Sovetskaya i rossijskaya gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoj Sibiri* [Soviet and Russian state-confessional policy in the south of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2022. 152 s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. *Gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoj Sibiri v konce 1917 — seredine 1960-h gg.* [State-confessional policy in the south of Western Siberia in late 1917 — mid-1960s.]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2020. 140 s. (in Russian).

Dvoryanchikova N. S. *Polozhenie religioznykh obshchin na yuge Zapadnoj Sibiri v kontekste sovetskoj i rossijskoj gosudarstvenno-konfessional'noj politiki v seredine 1960-h — 2000 g.* [The situation of religious communities in the south of Western Siberia in the context of Soviet and Russian state-confessional policy in the mid-1960s — 2000s.]: Thesis in History. Barnaul, 2021. 298 s. (in Russian).

Zuev Yu. P. *Institut nauchnogo ateizma (1964–1991)* [Institute for Scientific Atheism (1964–1991)]. *Voprosy religii i religiovedeniya. Vyp. 1: Antologiya otechestvennogo religiovedeniya: sbornik. Ch. 1: Institut nauchnogo ateizma — Institut religiovedeniya AON pri CK KPSS* [Questions of religion and religiovedeniya. Vyp. 1: Antologiya otechestvennogo religiovedeniya: sbornik. Ch. 1: Institut nauchnogo ateizma — Institut religiovedeniya AON pri CK KPSS.]. M. : ID “MediaProm”; Izd-vo RAGS, 2009. S. 9–34 (in Russian).

Klyueva V. P. «V nastoyashchee vremya religiya perezhivaet ser'eznyj krizis': reakciya sovetskih veruyushchih na antireligioznyu propagandu [“At present, religion is undergoing a serious crisis”: the reaction of Soviet believers to anti-religious propaganda]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. 2015. № 4 (31). S. 143–150 (in Russian).

Kolkunova K. A. Ateisticheskaya propaganda v hudozhestvennoj literature 1950–1960-h gg [Atheist Propaganda in Fiction in the 1950s–1960s]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya* [Vestnik PSTGU. Series 1: Theology. Philosophy]. 2013. № 49 (5). S. 113–132 (in Russian).

Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya (NARH) [National Archives of the Republic of Khakassia]. Fund. P-2. Inventory. 6. File. 82. L. 16, 40–41, 91 (in Russian).

Nacional'nyj arhiv Respubliki Hakasiya (NARH) [National Archives of the Republic of Khakassia]. Fund. P-2. Inventory. 14. File. 9. L. 45, 54 (in Russian).

NARH. Fund. P-2. Inventory. 14. File. 17. (in Russian).

NARH. Fund. P-2. Inventory. 14. File. 29. (in Russian).

NARH. Fund. P-2. Inventory. 14. File. 32 (in Russian).

NARH. Fund. P-2. Inventory. 14. File. 40 (in Russian).

NARH. Fund. P-3. Inventory. 52. File. 16 (in Russian).

NARH. Fund. P-3. Inventory. 53. File. 22. (in Russian).

NARH. Fund. P-3. Inventory. 54. File. 26. (in Russian).

NARH. Fund. P-3. Inventory. 55. File. 25. (in Russian).

NARH. Fund. P-4. Inventory. 56. File. 4. (in Russian).

NARH. Fund. P-4. Inventory. 56. File. 38 (in Russian).

NARH. Fund. P-12. Inventory. 47. File. 92 (in Russian).

NARH. Fund. P-12. Inventory. 46. File. 61 (in Russian).

NARH. Fund. P-13. Inventory. 32. File. 25 (in Russian).

NARH. Fund. P-102. Inventory. 1. File 200 (in Russian).

NARH. Fund. P-611. Inventory. 1. File. 4 (in Russian).

NARH. Fund. P-611. Inventory. 1. File. 5 (in Russian).

NARH. Fund. P-611. Inventory. 1. File. 20 (in Russian).

NARH. Fund. P-611. Inventory. 1. File. 26 (in Russian).

Nikol'skaya T. K. *Russkij protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godah* [Russian Protestantism and State Power in 1905–1991]. SPb. : Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009. 356 s. (in Russian).

Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. [1961 g.]. XXII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. 17–31 oktyabrya 1961 goda. Stenograficheskiy otchet [Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. [1961 g.]. XXII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. 17–31 oktyabrya 1961 goda. Stenograficheskiy otchet]. Elektronnyaya biblioteka istoricheskikh dokumentov [XXII Congress of Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. October 17–31, 1961 year. Stenograficheskiy report]. Elektronnyaya biblioteka istoricheskikh dokumentov]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74964-programma-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuz-1961-g#mode/inspect/page/10/zoom/4> (accessed on July 14, 2022) (in Russian).

Savinov I. D. *Liholet'e. Novgorodskaya eparhiya i sovetskaya vlast' 1917–1991 gg* [Hard times. Novgorod diocese and Soviet power 1917–1991]. V. Novgorod: Chelo, 1998. 112 s. (in Russian).

Seleznev A. V. Formy i masshtab prosvetitel'skoj deyatel'nosti Krasnoyarskoj kraevoj organizacii obshchestva “Znanie” v 1947–1992 gg. [Forms and scale of educational activities of the Krasnoyarsk regional organization of the society “Knowledge” in 1947–1992]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research]. 2018. № 6. S. 91–114 (in Russian).

Serova E. A. *Obshchiny Evangel'skih hristian-baptistov Kemerovskoj oblasti v seredine 1940-h — pervom desyatiletii 2000-h gg.* [Communities of Evangelical Christian Baptists in the Kemerovo region in the mid-1940s — the first decade of the 2000s]: Thesis in History. Kemerovo, 2013. 33 s. (in Russian).

Smolkin V. “Svyato mesto pusto ne byvaet”: ateisticheskoe vospitanie v Sovetskom Soyuze, 1964–1968 [“A Holy Place Is Never Empty”: Atheistic Education in the Soviet Union, 1964–1968]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency ration]. 2009. № 3 (65) (in Russian).

Soskovec L. I. Fenomen sovetskogo antireligioznogo agitpropa [The phenomenon of Soviet anti-religious agitprop]. *Vestn. Tom. gos. un-ta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2005. № 288. S. 189–199 (in Russian).

Soskovec L. I. Antireligioznye praktiki sovetskogo gosudarstva: celi, struktura, etapy, sredstva [Anti-religious practices of the Soviet state: goals, structure, stages, means]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2013. № 9 (35): v 2-h ch. Ch. II. C. 178–182 (in Russian).

Chausov A. I. *Evolyuciya sovetskoj ateisticheskoy propagandy v seredine 50-h po nachalo 80-h gg. XX v.* [The evolution of Soviet atheistic propaganda in the mid-1950s and early 1980s. 20th century]: Thesis in History. SPb., 2010. 27 s. (in Russian).

Shkarovskij M. V. Poslednyaya ataka na Russkuyu pravoslavnuyu cerkov' [The last attack on the Russian Orthodox Church]. *Sovetskoe obshchestvo: vzniknovenie, razvitie, istoricheskij final* [Soviet society: emergence, development, historical finale]. M. 1997. S. 328–399 (in Russian).

Shlihta N. “Ot tradicii k sovremennosti”: pravoslavnaya obryadnost' i prazdniki v usloviyah antireligioznoj bor'by (na materialah USSR, 1950–1960-e gg.) [“From tradition to modernity”: Orthodox rituals and holidays in the context of the anti-religious struggle (on the materials of the Ukrainian SSR, 1950s–1960s)]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2012. № 3–4 (30). S. 380–407 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 30.03.2022.

Принята к публикации: 25.07.2022.

Дата публикации: 30.09.2022.

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIN PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история;
- Этнология и национальная политика;
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения;
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст до 40 тыс. знаков с пробелами (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см) и иллюстрации. Стандартный объем статьи — 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов). Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: введение, тематические блоки (от одного до пяти блоков), заключение.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК)

Индекс DOI (цифровой индикатор объекта) проставляется редколлегией

Инициалы и фамилия автора на русском языке

Место работы автора, город и страна

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке, не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Инициалы и фамилия автора на английском языке

Место работы автора, город и страна на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

Подробные сведения об авторе на русском английском языках (фамилия, имя и отчество, ученая степень, звание, место работы, город и страна)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

DOI: 10.14258/nneur(2022)1-0

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается

ся на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 000–000. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–10

I. I. Ivanov

Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia)

**MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space

---

---

in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I. I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 1. P. 000–000. DOI: 10.14258/nneur(2022)2–10

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.ivanov@mail.ru

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). Contact address: i.ivanov@mail.ru. Orcid.org/0000–0002–4933–8809

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07–01–00842а)

Библиографический список

References

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов,

---

1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения:: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации библиографического списка, но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — «, ы — y, ь — ‘, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) *Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”:* www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (*CONVERT FROM*) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filoz. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Для заметок

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022. Том 27, № 3

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 26.09.2022.

Выход в свет 30.09.2022.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 14,0. Тираж 300 экз. Заказ 000.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66